

АРХЕОЛОГИЯ

ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Выпуск 12

Каменный пест-скипетр из Сокура

АВЕС · 12

САРАТОВ 2016

Saratov State University named for N.G. Chernyshevsky

ARCHAEOLOGY
OF THE EAST EUROPEAN
STEPPE

Number 12

Saratov, 2016

Саратовский государственный университет
им. Н.Г. Чернышевского

АРХЕОЛОГИЯ ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 12

Саратов, 2016

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43
А 87

А87 Археология Восточно-Европейской степи: Межвуз. сб. науч. тр.
/ Под ред. доц. В.А. Лопатина – Саратов, 2016. Вып. 12. – 240 с.
ISSN 2305-3437

Кафедрой истории России и археологии Саратовского государственного университета подготовлен очередной выпуск сборника Археология Восточно-Европейской степи. В сборнике представлены научные статьи авторов Санкт-Петербурга, Москвы, Самары, Саратова, Балашова, Ростова-на Дону по проблемам археологии энеолита, бронзы, раннего железного века, позднего средневековья, в которых рассматриваются вопросы периодизации и хронологии, хозяйства, социальной структуры древних обществ. Значительное внимание уделяется публикациям новейших материалов из раскопок на территории степной Евразии. Сборник рекомендуется специалистам – археологам, историкам, краеведам, музейным работникам и всем интересующимся древнейшей историей Нижнего Поволжья.

Выпуск подготовлен при финансовой поддержке И.Н. Титова

Редакционная коллегия

доц. В.А. Лопатин (отв. редактор),
доц. А.Б. Мальшев (отв. секретарь),
доц. Н.М. Малов (зам. отв. редактора, научный координатор),
А.И. Жемков (технический редактор)
ст.науч.сотр. ИИМК РАН (С.-Петербург) В.С. Бочкарев,
проф. А.С. Скрипкин (Волгоградский государственный университет)

*Печатается по решению Ученого совета Института истории
и международных отношений
Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского
(издательский план 2016 года).*

УДК 902 (470.4/.5) | 631/653 | (082)
ББК 63.4 (235.5) я43

ISSN 2305-3437

© Малов Н.М., Фоменко С.В.
и др. авторы, 2016

К 120-летию со дня рождения известного археолога
Татьяны Максимовны Минаевой

СТАТЬИ

Малов Н.М.

ТАТЬЯНА МАКСИМОВНА МИНАЕВА В ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

В 2016 году исполнилось 120 лет со дня рождения известного археолога Т.М. Минаевой (25.01.1896–18.08.1973), которая принадлежала к поколению первых молодых советских исследователей. По окончании учительской семинарии (1913 г.) Т.М. Минаева учительствовала в земской школе и в женской гимназии, в 1924 г. закончила историко-филологический факультет СГУ, работала в СОМК, продолжала обучение в аспирантуре. В довоенный период в Саратове Т.М. Минаева занималась в основном музейной работой и культурно-просветительской деятельностью, была также неременной участницей экспедиций П.С. Рыкова, проводила совместные исследования с П.Д. Рау, опубликовала ряд талантливых работ. В 1929 г. она переведена на работу в Сталинградский краеведческий музей, где продолжала полевые исследования. В 1936 г. Т.М. Минаева была арестована и сослана в Соль-Илецк на 3 года, после чего, перед самым началом ВОВ, уехала в Ставрополь, где стала сотрудницей местного краеведческого музея.

Ключевые слова: Т.М. Минаева, история археологии, музейное дело, Нижнее Поволжье, Саратов, Сталинград

Malov N.M.

TATYANA MAKSIMOVNA MINAYEVA IN THE HISTORY OF ARCHAEOLOGY OF THE LOWER VOLGA REGION

2016 was the year of the 120th anniversary of a famous archaeologist, T.M. Minayeva (1896–1973), who belonged to the generation of the first young So-

viet researchers. After graduation from the Teachers' seminary, she taught at a county school and at a gymnasium for girls. In 1924, she graduated from the history-philology department of the Saratov State University and combined work at the Saratov Regional Museum of Local Lore and postgraduate studies. During the pre-war period in Saratov, T.M. Minayeva was mainly involved in museum business and cultural enlightenment activities. Tatyana Maksimovna was among the members of P.S. Rykov's expeditions, made joined research with P.D. Rau, she has published a number of interesting papers. In 1929, she was transferred to the Stalingrad Local Lore Museum and continued her field research. In 1936, T.M. Minayeva was arrested and exiled to Sol-Ilets for three years. Right before the war she went to Stavropol to become an employee at the museum of local lore.

Key words: T.M. Minayeva, history of archaeology, museum business, Lower Volga Region, Saratov, Stalingrad

Личная судьба молодого ученого археолога Татьяны Максимовны Минаевой и начало её научной деятельность теснейшим образом связаны со сложной переломной эпохой. В историографии советской исторической науки и археологии время от октября 1917-го до середины 1930-х гг. традиционно рассматривается как первый период. Именно в послереволюционные и предвоенные годы становления советской археологии и музейного дела Татьяна Максимовна получила вузовское историческое образование, а после окончания Саратовского государственного университета (СГУ) более 10 лет работала научным сотрудником музеев краеведения в Саратове и Сталинграде, активно занималась научной деятельностью в сфере археологии, сформировалась как профессиональный музейщик и археолог.

Свою трудовую педагогическую деятельность Т.М. Минаева начинала еще в досоветский период. Закончив Петербургскую учительскую семинарию в 1913 г., юная девушка «учительствовала в начальной земской школе с. Васильевка, затем в Балаковской женской гимназии в Самарской губернии» [Михайлова, 2016]. В 1919 году Т.М. Минаева поступила на *историко-филологический факультет* Саратовского университета, который успешно закончила в 1924 г. Как начинающий советский археолог она работала научным сотрудником Саратовского областного музея краеведения (СОМК) и продолжила обучение в аспирантуре при кафедре археологии и истории искусств СГУ [Найденко, 1975]. Таким образом, начальный период ее становления как профессионального археолога и музейщика был непосредственно связан с Саратовским государственным университетом и Саратовским областным музеем краеведения.

В годы учебы Т.М. Минаевой первыми преподавателями, исследователями и организаторами археологии в СГУ были профессора Ф.В. Баллод и

П.С. Рыков [Малов, 2006]. Профессор *кафедры теории и истории искусств* Ф.В. Баллод служил здесь 5 учебных лет (1918–1923). В 1919 г., когда Баллод был деканом, по результатам его доклада открыли *отделение истории искусств и археологии*, несколько выпускников которого потом, работали в музеях и в СГУ, где занимались археологией [Малов, 2015]. В сентябре 1920 г. П.С. Рыков был избран доцентом и заведующим *кафедрой археологии*, а через год утвержден в звании профессора [Малов, 2010; Малов, Павлова, 2010]. Первоначально эта кафедра входила в состав педагогического факультета, деканом которого был Павел Сергеевич, но в 1927 г. это уже *кафедра археологии и этнографии*.

В 1920 г. при СГУ создается *Археологический научно-исследовательский институт*, первым директором которого был Ф.В. Баллод. В Списке краеведческих организаций¹, отправленном в московский Центр краеведения 6 апреля 1923 г. и хранящемся в Государственном архиве Саратовской области (ГАСО. Ф. 402. Оп. 2, ед. хр. 430), указано, что данный институт (кабинет истории и теории искусств, 1 корпус СГУ) возглавляет профессор Баллод.

В октябре 1924 г. Археологический институт реорганизуется в *Южно-Волжский научно-исследовательский институт краеведения*, директором которого с этого времени и до ареста в 1937 г. был П.С. Рыков. Институт сыграл важную роль в археологическом изучении Юго-Востока Европейской части нашей страны. Он регулярно издавал Известия, где публиковались статьи по археологии. При институте была аспирантура, в которой после окончания СГУ, вероятнее всего, и была оставлена Татьяна Максимовна. Осенью 1925 г. вместо Общества истории, археологии и этнографии при СГУ, секретарем археологического отдела которого она была в 1922 г, регистрируется *Нижне-волжское областное общество краеведения*. В Известиях этого общества опубликованы две статьи Т.М. Минаевой [Минаева, Рау, 1926; Минаева, 1929].

Основным местом работы Татьяны Максимовны с августа 1923 по 20 апреля 1929 гг. бы археологический отдел - музей СОМК, директором которого являлся П.С. Рыков. Деятельность Т.М. Минаевой здесь пришлось на годы завершения процесса формирования советской системы государственного управления музеями. В 1923 г. Археологический отдел-музей провел сложную работу по проверке инвентаря и обследованию коллекций. До этого записи в

¹ Кроме того, в Списке краеведческих организации Саратовской области от начала апреля фигурируют: Саратовское общество ИСТАРХЭ при СГУ (Б. Кострижная, 50) – во главе профессор С.Н. Чернов; Комиссия по изучению татарской культуры – Завгубонацмен. Дж. Галли (Губ. Исполком); Кружок любителей изучения местного края. г. Аткарск – железнодорожная школа; Отдел общества Мироведения, г. Петровск – Д.В. Наумов, заведующий Единым государственным музеем; Отделение Саратовского об-ва ИСТАРХЭТ г. Сердобск – Б.А. Знаменский, Советская школа 2 ступени; Кружок любителей изучения местного края при Государственном музее, г. Вольск – Шмуккер.

старых инвентарных книгах СУАК были неудовлетворительными или слишком краткими. Во втором томе Книги записи вещей СУАК, хранящейся в фондах СОМК, после №325 на лл. 255–266 отмечено следующее: «1923 года, августа 18, закончена проверка инвентаря, причем исключены из него предметы, переданные в другие Отделения Областного музея или утерянные, испорченные и т. п. Новая нумерация, сделанная красными чернилами, заменяет прежнюю, объединяя иногда группу предметов под одним № или предметы, находящиеся на одной таблице. ЗавГубМузеем и Зав. Музеем П. Рыков. Научн. сотр. Т. Минаева.» [Малов, 2006а. С. 235].

В ходе инвентаризационной процедуры многие коллекции бывшего музея СУАК передали в другие отделы СОМК, а в 1925 г. во всем музее отказались от прежних инвентарных книг, приобрели книги определенного образца с вариантами для разных отделов. Т.М. Минаева фигурирует в официальных справках как сотрудник Саратовского государственного областного музея. В 1925–28 гг. археологический отдел Областного научного музея располагался на ул. Б. Кострижная (ул. им. Сакко и Ванцетти), в здании бывшей СУАК. По официальному Списку сотрудников Саратовского государственного музея (от 1 октября 1926 г.) Т.М. Минаева работала хранителем археологического отдела [там же. С. 245]. В отчете за 1926–1927 операционный год сказано, что в археологическом отделе было два сотрудника – хранитель и вахтер. Т.М. Минаева (стаж 7 лет) работала старшим помощником хранителя, а Н.К. Арзютов – младшим помощником хранителя [там же. С. 251]. В 1926 г. отделы Областного музея имели такие инвентарные книги: Книга для записи экспонатов; Книга для записи негативов; Книга для записи рисунков и фотографий. В археологическом отделе «вчерне» закончили проверку инвентаря и инвентаризацию, приступили к каталогизации, но для этого не хватало сотрудников и средств на каталожные ящики.

Разделы-залы экспозиции археологического отдела, характеризовали неолитическую эпоху и культуры бронзового века, культуру скифо-сарматских племен, финнов (городища, селища, могильники), поздних кочевников (курганый материал) и Золотой орды. «Кроме того, имеется вестибюль, в котором выставлены муляж первобытной пещеры и муляж в вертикальном разрезе кургана бронзовой эпохи, а также вывешены таблицы археологической классификации проф. В.А. Городцова <...> В зале бронзовой эпохи материал был распланирован так, чтобы отметить разные моменты так наз. «хвалынской» культуры, именно она разбита на три стадии: - раннюю – «А», среднюю – «В» и позднюю «С» [там же. С. 251].

Коллекции археологического отдела изучались известными и авторитетными специалистами: профессором I-го Московского университета В.А. Городцовым (в течение недели августа месяца 1927 г.), директором Музея

Восточных Культур профессором Б.П. Денике и директором Рязанского областного музея С.Д. Яхонтовым [там же. С. 251–252]. В 1925–27 гг. Областной музей был связан по своей деятельности с Академией истории материальной культуры, Государственным историческим музеем и с Финляндским музеем – по разработке вопросов бронзовой эпохи, поддерживались контакты с профессором А.М. Тальгреном и хранителем Будапештского Национального музея Ф.В. Феттихом, получены каталоги Вашингтонского и Люценского музея [там же. С. 253].

По мнению П.С. Рыкова Археологический музей сделался центром археологического изучения Нижнее-Волжской области: «Музей в результате всех упомянутых работ, обогатился коллекциями настолько, что его можно считать одним из ценных и интересных в научном отношении музеев Республики, судя по тем компетентным отзывам ученых, которые с ним знакомились. Достаточно назвать такие имена, как проф. В.А. Городцов или финский археолог проф. А.М. Тальгрэн» [Рыков, 1927. С. 7]. В музее Т.М. Минаева занималась не только научной деятельностью, но и культурно-просветительской. Она и Н.К. Арзютов участвовали в подготовке пособия: «Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижне-Волжскому краю» [Рыков, 1928].

Будучи студенткой, как минимум с лета 1922 г, Татьяна Максимовна участвовала в полевых археологических исследованиях, проводившихся П.С. Рыковым в Покровском и Хвалынском уездах Саратовской губернии [Рыков, 1923]. В 1923 году с Алексеевского городища (окраина г. Саратова) в Археологический отдел СОМК поступила коллекция, собранная А.А. Кротковым, П.Н. Шишкиным, Т.М. Минаевой, А.Н. и Е.Н. Кушевыми. Под руководством П.С. Рыкова, летом 1924 года Т.М. Минаева произвела совместные археологические разведки с близким другом и коллегой П.Д. Рау в бассейне реки Торгун, где были собраны каменные орудия времени неолита – энеолита на древних бытовые памятниках [Минаева, Рау, 1926]. После этого Татьяна Максимовна специально интересовалась каменной индустрией северных районов Нижнего Поволжья, опубликовала одно из первых исследований, посвященных классификации и анализу материалов, происходящих с донных стоянок и местонахождений.

Вводя в научный оборот коллекции изделий, хранящихся в некоторых музеях данного региона, она описала памятники и местонахождения, охарактеризовала формы орудий, а также условия, при которых они были найдены [Минаева, 1929. С. 3–27]. Определенный историографический интерес представляет то, что автором были рассмотрены находки из Саратовского правобережья. Среди них Т.М. Минаева уделила внимание местонахождению на «Песковой горе» или так называемым «Рассказанским стоянкам» в бассейне

р. Хопер, которое летом 1925 г. посетил преподаватель железнодорожной школы г. Аткарска Н.Я. Федоров. В бассейне р. Медведицы анализировались находки, собранные на песчаных россыпях в окрестностях сел Аткарского района: Верхняя Красавка, Нестеровка и Пески. Для анализа также привлекались памятники и находки с правого берега Волги из окрестностей слободы Даниловки, с. Старой Яблоньки (в том числе из сборов на стоянке №3 К.Ю. Гросса и В.Ф. Орехова, 1926 г.) а также кремневое пластинчатое орудие – топорик подтреугольной формы из Вольского краеведческого музея (1927 г.).

Будучи сотрудницей СОМК, Т.М. Минаева приступила к исследованию памятников эпохи средней и поздней бронзы, близ с. Нижняя Грязнуха раскопала курганы, содержащие погребения (1/2, 2/2) катакомбной культуры, в одном из которых была обнаружена курильница [Минаева, 1934; Сеницын, 1954. С. 219–221; Качалова, 1968. С. 10–11, рис. 1, 30]. Тогда же Татьяну Максимовну заинтересовали памятники срубной культуры. Она впервые осуществила тщательную классификацию керамики Покровского селища: детально проанализировала элементы орнамента и основные варианты форм баночных, округлобоких и острореберных сосудов [Минаева, 1928; Лопатин, 2002. С. 11–12]. Кроме того, Т.М. Минаева приступила к изучению Волго-Уральских случайных находок и погребальных комплексов гуннской эпохи, раскопанных П.С. Рыковым близ ст. Шипово и в Покровских курганах [Минаева, 1927; Минаева, 1929; Засецкая, 1994. С. 7]. Таким образом, в Саратове основные сферы научных интересов Татьяны Максимовны охватывали поселения с кремневой индустрией неолита-энеолита, памятники катакомбной и срубной культур, а также древности гуннской эпохи.

В 1920-е годы сформировалась группа молодых постоянных участников археологических экспедиций П.С. Рыкова, в которую входили Т.М. Минаева, П.Д. Степанов, Н.К. Арзютов, И.В. Сеницын и др. Будучи студенткой СГУ и научным сотрудником СОМК, Т.М. Минаева принимала участие в археологических экспедициях, возглавляемых ее «научным учителем» профессором П.С. Рыковым. Так, например, летом 1925 г. П.С. Рыков произвел крупные полевые археологические исследования в Нижнем Поволжье и Уральской области. В состав экспедиции входили: научные сотрудники СОМК – Н.К. Арзютов, П.Д. Степанов и Т.М. Минаева; научный сотрудник педфака СГУ – Е.Н. Кушева; научный сотрудник Южно-Волжского института – А.Н. Кушева; студенты педагогического факультета СГУ – И.В. Сеницын, В.И. Трофимов [Рыков, 1926. С. 89].

Помощник хранителя Т.М. Минаева была уволена из СОМК 20 апреля 1929 г., в связи с переводом в Сталинградский краеведческий музей, где в марте-апреле этого же года временно трудился пенсионер А.А. Кротков [Малов, 2006а. С. 258]. Перевод Татьяны Максимовны в Сталинград произошел до

трагической кончины ее близкого товарища П.Д. Рау. После допросов по «Делу профессора Г.Г. Дингеса» и гонений, будучи главой семьи и отцом двоих детей (Георг и Элеонора), Пауль Давыдович ушел из жизни покончив с собой [Малов, 2006б]. Случилось это трагическое событие по прошествии около полутора лет после того, как Татьяна Максимовна уже жила и работала в Сталинграде. Обстоятельства смерти П.Д. Рау не были известны его близким родственникам. В 1960-е годы, пытаясь их выяснить, они обращались к И.В. Синецкину полагая что, он более осведомлен об этом.

В Сталинградском музее с 1925 по 1942 гг. активно трудился и занимался комплектованием археологических коллекций другой саратовский археолог – музейщик П.Н. Шишкин. Петр Николаевич закончил Цвикаусское инженерное училище в Германии и был членом СУАК. В сфере археологии он работал с 1908 г, проводя археологические исследования и раскопки в Саратовской, Самарской, Варшавской и Люблинской губерниях. В 1910 г. П.Н. Шишкин опубликовал в соавторстве с А.А. Кротковым три совместные археологические статьи в Трудах СУАК (Вып. 26) о городище и курганах близ с. Квасниковка, Усть-Курдюмском городке и поездке в с. Чардым. В 1914 г. совместно с С.А. Щегловым и С.А. Черновым он вскрыл три кургана на общественном выгоне г. Покровска, результаты раскопок которых опубликовал в 1923 г. [Шишкин, 1923. С. 22–26].

В 1919 г. он был инструктором музейного дела РУЖД и эмиссаром отдела музеев охраны старины Саратовского Губнароба, участвовал в раскопках Ф.В. Баллода на Увеке. В 1921 Петр Николаевич работал помощником заведующего музеем и ученым секретарем Истархэт. Его должность относилась к 35 категории, по которой ставка в месяц составляла 3840 р. [Список служащих. 1920, Л. 5; Малов, 2006. С. 12–18; он же, 2006а. С. 208–210]. В 1921–22 гг. П.Н. Шишкин выступал с докладами на заседаниях Саратовского общества ИСТАРХЭТ: «Отчет о поездке в северные уезды Саратовской губ.»; «К технике раскопок»; «О раскопках курганов поздней поры кочевников»; «О татарских бронзовых замочках».

В Сталинградском музее П.Н. Шишкин руководил экспедициями и активно осуществлял поиск памятников археологии. Он обследовал окрестности г. Сталинграда от с. Пичуга до г. Красноармейска, территорию Волго-Донского междуречья, бассейны рек Ахтубы, Иловли, Медведицы и Дона, в соавторстве с А.И. Ильиной опубликовал свод археологических памятников области. Петр Николаевич занимался раскопками грунтовых могильников салтово-маяцкой культуры и эпохи Золотой орды, исследовал несколько курганов с погребениями эпохи бронзы, раннего железного века и средневековья [Круглов, 2009]. В.Г. Миронов, вероятно, располагал сведениями о том, что

Петр Николаевич погиб при эвакуации коллекций Сталинградского музея в 1942 г. [Формозов, 2006. С. 199–200].

В должности заведующего историческим отделом Сталинградского краеведческого музея Татьяна Максимовна проработала с 1929 по 1936 гг. [Найденко, 1975; Круглов, Отюцкий, 2009]. В эти годы Т.М. Минаева активно проводила полевые исследования и комплектовала археологические коллекции музея. Она исследовала поселение с землянкой позднего бронзового века в Долгом Овраге у р. Царицы, раскопала несколько курганов близ села Пролейка, выявила ряд новых разновременных памятников археологии [Круглов, 2009. С. 299; Мамонтов, Скрипкин, 2013. С. 16.]. В 1933 г., в ходе раскопок землянки конца эпохи бронзы на берегу р. Царицы, она обнаружила зерна проса. Это позволило заключить, что наряду с мясом просо служило основной пищей для жителей древнего поселения, которые ежегодно обрабатывали почву и убирали урожай на одном и том же месте [Минаева, Фурсаев, 1934; Рыков, 1936. С. 39–40].

Т.М. Минаеву, принадлежавшую к первому поколению молодых советских археологов, не обошли стороной репрессии, которым также подверглись ее саратовские коллеги археологи и музейные сотрудники (П.С. Рыков, Н.К. Арзютов, В.А. Сушицкий и др.). После возбуждения дела «сталинградских краеведов» репрессии обрушились на других сталинградских краеведов и музейщиков, среди которых оказалась и Татьяна Максимовна [Моников, 2000. С. 22–25]. Арест Т.М. Минаевой не был связан с «Делом П.С. Рыкова». Профессора арестовали 14 августа 1937 г., а она отбывала ссылку с 1936 по 1939 гг. в г. Соль-Илецке, где преподавала в школе [Формозов, 2006. С. 211]. Ссылную Татьяну Максимовну посещал А.А. Кротков, который писал об этом в своих показаниях: «... я имею письменные сношения, и 2 раза имел личное свидание с работницей Сталинградского музея Т. Минаевой, высланной на 3 года из Сталинграда в Оренбург, этой женщине я обязан своей жизнью и оставить ее в постигшем ее несчастье я не считаю возможным» [Кротков, 2011. С. 9–10]. К сожалению, таков оказался итог деятельности Т.М. Минаевой на поприще археологии и музейного дела Нижнего Поволжья. После ссылки Татьяна Максимовна устроилась работать в Ставропольский краеведческий музей. В заключение следует подчеркнуть, что результаты исследований Т.М. Минаевой по археологии Нижнего Поволжья представляют не только историографический интерес, они до сих пор актуальны и активно используются специалистами.

Литература:

Засецкая И.П. Культура кочевников Южно-русских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв). СПб., 1994.

Качалова Н.К. О связях полтавкинских племен с катакомбными // АСГЭ. Ленинград, 1968. С. 9–13.

Кротков А.А. Автобиография А.А. Кроткова // Кротков А.А. Наровчат и его окрестности в историко-краеведческом отношении (Наровчатскому кружку краеведения посвящается). Пенза, 2011. С. 7–10.

Круглов Е.В. Экспедиции Сталинградского музея краеведения // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 299.

Круглов Е.В., Отюцкий И.В. Минаева Татьяна Максимовна // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 156–157.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Учебное пособие. Саратов, 2002.

Малов Н.М. Советская археология в Саратовском университете (1918–1940 гг.): организационное становление, развитие и репрессии // Археология Вост. Европ. степи. Вып. 4. Саратов, 2006. С. 4–28.

Малов Н.М. Советская государственная музейная сеть в Саратове (1919–1930 гг.): организационное становление, страницы истории и музейные деятели // Народы Саратовского Поволжья: этнология, этнография, духовная и материальная культура: Материалы межрегиональной научно-практической конференции. Саратов, 2006а. (Труды СОМК; Вып. 10). С. 192–277.

Малов Н.М. Рау Пауль Давыдович // Немцы России: энциклопедия. Т. 3. М., 2006б. С. 211–212.

Малов Н.М. Советский археолог Павел Сергеевич Рыков. К 125-летию со дня рождения // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). М., 2010. С. 721–733.

Малов Н.М. Василий Алексеевич Городцов и археология Нижнего Поволжья (к 15-летию со дня рождения исследователя) // Изв. СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 10. Вып. 2. 2010а. С. 36–40.

Малов Н.М. Профессор Ф.В. Баллод (к 95-летию первой археологической экспедиции Саратовского университета) // Известия СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 15. Вып. 1. 2015, С. 87–90.

Малов Н.М. Павлова Л.С. Профессор Павел Сергеевич Рыков – первый декан исторического факультета Саратовского университета (к 125-летию со дня рождения) // Историческая память. Вып. 1. Саратов, 2010. С. 153–177.

Мамонтов В.И., Скрипкин А.С. 2013. С. 16. История археологического изучения Волгоградского края // Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея. Волгоград, 2013. С. 11-24.

Михайлова О. «Самый благородный слой русской интеллигенции...» // «День Республики», г. Черкесск. 10-01-2016. <http://www.denresp.ru/ludiisudb/8615-samii-blagorodnii-sloi-russkoi-intelligenzhii.html>

Моников С.Н. Дело Сталинградских краеведов // Вопросы краеведения. Вып. 6. Волгоград, 2000. С. 22-25.

Найденко А.В. Минаева Татьяна Максимовна // СА. №4, 1975. С. 313.

Список служащих Историко-Археологического и музея Общественного движения Об-ва Истории, Археологии и этнографии // ГАСО. Ф-407, Оп. 2, Ед. хр. 359.

Рыков П.С. Результаты археологических исследований в Покровском и Хвалынском уезд., Саратовской губ. в 1922 г. // Труды об-ва ИСТАРХЭТ при СГУ. Вып. 34, часть I. Саратов, 1923.

Рыков П.С. Археологические раскопки и разведки в Нижнем Поволжье и Уральском крае летом 1925 г. (предварительный отчет) // Изв. Краеведческого ин-та изучения Южно-Волжск. обл. при СГУ. Т. I. Саратов, 1926. С. 87-134.

Рыков П.С. Музейная работа в Саратовской губернии за X лет // Отдельный оттиск из журнала «Нижнее Поволжье. №10. Саратов, 1927. С. 1-10.

Рыков П.С. Культурно-исторические (археологические) экскурсии по Нижнее-Волжскому краю. Саратов, 1928.

Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья. По археологическим материалам. Саратов, 1936.

Синицын И.В. Археологические памятники в Низовьях реки Иловли // Уч. зап. СГУ. Т. 39. 1954. С. 218-253.

Формозов А.А. Русские археологи в период тоталитаризма: Историографические очерки. 2-е изд., доп. М., 2006.

Шишкин П.Н. Курганы на общественном выгоне г. Покровска // Труды об-ва ИСТАРХЭТ при СГУ. Вып. 34, часть I. Саратов, 1923.

***Список выявленных публикаций Т.М. Минаевой
по археологии Нижнего Поволжья***

1. *Минаева Т.М., Рау П.Д.* Отчет об археологических разведках по р. Торгуну в 1924 // Тр. Нижне-Волжск. обл. об-ва краеведения. Вып. 35, ч. 1. Саратов, 1926.

2. *Минаева Т.М.* Погребения с сожжением близ г. Покровска // Уч. зап. СГУ. Т. 6. Вып. 3. 1927.
3. *Минаева Т.М.* Керамика Покровского селища // Тр. секции археологии РАНИОН. Т. 4. 1928.
4. *Минаева Т.М.* Кремневая индустрия Нижнего Поволжья // Тр. Нижне-Волжск. об-ва краеведения. Вып. 36. Ч. 1. Саратов, 1929.
5. *Минаева Т.М.* Погребения Зацарицынского района г. Сталинграда // Сообщения ГАИМК. Вып. 3-4. Л., 1932.
6. *Минаева Т.М.* Курган у с. Пролейки // Проблемы истории материальной культуры. №1-2. Л., 1933.
7. *Минаева Т.М.* Курганы близ с. Нижней Грязнухи на р. Иловле // ПИДО. №7-8. Л., 1934.
8. *Минаева Т.М., Фурсаев А.Д.* Ботанические находки в археологическом материале // Советская ботаника. №3. 1934.
9. *Minajewa T.* Zwei Kurgane bei der Station Shipowo // ESA. T. IV. Helsingfors, 1929.

Фоменко С.В.

ДИСКУССИИ ПО ВОПРОСАМ МЕЖКУЛЬТУРНОГО
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЭПОХУ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ВОЛГО-УРАЛЬСКИХ СТЕПЕЙ:
ЯМНО-ПОЛТАВКИНСКАЯ ПРОБЛЕМАТИКА

Сложная проблематика преемственности и взаимодействия культур бронзового века рассматривается уже более 50 лет. За это время значительно расширена источниковая база, открыты новые археологические культуры, а также инициированы острые дискуссии по соотношению ямной, полтавкинской, катакомбной, срубной культур эпохи бронзы. Основная полемика велась между сторонниками «полтавкинской» концепции (Н.К. Качалова, И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов) и «катакомбной» (В.И. Мельник, Н.Л. Моргунова, М.А. Турецкий). В настоящее время выработаны компромиссные подходы, которые позволяют находить конструктивные решения.

Ключевые слова: культуры бронзового века: ямная, новотиторовская, полтавкинская, катакомбная, срубная

Fomenko S.V.

DISCUSSION ON THE ISSUES OF INTERCULTURAL
INTERACTION DURING THE MIDDLE BRONZE EPOCH
OVER THE VOLGA-URAL STEPPE AREA:
THE PIT-GRAVE-POLTAVKA PROBLEMATICS

The complicated problems of continuity and interaction of the Bronze Age cultures have been considered for more than 50 years. During this time, the source base has been widened, new archaeological cultures have been discovered, heated discussions were initiated on the proportions of the Bronze epoch pit-grave, Poltavka, catacomb and the timber-grave cultures. The principal dispute was held

among the adherents of the “Poltavka” (N.K. Kachalova, I.B. Vasilyev, P.F. Kuznetsov) and the “catacomb” concepts (V.I. Melnik, N.L. Morgunova, M.A. Turetskij). By the present time, certain compromise approaches have been developed. Those are conducive to finding constructive solutions.

Key words: Bronze Age cultures: the pit-grave, the Novotitorovka, the Poltavka, the catacomb, the timber-grave ones

Проблема культурогенеза эпохи средней бронзы на территории Волго-Уралья остается одной из наиболее сложных на протяжении всего периода изучения рассматриваемой эпохи. Ключевыми вопросами, составляющими дискуссионное поле, по-прежнему остаются историческая судьба ямной культуры и связанная с ней так называемая «полтавкинская проблема», влияние катакомбных культур, а также будущее происхождение срубной культуры. Как отмечено П.Ф. Кузнецовым, наиболее дискуссионна культурная интерпретация памятников, «...занимающих промежуточную позицию относительно ямных и срубных, датируемых эпохой средней бронзы», имея ввиду именно полтавкинские комплексы [Кузнецов, 1989. С. 1]. Заслуга открытия полтавкинской культуры по праву связана с исследованиями П.Д. Рау и Н.К. Качаловой. По мнению М.А. Турецкого их изыскания были двумя последовательными этапами развития одной концепции («ступень»/«культура») [Турецкий, 1992. С. 64]. Однако, масштабным исследованиям курганов в зонах сооружения водохранилищ на Нижней и Средней Волге, значительно расширившим источниковую базу по означенной проблеме, сопутствовали острые споры в интерпретации обнаруженных древностей.

Главное отличие полтавкинской культуры от ямной — это изменение погребального обряда в сторону его дифференциации и увеличения количества сопутствующего инвентаря, зачастую не являвшегося безусловной характеристикой предшествующей культуры или ее непосредственного развития. Это может быть связано как с внутренним усложнением социальной структуры древнего населения Волго-Уралья (через выделение элитных групп), так и с внешним влиянием (продвижением) в регион пришлых племенных объединений. В данном контексте выделенные полтавкинские памятники, как считали О.А. Кривцова-Гракова и Н.Я. Мерперт, можно рассматривать в качестве переходного субстрата от ямной культуры к срубной [Кривцова-Гракова, 1955. С. 33–35; Мерперт, 1957. С. 27]. Но в большей степени значение полтавкинской проблемы содержится в отражении сложных процессов взаимодействия культур средней бронзы [Мельник, 1978. С. 64].

Определяя археологическую культуру в русле идей Г. Чайлда (общность территории, единство материальной культуры и времени существования), Н.К. Качалова настаивала на выделении полтавкинских памятников в само-

стоятельную группу, процесс развития которой разделяла на два этапа, ранний, еще сохранявший многие черты ямной культуры, и последующий, связанный уже с активным катакомбным влиянием [Качалова, 1962. С. 27–28]. Однако даже ее предшественник в изучении этой проблематики П.Д. Рау, отделивший полтавкинские памятники от стадии «А» хвалынской культуры П.С. Рыкова (похожие на ямные «погребальным обрядом, но не инвентарем» [Рау, 1928. С. 49; Турецкий, 1992. С. 64–65]), прежде всего подчеркивал значимость влияния катакомбной культуры, не выделяя при этом никакого раннего докатакомбного этапа [Рау, 1928. С. 50; Кияшко, Сухорукова, 2011. С. 179]. Объединяя в одну ступень 18 погребений с выраженными катакомбными чертами, среди которых был и эпонимный могильник на Еруслане, П.Д. Рау, никогда не пользовавшийся термином «полтавка», вполне мог в дальнейшем стать сторонником катакомбной гипотезы, если бы не безвременная кончина, прервавшая его исследовательский путь [Семенова и др., 1997. С. 26]. Н.К. Качалова до конца жизни последовательно отстаивала полтавкинскую концепцию [Смирнов, Мерперт, 2003. С. 174].

Вся последующая история «проблемы» – это непрерывная полемика на уровне теоретических реконструкций, направленных ее оппонентами на таксономические, территориальные или хронологические ограничения полтавкинской культуры в пользу синстадиальных (катакомбных) и даже последующей (срубной) культуры. Наиболее непримиримо звучало мнение Г.Г. Пярых, убежденного, что полтавкинская культурная общность является «искусственно сконструированным понятием», и отрицающего ее существование даже в качестве гипотезы [Пярых, 1990. С. 114].

С позиции социологии подобную историографическую ситуацию можно охарактеризовать как «противостояние смещенного центра», при котором для полемизирующих сторон предмет спора остается размытым и усиливается когнитивно-стереотипное восприятие оппонента [Перов, 2015. С. 6]. Возможно, именно это позволило В.И. Мельнику, стороннику катакомбной гипотезы, заявить о «кризисе жанра» таксономических конструкций для установления культурных групп: «Основная проблема – выбор критерия. Он никем не определен и не известен. Попытки универсальной количественной регламентации не имели успеха, как, впрочем, и многие классификации с претензией на универсальность... Ясно, что универсального критерия не существует» [Мельник, 2011. С. 12]. Подвергнув критическому разбору концепцию О.А. Кривцовой-Граковой о непосредственном развитии ямной культуры в полтавкинскую, а последней в срубную по критерию эволюции погребального обряда [Кривцова-Гракова, 1955. С. 33–38], В.И. Мельник счел данный подход недостаточным: «Погребальный обряд, конечно, не противоречит связи культур, но и не подтверждает ее» [Мельник, 1978. С. 56–57].

С другой стороны, первые критики «полтавки» (И.В. Сеницын, В.П. Шилов), хотя и признавали ее связь с ямной культурой, а также катакомбное влияние [Кузнецов, 1991. С. 4], предлагали рассматривать полтавкинские памятники в качестве раннесрубных, что в дальнейшем также вызвало острую критику Г.Г. Пятых [Пятых, 1990. С. 113–114]. Н.Я. Мерперт, всегда поддерживавший Н.К. Качалову, тем не менее, также отмечал: «Если рассматривать археологические культуры в аспекте исторического развития определенных коллективов, представляется нерациональным отрывать от истории срубной культуры ранний ее этап, время формирования основных ее признаков. Этот этап был длительным, охватывал... первую половину II тысячелетия до н.э.» [Мерперт, 1957. С. 28; Сухорукова, 2008. С. 147–148].

Реакцией на критику стал цикл статей защитников полтавкинской культуры (Н.К. Качалова, И.Б. Васильев, П.Ф. Кузнецов), прозвучавших в литературе на фоне интенсивных новостроечных работ 70–90-х гг. прошлого века, проводившихся в Волго-Донских и Волго-Уральских степях. Они привели к значительному расширению изученной территории и пополнению базы источников по бронзовому веку [Сухорукова, 2008а. С. 7–8]. В ходе анализа новых археологических источников И.Б. Васильев предложил в некотором роде компромиссный вариант культулогенеза позднего бронзового века. Поддерживая позицию полтавкинской культуры в качестве переходного звена между ямной и срубной культурами, он, соглашаясь также с мнением Н.Я. Мерперта, по поводу участия в формировании срубной культуры, в равной степени, как полтавкинских так и древнеямных традиций: «В процессе формирования срубной культуры произошло возвращение к исконным для Заволжья древнеямным традициям» [Васильев, 1979. С. 52].

Таким образом, в теоретических построениях И.Б. Васильева полтавкинский пласт переставал быть только ранним этапом срубной культуры, сформировавшейся на основе ямной, при том, что сам переход ямной культуры в срубную сохранялся, но теперь в качестве «ренессанса» ямных традиций в полтавкинской среде. Кроме того, И.Б. Васильеву принадлежит развернутая схема межкультурного взаимодействия в бронзовом веке поволжского региона (рис. 1), где он выделяет специфику Среднего и Нижнего Поволжья, но сохраняет общую линию эволюции от ямной через полтавкинскую к срубной культуре [Васильев, 1979. С. 51].

Тогда же была предпринята попытка сгладить остроту непрекращавшихся дискуссий, упорядочив таксономические категории. Взяв за основу все материалы полтавкинского типа, известные на обширной территории степного и лесостепного Волго-Уралья, П.Ф. Кузнецов в своей специальной обобщающей работе [Кузнецов, 1989] выступил с обоснованием полтавкинской культурно-исторической общности, выделив несколько локальных ва-

риантов и указав их особенности. Анализ деталей погребального обряда позволил автору сделать вывод о культурном единстве выделяемых обрядовых групп и показать принципиальные отличия ямной и полтавкинской культур [Кузнецов, 1989. С. 36]). Отмечая присущие обряду важные социально-значимые особенности, автор констатировал, что «возникновение полтавкинской общности теснейшим образом связано с изменением социальной структуры населения Волго-Уралья, нашедшем отображение в погребальном подкурганном обряде..., в выработке собственного эталона обрядовой группы» [Кузнецов, 1989. С. 42].

Новый таксономический ряд «вариант-культура-общность-область» позволил в дальнейшем использовать принципиально более эффективную интерпретацию категории «общность», как менее обширную, чем категория «область». Таким образом, выделение полтавкинской общности давало возможность рассматривать памятники эпохи средней бронзы волго-уральского региона как самостоятельную таксономическую единицу, сравнимую с катакомбной общностью (кругом культур катакомбного типа).

В ходе развития дискуссии на данном этапе противники полтавкинской концепции разрабатывали два основных направления критики – территориальный и хронологический. «Территориальное направление» было представлено в конце 80-х гг. в работах Н.Л. Моргуновой и В.П. Шилова на страницах журнала «Советская археология». Н.Л. Моргунова, считавшая, что полтавкинская культура «выделена с необоснованной поспешностью» [Моргунова, 1991. С. 128], появление социально выраженных элитарных групп комментировала как закономерные поступательные процессы развития древнеямной культуры. Она отмечала, что появление богатого инвентаря в погребениях Приуралья и Среднего Поволжья явилось отражением сложных явлений, происходивших в древнеямном обществе, а не следствием замены одной культуры на другую [Моргунова, 1991. С. 128]. Правда, в дальнейшем свою критику она основывает только на материалах Приуралья: «...позиция авторов полтавкинской концепции, в которой «правобочное» положение костяков и ступенчатая конструкция могильных ям выступают как один из ведущих признаков полтавкинской культуры, на материалах Приуралья не подтверждается» [Моргунова, 1991. С. 126]. На этой основе делается вывод об экстерриториальной консервации в Приуралье древнеямных традиций погребального обряда с сохранением их ведущих признаков и в катакомбное время. В завершение критике была подвергнута также методика выделения полтавкинской культуры из ямной на основе соотношения керамики с погребальным инвентарем, как недостаточно разработанная в отношении керамического материала [Моргунова, 1991. С. 128–129].

В.П. Шилов, не видевший в полтавкинских комплексах культурного единства, отмечал, что выделенная культура «...не представляет единого целого» [Шилов, 1991. С. 140]. Свою критику он выводил главным образом из анализа стратиграфии полтавкинских погребений, особенности их погребального обряда представлял результатом смешивания традиций целого ряда культур, а не характеристиками отдельной культурной группы. Автор особенно возражал против отнесения к полтавкинской культуре памятников приуральского локального варианта, по его мнению заметно отличающихся от поволжских [Шилов, 1991. С. 142-143].

В тот период бескомпромиссных дискуссий сторонники «катакомбной концепции» еще руководствовались устоявшимися представлениями о прямой генетической преемственности ямной и катакомбной культур. Квинтэссенцией данных представлений стала монография Т.Б. Поповой, декларировавшая непрерывность этого превращения ямной культуры в катакомбную, несмотря на проявления кавказского влияния: «Продвижение целых групп населения Северного Кавказа в южные степи хорошо подтверждается большим количеством археологического материала и, вместе с тем, не противоречит возможности генетически связывать катакомбную культуру с предшествующей ей ямной культурой» [Попова, 1955. С. 65]. Автор утверждала, что кавказские инвазии в среду степного населения очень скоро нивелировались мощной автохтонной аккультурацией.

Однако современные антропологические исследования показывают, что «кавказский импульс» сыграл в становлении полтавкинской культуры заметную роль. По мнению А.А. Хохлова сложение антропологического облика «полтавкинцев» происходило на местной ямной основе, но под влиянием более южных степных скотоводческих групп, связанных происхождением с территорией распространения брахикефальных форм, которые следует искать среди групп Предкавказья» [Хохлов, 2000. С. 315].

По традиции сторонники «катакомбной концепции» брахикранные формы черепов считали одной из ведущих антропологических характеристик носителей степной катакомбной культуры [Попова, 1955. С. 94], не связывая их с Кавказом. Полтавкинская концепция, напротив, за основу принимала влияние кавказского населения как на племена древнеямной культуры, трансформировавшейся в полтавкинскую, так и на катакомбную культуру. Таким образом, их сходство не связывалось ни с прямой ямно-катакомбной генетикой, ни с влиянием катакомбного населения на ямное.

Южное влияние подтверждается также исследованиями древнего металлопроизводства и погребальной обрядности. Как отметил А.В. Кияшко, интенсивное взаимодействие населения Среднего Поволжья и сопредельных волго-уральских степей с Кавказом обусловило возникновение полтавкин-

ской и волго-донской культур на основе синтеза местных и кавказских традиций [Кияшко, 2002. С. 5]. Особая роль в культуругенезе полтавкинских племен, по мнению П.Ф. Кузнецова, принадлежит новотиторовской культуре [Кузнецов, 1996. С. 50–55]. Этот же импульс одновременно повлиял на становление признаков погребального обряда в катакомбных культурах Маныча [Кияшко, 2002. С. 71]. Распространение передовых технологических инноваций металлопроизводства с Кавказа в степь посредством миграций новотиторовского населения в Заволжье и Приуралье способствовали формированию комплексов утевского типа, которые П.Ф. Кузнецов относит к раннему (утевско-илекскому) этапу полтавкинской культуры [Кузнецов, 2003. С. 107–110; Моргунова, 2013. С. 181].

В дальнейшем преувеличенность роли катакомбного культурного воздействия на ямные племена показало изучение керамического комплекса Заволжья. В основу исследований было положено определение гончарной традиции в качестве ведущего культуuroобразующего признака полтавкинско-керамического комплекса [Сухорукова, 2008а. С. 11]. Так, О.Д. Мочалов подверг сомнению распространенный тезис о сильном влиянии катакомбных традиций в Заволжье, включая возможный импорт готовой керамической продукции: «...в данном регионе присутствует не чисто катакомбная посуда, а керамика с катакомбными чертами» [Мочалов, 1989. С. 92–93], маркерами определенной эпохи, известными во всех степных и лесостепных культурах от Днепра до Урала.

Изложенную выше аргументацию нельзя было не учитывать, и в одной из последних работ Н.Л. Моргуновой, посвященных проблемам раннего бронзового века (и в частности ямной культуры), факт существования «полтавки» все же признается, хотя рассматривается она как завершающий этап развития ямной культуры. Основные возражения направлены, главным образом, против удревнения полтавкинских комплексов на основе радиоуглеродного датирования. Деструктивные процессы, приведшие к упадку ямной культуры, по-прежнему соотносятся с расселением катакомбных племен, но это не противоречит социальным процессам, происходившим в самом ямном обществе, влияние новотиторовской культуры отрицается [Моргунова, 2014. С. 181–182, 207].

В этом же контексте (с поправками устаревших схем) и в связи с обсуждением проблем периодизации ранней бронзы, довольно острая полемика прозвучала в работах В.И. Мельника и М.А. Турецкого. В полтавкинской диахронии В.И. Мельник признавал полтавкинскими только самые ранние погребения, генетически связанные с ямной культурой, а более поздние полтавкинские памятники считал уже катакомбными. При этом он несколько приуменьшал значимость воздействия катакомбной культуры на полтавкин-

скую, что стало частью его разногласий с Н.Л. Моргуновой. Акцентируя генетическую зависимость полтавкинской культуры от ямной, он определял ее как «культуру-дериват» в рамках ямно-полтавкинской культурно-генетической общности [Мельник, 1979. С. 53; Сухорукова, 2008. С. 148-149].

М.А. Турецкий, формально придерживавшийся полтавкинской концепции, напротив, признавал в качестве полтавкинских поздние могильники, а предшествующие относил к древнеямной культуре [Турецкий, 1992а. С. 18-20; Сухорукова, 2008а. С. 10]. Становление полтавкинской культуры он в целом рассматривал как следствие миксации ямных племен с пришлыми катакомбными, что в дальнейшем привело к формированию специфической (новой) катакомбной культуры [Турецкий, 1992а. С. 20].

На фоне развития этих идей, фактически разрывавших первоначальную концепцию полтавкинской культуры, Н.К. Качалова в одной из последних своих работ была вынуждена принципиально указать на отсутствие комплексного подхода в сочинениях своих оппонентов, отметив, что признак погребального обряда, анализируемый в отдельности и не соотношенный с анализом керамики и другого инвентаря, не может считаться достаточным основанием для теоретических построений [Качалова, 2000. С. 206-220; Сухорукова, 2008. С. 149].

Известной попыткой примирить различные мнения по полтавкинской проблеме стала статья Т.М. Потемкиной, вышедшая в журнале «Советская археология», где автор призывала непримиримых оппонентов (В.И. Мельник, Г.Г. Пятых, Н.К. Качалова, И.Б. Васильев) к устранению непринципиальных разночтений: «...расхождения ... видятся лишь в деталях, если рассматривать исследования этих авторов как раскрывающие разные стороны одного и того же вопроса» [Потемкина, 1990. С. 128].

Тем не менее, в 90-х годах прочно закрепилась тенденция рассматривать полтавкинскую культуру не только в качестве переходного звена между древнеямной и срубной культурами, но и как компонент сложения особой формы катакомбной культуры. Над этой темой работала Е.П. Сухорукова, и в результате защитила диссертацию, посвященную процессам культурно-исторического развития Поволжья и Волго-Донского региона в эпоху средней бронзы: «...развитие полтавкинской культуры ... протекало в рамках двух локальных вариантов – заволжского и волго-донского, к финалу развитого этапа средней бронзы полтавкинская культура в своем волго-донском варианте стала компонентом в сложении волго-донской катакомбной культуры» [Сухорукова, 2008а. С. 18].

Один из наиболее, последовательных сторонников катакомбной концепции, Н.Л. Моргунова, отказалась от безоговорочного неприятия полтавкинской идеи, но в контексте ее исследований своеобразие «полтавки» – это

признак упадка ямной культуры. «...Так называемая «полтавкинская» культура раннего этапа – это, по сути, ямная культура, вступившая в заключительный, поздний этап своего развития, за которым можно сохранить наименование «полтавкинский этап»... Памятники так называемого полтавкинского этапа, по сути, отражают прямое продолжение ямных погребальных ритуалов, сохранение прежних принципов жизнеобеспечения (кочевое скотоводство), те же самые технологии и источники сырья в металлургии, а также в гончарстве. Но в то же время в отличие от развитого периода ямной культуры на позднем этапе наблюдается тенденция к упадку культуры, к утрате ряда ее культурообразующих признаков» [Моргунова, 2014. С. 217]. В данном контексте «полтавка» – это финал ямной культуры, не столько усложнение ее структуры, сколько культурное разложение и преддверие наступления катакомбного времени.

Подлинным стремлением к компромиссному решению полтавкинской проблемы стала одна из последних крупных работ, написанная в соавторстве И.Б. Васильевым, П.Ф. Кузнецовым и их недавним оппонентом М.А. Турецким. Отметив крайнюю проблематичность интерпретации сложных взаимосвязей древнеямных, полтавкинских и катакомбных групп населения, авторы особо выделили фактор влияния полтавкинской культуры на катакомбную, приведший к появлению пограничной культурной «группы с елочной керамикой», а также более рельефно охарактеризовали отличие полтавкинской культуры от срубной [Васильев, Кузнецов, Турецкий, 2000. С. 25–26]. Авторам этого историографического очерка удалось отказаться от жестких таксономических определений специфики памятников и оперировать более компромиссными дефинициями («период», «население», «обрядовая группа»). Этот стиль изложения позволил им преодолеть многие позиционные противоречия во взглядах на проблему и организовать такой вид дискуссии, который наиболее полно соответствует современному социологическому правилу разрешения «конфликта смещенного центра», создания комплексного основания, что обеспечивает авторам достижение конструктивных выводов [Козырев, 1999. С. 40–41].

Сегодня еще нельзя говорить о завершенности дискуссии, растянувшейся на пол-столетия, острого спора, в котором приняли участие видные отечественные ученые Н.К. Качалова, В.П. Шилов, И.В. Сеницын, И.Б. Васильев, Н.Л. Моргунова, П.Ф. Кузнецов, В.И. Мельник, М.А. Турецкий. В изучение проблем бронзового века и вопросов исторической преемственности ямной, полтавкинской, катакомбной, срубной культур теперь входят плеяды молодых исследователей, представляющих различные археологические школы центра и периферии. В современном исследовательском процессе им необходимо поддерживать ситуацию, в которой нет места жесткому противопостав-

лению двух основных концепций («полтавкинской» и «катакомбной»), а главное внимание уделяется подлинно научному комплексному и компромиссному подходу в решении проблем культурогенеза бронзового века Волго-Уральского региона.

Литература:

Васильев И.Б. Среднее Поволжье в эпоху ранней и средней бронзы // Древняя история Поволжья: межвузовский сборник. Куйбышев, 1979.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Турецкий М.А. Ямная и полтавкинская культуры. История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Качалова Н.К. К вопросу о памятниках полтавкинском тип // Археологический сборник Государственного Эрмитажа. 1962. Вып. 5.

Качалова Н.К. Полтавкинская проблема и «катакомбная эйфория» // Судьба ученого (к 100-летию со дня рождения Б.А. Латынина). СПб., 2000.

Кияшко А.В. Культурогенез на востоке катакомбного мира. Волгоград, 2002.

Кияшко А.В., Сухорукова Е.П. Изучение проблематики бронзового века в Волгоградском государственном социально-педагогическом университете // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград, 2011. №8.

Козырев Г.И. Введение в конфликтологию. М., 1999.

Кривцова-Гракова О.А. Степное Поволжье и Причерноморье в эпоху поздней бронзы // Материалы и исследования по археологии. М., 1955. №46.

Кузнецов П.Ф. Полтавкинская культурно-историческая общность. Свердловск, 1989.

Кузнецов П.Ф. Эпоха средней бронзы Волго-Уральского междуречья. Автореф. дис. канд. ист. наук. СПб., 1991.

Кузнецов П.Ф. Новые радиоуглеродные даты для хронологии культур энеолита – бронзового века юга лесостепного Поволжья // Радиоуглерод и археология. СПб., 1996. Вып. 1.

Кузнецов П.Ф. К истокам происхождения полтавкинской культуры // Чтения, посвященные 100-летию деятельности Василия Алексеевича Гордцова в Государственном историческом музее : тез. конференции. М., 2003. Ч. 1.

Мельник В.И. Об основаниях гипотезы о генетической связи полтавкинской и срубной культур // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.

Мельник В.И. К вопросу о культурно-типологическом соотношении катакомбных и полтавкинских комплексов // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы: Донецк, 1979.

Мельник В.И. Проблема уровней общности катакомбного культурного круга // Краткие сообщения Института археологии РАН. М., 2011. Вып. 225.

Мерперт Н.Я. К проблеме абсолютной датировки археологических культур энеолита и эпохи бронзы Европы // СА. 1957. №1.

Моргунова Н.Л. К вопросу о полтавкинской культуре Приуралья // СА. 1991. №4.

Моргунова Н.Л. К вопросу о позднем этапе ямной культуры (на примере Оренбургского Приуралья и Самарского Поволжья) // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2013. Вып. 10.

Моргунова Н.Л. Приуральская группа памятников в системе Волжско-Уральского варианта ямной культурно-исторической области. Оренбург, 2014.

Мочалов О.Д. Керамика погребальных памятников эпохи бронзы лесостепи Волго-Уральского междуречья. Самара, 2008.

Перов Е.В. Диагностика и прогнозирование социальной конфликтности общества. Старый Оскол, 2015.

Попова Т.Б. Племена катакомбной культуры. М., 1955.

Потемкина Т.А. О некоторых спорных вопросах Волго-Уральского региона // СА. 1990. №1.

Пятых Г.Г. К дискуссии по происхождению срубной культуры // СА. 1990. №1.

Рау П.Д. Исследование древних культур Нижнего Поволжья // Нижнее Поволжье. Саратов, 1928. №10.

Семенова И.В., Максимов Е.К., Ерина Е.М. Археолог из Покровска (к 100-летию со дня рождения П.Д. Рау) // Эпоха бронзы и ранний железный век в истории в истории древних племен южнорусских степей. Материалы международной научной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения П.Д. Рау (1897–1997). Часть 2. Саратов, 1997.

Смирнов Г.И., Мерперт Н.Я. Памяти Натальи Кирилловны Качаловой // РА. 2003. №4.

Сухорукова Е.П. К вопросу о культурной специфике полтавкинских памятников Волго-Донских степей // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. Саратов, 2008. №2.

Сухорукова Е.П. Полтавкинская и волго-донская культуры эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья и Волго-Донского междуречья (по материалам погребальных памятников). Автореф. Дис. Канд. ист. наук. Волгоград, 2008а.

Турецкий М.А. Из истории изучения раннего и среднего бронзового века в Заволжье // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург, 1992.

Турецкий М.А. Ямная культура Волго-Уральского региона (проблемы исследования погребального обряда): Автореф. дис. канд. ист. наук. М., 1992а.

Хохлов А.А. Палеоантропология эпохи бронзы Самарского Поволжья // История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара, 2000.

Шилов В.П. О «полтавкинских» погребениях Южного Приуралья // СА. 1991. №4.

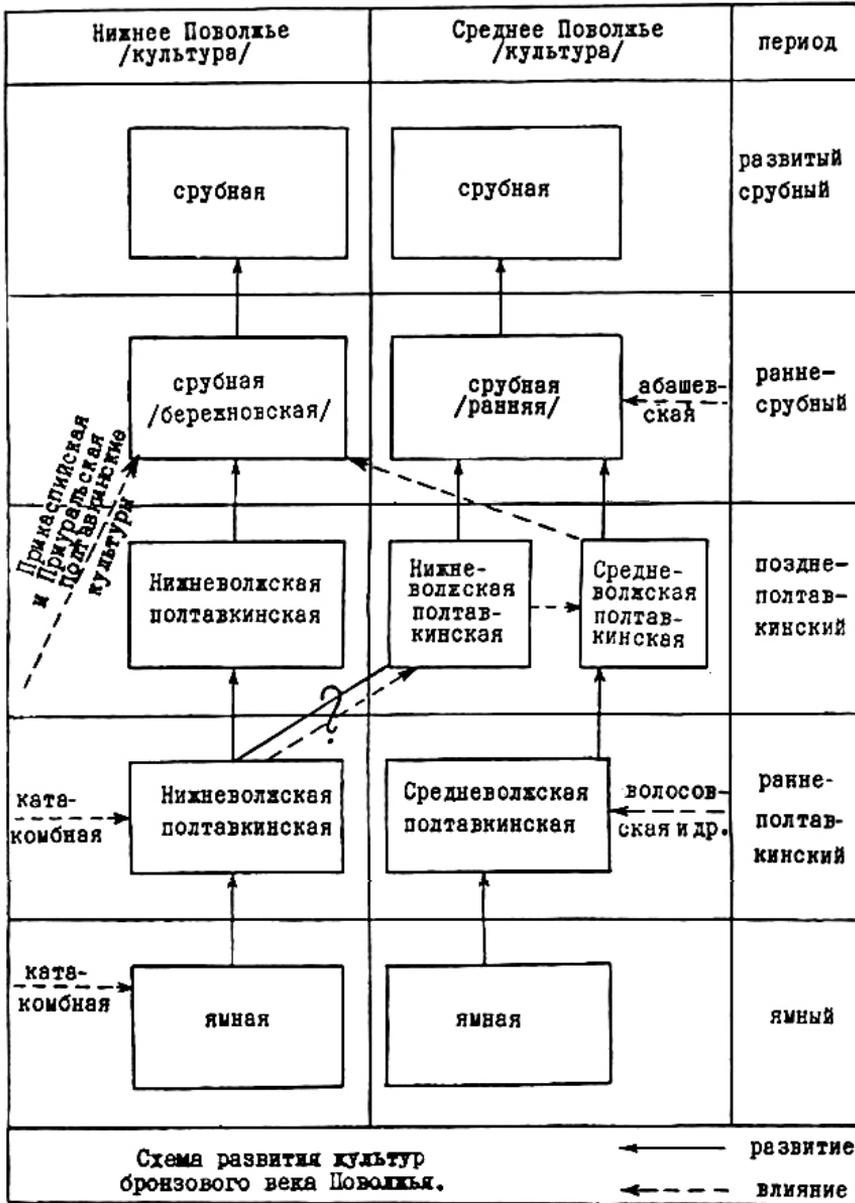

Рис. 1. Бронзовый век в Поволжье: межкультурные взаимодействия.
 По И.Б. Васильеву, 1979 г.

*Кочерженко О.В., Мимоход Р.А.,
Слонов В.Н., Шабанов В.Л.*

ТИПОЛОГИЯ БАНОЧНЫХ СОСУДОВ
ПОСТКАТАКОМБНЫХ КУЛЬТУРНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
КАК МОДЕЛЬ РАСПАДА АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ТИПА

В работе анализируются формы баночных сосудов посткатакомбных культурных образований. В качестве метода исследования используется кластерный анализ на основе набора формализованных признаков, описывающих профиль сосуда. В результате проведенного анализа оказалось, что с точки зрения типологического процесса баночный комплекс посткатакомбных культурных образований являет собой картину распадающегося типа, уже не образующего единого культурного массива. Одновременно посткатакомбные банки по своим морфологическим признакам оказались в значительной своей части близки группам формирования срубного керамического комплекса, и прежде всего – его катакомбным линиям развития. Такая близкая связь между формами с точки зрения авторов, позволяет говорить о непрерывности развития баночного комплекса и хронологическом смыкании посткатакомбного и срубного мира.

Ключевые слова: посткатакомбные культурные образования, форма баночных сосудов, кластерный анализ, линии развития керамического комплекса

*Kocherzhenko O.V., Mimoshod R.A.,
Slonov V.N., Shabanov V.L.*

TYPOLOGY OF THE POST-CATACOMB CANNED VESSELS AS A MODEL OF THE DISINTEGRATIONAL ARCHAEOLOGICAL TYPE

In the course of this article we analyze the forms of canned post-catacomb vessels created by different cultural entities. As a method of investigation we used the cluster analysis of the formalized characteristics of vessels' profiles. As a result of the investigative analysis we figured out, that according to the typological process, canned post-catacomb cultural type presents the disintegrating type of the previously prevailing cultural massive. Along with that, post-catacomb vessels, according to their morphological features, appeared to be close to the timber-grave ceramic culture, especially to the catacomb traditions. This close connection points out to the consistency of the vessel complex tradition and chronological merging of post-catacomb and timber-grave cultures.

Key words: post-catacomb cultural entities, forms of canned vessels, cluster analysis, trends of ceramic complexes

Поиск объективных оснований для выделения внутри исследуемой группы артефактов отдельных таксонов, подвергаемых содержательной интерпретации, составляет в настоящее время одну из центральных задач археологической науки. Особенно значимы такие основания при рассмотрении слабовыразительных и достаточно однородных категорий инвентаря. Именно к этим категориям и относятся формы тех сосудов эпохи бронзы Восточно-европейской степи, которые археологами традиционно называются «баночными». С точки зрения формализованного описания формы, это – сосуды, представляемые в виде двух (в редуцированном виде – одного) усеченных конусов.

В настоящей работе объектом рассмотрения явились баночные сосуды, принадлежащие к 5 посткатакомбным культурным образованиям, известным под следующими названиями¹:

– днепро-донецкая бабинская культура (далее в нашей статье – «ДДБК») [Литвиненко, 2006; 2009];

¹ Проблема культурных образований, за исключением днепро-донецкой, днепро-прутской бабинских культур и лопатинской культуры, которым посвящены две диссертации и одна монография [Литвиненко, 2009; Мimosход, 2013; 2013б], находятся в стадии разработки. Однако для целей нашей работы это не играет большой роли, и поэтому в нашей работе будет вполне достаточно использовать условные обозначения в виде аббревиатур.

- днепро-прутская бабинская культура (далее - «ДПБК») [Литвиненко, 2009];
- лолинская культура (далее - «ЛОЛА») [Мимоход, 2013];
- волго-донская бабинская культура (далее - «ВДБК») [Мимоход, 2013а; 2014];
- кубанская группа памятников (далее - «КУБ») [Мимоход, 2006].

Эти группы входят в блок посткатакомбных культурных образований [Мимоход, 2005], который занимает территорию степной - лесостепной полосы от Прута до Урала. В радиоуглеродных калиброванных значениях он датируется XXII-XVIII вв. до н. э [Мимоход, 2011] и занимает хронологическую нишу между позднекатакомбными культурами и памятниками начала поздней бронзы.

При описании сосуда мы будем придерживаться методики, предложенной О.В. Кочерженко, В.Н. Слоновым и В.Л. Шабановым [Кочерженко и др., 2015. С. 23-40], где его форма представляется в виде одного либо двух усеченных конусов (рис. 1), описываемых набором из 6 метрических признаков: CD; GK/CD; GH/CD; AB/CD; HK/CD; CD/EF.

Данная методика состоит в том, что весь изучаемый массив сосудов с помощью метода кластерного анализа представляется в виде дерева иерархической классификации - последовательного объединения сосудов между собой по степени морфологической близости. Далее на основании некоторых формальных критериев и содержательного анализа определяется оптимальное для целей исследования число групп в пределах дерева иерархической классификации. Далее для каждой группы вычисляется коэффициент некомпактности кластера, равный среднему расстоянию от всех объектов, входящих в кластер, до центра этого кластера. Затем группы представляются точками в поле корреляции двух показателей - «коэффициента некомпактности кластера», откладываемого по оси ординат, и «числа объектов в кластере», откладываемого по оси абсцисс. Вид данной кривой, последовательность объединения групп между собой, а также их содержательный анализ позволяют сделать выводы об общем характере и конкретных особенностях процесса типобразования в пределах изучаемого комплекса.

В нашем случае в выборку были включены 53 посткатакомбных сосуда: 3 - «ВДБК», 2 - «КУБ», 16 - «ДДБК», 9 - «ЛОЛА», 23 - «ДПБК» (Приложение 1). К анализу нами также были привлечены выделенные в указанной выше работе по срубным банкам 19 базовых групп сосудов [Кочерженко и др., 2015. Рис. 4], принадлежащих ко времени формирования и расцвета срубной культуры («срубные группы» - «СГ»), которое непосредственно смыкается с временем бытования рассматриваемых посткатакомбных образований. С учетом

этого, 19 срубным группам были присвоены номера с 1 по 19, а посткатакомбным сосудам – с 20 по 72.

В рамках проводимой классификации каждый из сосудов, характеризуемых 6 признаками-показателями, представлялся вектором-строкой с числами-значениями указанных показателей, а образом каждого объекта служила точка в 6-мерном пространстве с евклидовой метрикой. 19 групп «СГ», рассматривались как отдельные сосуды с показателями, равными средним значениям по группе.

В качестве первого шага нами было рассмотрено 4 «дендрограммы сравнения» с целью сопоставления посткатакомбных материалов со срубными для следующих наборов данных:

- «СГ» + «ВДБК»;
- «СГ» + «КУБ»;
- «СГ» + «ДДБК»;
- «СГ» + «ЛОЛА».

Сочетание групп «СГ» с сосудами «ДПБК» не рассматривалось, поскольку образование, именуемое «днепро-прутской бабинской культурой» весьма удалено от территории, откуда происходят экземпляры «СГ», и подобное сравнение было бы лишено содержательного смысла.

На 4 смешанных «срубно-посткатакомбных» дендрограммах сосуды, принадлежащие посткатакомбным образованиям, оказались в следующих таксономических позициях.

1. Дендрограмма «СГ» + «ВДБК» (рис. 2, 1).

№20 – на первом же шаге объединяется с группами закрытых банок №№4 и 15 классической срубной культуры;

№21 – объединяется в течение двух шагов с группами 10 и 16, входящими в зону формирования типа «первой катакомбной линии развития» срубного баночного комплекса²;

№22 – объединяется на первом шаге с группами простых открытых банок №№12 и 14, широко распространенных и существующих, по-видимому, в течение длительного времени.

Дендрограмма показала, что 3 сосуда, отнесенные к образованию «ВДБК», по форме совершенно различны и никак морфологически друг с другом не связаны. При этом один из сосудов оказался близок к формам этапа формирования типа, который морфологически связан с катакомбным миром, а еще один – к классическим срубным формам закрытых банок.

2. Дендрограмма «СГ» + «КУБ» (рис. 2, 2).

² О катакомбных линиях развития в срубном керамическом комплексе см. подробнее в указанной выше работе [Кочерженко и др., 2015. С. 23–40].

№23 – объединяется в один куст с группами 6 и 13 «второй катакомбной линии развития» (т.н. «репки») срубного керамического комплекса;

№24 – быстрое объединение со срубной группой 4 классической срубной культуры.

Оба сосуда, принадлежащие образованию «КУБ», несхожие между собой, объединились с двумя существенно различными таксонами.

3. Дендрограмма «СГ» + «ДДБК» (рис. 2, 3).

№№25, 28, 29 – достаточно самостоятельные формы открытых банок, образовавшие отдельный таксон и «притянувшие» к себе срубную группу 12;

№26 – на первом шаге кластеризации объединяется с «классическими» срубными группами 5 и 7;

№27 – присоединяется к открытым банкам групп 3 и 14, по всей вероятности, длительного времени бытования.

№№30, 31, 33 – на первом шаге объединяются с «классическими» срубными группами 4 и 15;

№№35, 37, 40 – на первом шаге объединяются с группами 6 и 13 «второй катакомбной линии развития» срубного баночного комплекса;

№№32, 34 – входят в один «куст» с группами 6 и 13 «второй катакомбной» линии развития;

№№36, 38, 39 – группы «ДДБК», образовавшие самостоятельный «куст», включивший в себя довольно аморфную срубную группу 1. Сосуды представляют собой закрытые банки с раздутым туловом и максимальным расширением тулова близким к середине высоты, что традиционно атрибутируется как «банки с покровскими чертами».

6 банок культурного образования «ДДБК» образовали две таксономически самостоятельных группы, 5 сосудов «притянулись» к зоне формирования типа в виде включения в «катакомбную линию развития», 4 сосуда объединились с «классическими» срубными группами, а еще 1 – с открытыми банками длительного времени существования.

4. Дендрограмма «СГ» + «ЛОЛА» (рис. 2, 4).

№49 – объединение на первом шаге с группой 12, и на следующем – с группами 3 и 14, все – открытые банки;

№41 – быстрое объединение с группой 18, включающей в себя синташтинские экземпляры и входящей в зону формирования типа срубного керамического комплекса;

№42 – вхождение в один «куст» с группами 6 и 13 «второй катакомбной линии развития» срубного баночного комплекса;

№№43, 46, 47, 48 – формы, объединившиеся в один «куст» с «классическими» срубными группами 4, 5, 7, 15;

№№44, 45 – быстрое объединение с группами формирования «первой катакомбной линии развития» 10 и 16.

Среди банок лолинской культуры 3 обнаружили свою таксономическую близость с катакомбными, а 1 – с синташтинской группой из зоны формирования типа срубного баночного керамического комплекса. Еще 4 экземпляра показали свою морфологическую близость с «классическими» срубными группами, а 1 – с открытыми банками длительного времени существования.

В целом по 4 дендрограммам оказалось, что с зоной формирования типа срубного баночного комплекса связано 11 из 30 экземпляров. С классическими срубными группами – 10 сосудов. 6 представляют собой открытые банки, причем 3 из них – достаточно специфичной формы, не образующей компактных кластеров со срубными группами. И, наконец, еще 3 сосуда, все принадлежащие образованию «ДДБК», образовали особую группу. То есть треть сосудов рассмотренных дендрограмм тяготеют к зоне формирования срубного культурного типа. Еще около трети обнаруживают морфологическую близость с вполне сложившимися срубными формами. Остальные сосуды – это открытые банки и самостоятельные формы.

Следует отметить еще одно очень важное обстоятельство. Группы срубной культуры, составившие «полтавкинскую линию развития», это – №№2, 8, 9 [см.: Кочерженко и др., 2015. Рис. 4] – на всех четырех дендрограммах образуют свой отдельный «куст», практически не связанный по морфологическим показателям с остальной частью комплекса. Иными словами, «полтавкинская линия развития» в срубном баночном керамическом комплексе обнаруживает свою особенность относительно всех без исключения посткатакомбных образований.

Далее комплекс посткатакомбных банок рассматривался отдельно от срубного с проведением процедуры кластеризации для 53 сосудов (№№20–72). Данная кластеризация проводилась, во-первых, с целью установления внутренних связей внутри рассматриваемого комплекса, а, во-вторых, определения характера происшедшего в его рамках культурного процесса. Последнее требует более подробного пояснения.

Получаемые при проведении кластеризации группы объектов в случае, если они представляют комплекс, проходящий период сложения и последующей стабилизации, обнаруживают следующую закономерность. Для этапа формирования типа характерны кластеры-группы, включающие в себя небольшое число слабо связанных друг с другом объектов – малочисленные некомпактные («слабые») группы. Для этапа развитого типа группы становятся «сильными» и многочисленными. На графике зависимости некомпактности группы от числа объектов в ней это отражается в виде появления кривой обратной степенной зависимости – «гиперболы нормального типобра-

зования» (рис. 3, 1). На нем выделяется подзона формирования типа, соответствующая этапу сложения культуры и подзона развитого типа, которую образуют группы периода развитой культуры. При этом переход от групп первой подзоны к группам второй подзоны имеет хронологический характер и, соответственно, с некоторым огрублением ось абсцисс можно рассматривать как ось времени.

В случае, если гиперболы нормального типобразования при таком анализе не получается, можно сделать вывод об отсутствии по той или иной причине процесса типобразования в рамках данного комплекса (например, о контактном характере рассматриваемого региона). На графике зависимости некомпактности группы от ее численности отсутствие процесса типобразования проявляется в виде появления аморфного «облака» групп [Слонов, 1995. С. 15].

Однако для форм баночных сосудов посткатакомбных образований не реализовался ни один из двух вышеперечисленных случаев. В результате кластеризации ни на каком уровне не выявилась «гипербола нормального типобразования». Но и «облако» тоже не образовалось. Вместо этого точки, соответствующие кластерам дерева иерархической классификации, обнаружили закономерность расположения, которая оказалась хорошо аппроксимируема логарифмической функцией. И такая аппроксимация соответствовала расположению точек графика практически для всех уровней дерева иерархической классификации.

Мы считаем, что данное расположение точек на графике соответствует ситуации распада типа. Одним из авторов настоящей работы в свое время делалось предположение, что распад типа на формализованном уровне может проявиться в виде «ослабления» групп, составляющих подзону развитого типа («плато» гиперболы), в результате чего возникают группы, отражающие распад типа и находящиеся над зоной «плато» гиперболы нормального типобразования в виде прямой линии параллельной оси абсцисс [Слонов, 1995. С. 14]. В дальнейшем более детальное рассмотрение вопроса позволило уточнить вид графика, характеризующего распад типа. Для групп, включающих в себя большее количество экземпляров, существует и большее число возможностей отклонения от канона. Следовательно, при «ослаблении» более многочисленных групп коэффициент некомпактности приобретает большее значение, а для групп с меньшим количеством сосудов – меньшее (рис. 3, 2).

Наконец, для распадающегося типа должен быть характерен еще один механизм, работающий также в направлении формирования логарифмической зависимости. Для стабильного развитого типа характерно наличие компактного единого «ядра» и достаточно аморфной «периферии», для распа-

дающего же типа «ядро» оказывается состоящим из нескольких «осколков». Это приводит к тому, что на дендрограмме при увеличении количества кластеров от материнской группы в первом случае откалываются слабые малочисленные группы, формирующие «верхний хвост» гиперболы, во второй же ситуации откалываются «осколки ядра», являющие собой малочисленные, но сильные группы и отдельные сосуды (рис. 3, 3).

Таким образом, археологический тип в своем развитии проходит 3 этапа. Первый этап представляет собой период формирования типа, второй этап – период развитого типа. Данные этапы на графике зависимости некомпактности группы от ее численности описываются гиперболой (рис. 3, 1). Наконец, третий этап – период распада типа – описывается логарифмической зависимостью (рис. 3, 4). Отметим, что для графика распада типа, в отличие от графика формирования/существования развитого типа, ось абсцисс не имеет корреляции с параметром времени t , а все кластеры-группы существуют исторически одновременно.

Предположение о логарифмической зависимости для распадающегося типа до настоящего времени было только догадкой, поскольку материалов, позволяющих подтвердить данное предположение, в распоряжении авторов не было. Но для рассматриваемого набора форм баночных сосудов посткатакомбных образований обнаружилась именно логарифмическая зависимость некомпактности кластеров от числа объектов в нем. Причем эта зависимость определенно прослеживалась не для какого-то одного кластера, а для различных уровней дерева иерархической классификации.

Благодаря возможности фиксации устойчивой логарифмической зависимости для целой серии уровней иерархической классификации подряд мы имеем возможность определения уровня, который можно использовать при дальнейшем содержательном анализе. Данный уровень может быть определен локальным максимумом величины R^2 , характеризующей соответствие аппроксимирующей кривой множеству точек графика, и этот локальный максимум соответствует 17 кластерам. Множество точек графика тогда аппроксимируется следующим уравнением:

$$y = 0,444 * \ln(x) + 0,195; R^2 = 0,592$$

Этот уровень мы и будем использовать для анализа, а соответствующие ему 17 кластеров именовать «группами». Состав групп приведен в Приложении 2, а средние значения параметров этих групп – в Приложении 3. На

рис. 4 представлена аппроксимация логарифмической функцией множества точек, соответствующих выделенным группам³.

Последовательность объединения 17 групп по дендрограмме до уровня 5 кластеров приведена на рис. 5. Эти 5 кластеров будем, как и в работе про формы срубных банок, именовать «кустами», и дальнейший анализ проводить последовательно по каждому из данных кустов.

Куст 1. Группа 13, сосуд №41, принадлежащий лолинской культуре – больших линейных размеров закрытая банка с узким относительно максимального расширения тулова дном, по общим габаритам близка синташтинским экземплярам. Отдельная уникальная для рассматриваемого комплекса форма, не имеющая в нем параллелей и аналогий.

Куст 2. Группа 4 – 3 сосуда, 1 – «КУБ», 2 – «ДДБК» - средних размеров приземистых пропорций банки с максимальным расширением тулова, расположенным ниже середины высоты и устьем существенно меньшим величины максимального расширения тулова. Данная форма напоминает хорошо известные «репки», и не случайно на дендрограммах со срубными группами все 3 сосуда, оказавшиеся в данной группе, дали быстрое объединение со «второй катакомбной линией развития» («репки»). Но, в то же время, такая ее особенность, как низкое расположение максимального расширения тулова, является чертой, приурочивающей данную форму к конкретному региону – доно-донецкому бассейну. По всей вероятности, здесь мы имеем дело с одним из «осколков» местного керамического катакомбного мира.

Куст 3. Состоит из 3 групп.

Группа 5 – 5 сосудов: 1 – «КУБ», 1 – «ДДБК», 3 – «ДПБК». Средних размеров приземистые банки, либо открытые, либо номинально закрытые, но с максимальным расширением тулова, расположенным настолько высоко, что данная форма очень близка к открытой банке. Диаметр устья при этом практически совпадает с диаметром максимального расширения тулова.

Группа 9 – 3 сосуда: 2 – «ДДБК», 1 – «ДПБК». Средних размеров закрытые банки с высоко расположенным максимальным расширением тулова и с близкими показателями диаметра устья и максимального расширения тулова.

Группа 15 – 4 сосуда, все – «ДПБК». Небольших размеров открытые банки приземистых пропорций с узким относительно диаметра устья дном.

Группы 5 и 9 достаточно близки по своим параметрам. Среди сосудов, попавших в данный куст, велик относительно общего по выборке процент экземпляров «ДПБК», в то же время сюда не попал ни один лолинский сосуд

³ Число точек на графике меньше 17 в связи с тем, что некоторые из групп имеют совпадающие координаты.

и ни один сосуд «ВДБК». Т. е. данные формы обнаруживают тяготение к западным районам зоны посткатакомбных образований.

Куст 4. Состоит из 5 групп.

Группа 16 – 2 сосуда «ДПБК», группа 17 – 1 сосуд «ДПБК». Группы морфологически весьма близки – небольших размеров закрытые банки с высоко расположенным максимальным расширением тулова и относительно широким дном. Группа 16 отличается несколько большей приземистостью и большей величиной отношения диаметров устья и максимального расширения тулова.

Расположение максимального расширения тулова настолько высоко, что форма банки приближается к открытой, что сближает данные экземпляры с сосудами группы 5. И здесь мы обнаруживаем уже даже не преобладание, а просто полную принадлежность форм образованию «ДПБК».

Группа 3 – 6 сосудов: 1 – «ВДБК», 5 – «ДПБК». Средних размеров банки средней вытянутости, либо совсем открытые, либо с настолько высоко расположенным максимальным расширением тулова, что данная форма очень близка к открытой банке, что сближает данную группу с группами 5, 16 и 17. И в данном случае мы также наблюдаем значительное преобладание сосудов «ДПБК».

Группа 6 – 6 сосудов: 2 – «ДДБК», 1 – «ЛОЛА», 3 – «ДПБК». Небольшие открытые банки приземистых пропорций с относительно широким дном.

Группы 3 и 6 достаточно близки между собой по форме, и на дендрограмме объединяются между собой достаточно быстро. А вместе они, в свою очередь, объединяются с единым таксоном групп 16 и 17.

Группа 8 – 3 сосуда, 1 – «ДДБК», 2 – «ДПБК». Средних размеров открытые банки вытянутых пропорций.

Таким образом, куст 4 объединил формы либо открытых банок, либо закрытых с «едва намеченной» закрытостью. Здесь наблюдается доминирование форм «ДПБК». Можно предположить, что преобладание открытых форм, а также высокое расположение максимального расширения тулова, приближающее форму закрытой банки к открытой есть достаточно устойчивая характеристика керамического комплекса образования «ДПБК».

Куст 5. Состоит из 7 групп.

Группа 11 – 2 сосуда: 1 – «ДДБК», 1 – «ЛОЛА». Больших размеров закрытые банки с раздутым туловом, максимальным расширением тулова близким к середине высоты и относительно узким дном.

Группа 12 – 2 сосуда: 1 – «ДДБК», 1 – «ДПБК». Близка по морфологическим параметрам группе 11, отличается меньшими линейными размерами, большей приземистостью и более высоким расположением максимального расширения тулова.

Группа 10 – 3 сосуда, все – «ДДБК». Средних размеров закрытые банки с максимальным расширением тулова близким к середине высоты и практически равными диаметрами устья и днища.

Группы 10, 11 и 12 достаточно морфологически близки, отличаются только частными особенностями. Данные формы имеют аналогии среди некоторых форм катакомбных банок. На эту близость указывают и рассматривавшиеся выше дендрограммы «СГ» + «ДДБК» и «СГ» + «ЛОЛА». Одновременно здесь, по-видимому, можно говорить о региональной специфике, с учетом значительного преобладания среди указанных групп сосудов, представляющих «ДДБК».

Группа 2 – 1 сосуд «ВДБК». Средних размеров приземистая банка с узким дном.

Группа 14 – 3 сосуда, все – «ЛОЛА». Крупные закрытые банки относительно приземистых пропорций с максимальным расширением тулова, расположенным на уровне верхней трети высоты.

Сосуды групп 2 и 14 на дендрограммах «СГ» + «ВДБК» и «СГ» + «ЛОЛА» достаточно быстро объединяются с группами «катакомбной линии развития», проявляя тем самым свою морфологическую близость к катакомбным формам.

Группа 1 – 7 сосудов, 1 – «ВДБК», 2 – «ДДБК», 3 – «ЛОЛА», 1 – «ДПБК». Средних размеров закрытые банки с максимальным расширением тулова, расположенным немного выше середины высоты и близкими диаметрами устья и дна.

Группа 7 – 1 сосуд «ДДБК». Средних размеров закрытая банка с относительно небольшой верхней частью и близкими диаметрами устья, дна и максимального расширения тулова.

Сосуды групп 1 и 7 на соответствующих дендрограммах объединяются с классическими срубными группами. Крайне интересно объединение «прокатакомбных» групп 2 и 14 с «про-срубными» 1 и 7 в рамках рассматриваемого куста 5. Вполне возможно, что в данном случае в рамках морфологической близости проявляются закономерности формирования срубного баночного комплекса на базе катакомбной подосновы.

Подводя итог, можно сказать, что рассмотрение процесса кластеризации всего посткатакомбного баночного комплекса в целом дало два основных результата. Во-первых, значительное преобладание в двух кустах из пяти сосудов образования «ДПБК», наряду с крайне слабой их представленностью в остальных трех, явно свидетельствует о глубинных различиях баночных комплексов правого и левого берегов Днепра и разных путях их развития.

Во-вторых, логарифмический характер зависимости величины некомпактности группы от ее численности, проявляющийся практически на всех

уровнях дерева иерархической классификации, определенно свидетельствует о том, что посткатакомбный баночный комплекс соответствует этапу распада типа.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы полагаем возможным сделать следующие выводы:

1. С точки зрения типологического процесса баночный комплекс посткатакомбных культурных образований являет собой картину распадающегося типа, уже не образующего единого культурного массива. Этот вывод во все не отрицает существования в посткатакомбное время самостоятельных культур – существование культуры и отдельного археологического типа не обязательно является жестко связанным – тип может выходить за рамки культуры или заполнять ее частично. Но между культурами эпохи стабилизации (катакомбное, срубное время) и культурами периода деструкции (переход от средней к поздней бронзе) имеются существенные отличия, и по этой причине, возможно, было бы целесообразно данные отличия отразить и в используемой терминологии, употребляя для периодов деструкции термин «культурные образования».

2. Посткатакомбные банки по своим морфологическим признакам оказались в значительной своей части близки группам формирования срубного керамического комплекса, и прежде всего – его катакомбным линиям развития. Причем такое объединение на соответствующих дендрограммах часто происходит уже на первом шаге. Такая близкая связь между формами, а также наличие для других посткатакомбных банок морфологической близости, выявляемой дендрограммами, уже со срубными группами, дает возможность говорить о непрерывности развития баночного комплекса и хронологическом смыкании посткатакомбного и срубного мира.

Литература:

Кочерженко О.В., Слонов В.Н., Шабанов В.Л., 2015. О феномене «баночного ренессанса» в керамическом комплексе срубной культуры Нижнего Поволжья // Археология восточноевропейской степи. Вып. 11. Саратов, 2015.

Литвиненко Р.О., 2006. Днепро-донская бабинская культура (источники, ареал, погребальный обряд) // Матеріали та дослідження з археології Східної України. Луганськ, 2006. №5.

Литвиненко Р.О., 2009. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток). – Автореф. дис... д.и.н. К., 2009.

Литвиненко Р.О., 2009а. Культурне коло Бабино (по матеріалам поховальних пам'яток). Рукопись дисс... д-ра іст. наук // Архив ИА НАНУ. К., 2009. №879.

Мимоход Р.А., 2005. Блок посткатакомбных культурных образований (постановка проблемы) // Проблемы дослідження пам'яток археології Східної України. Луганськ, 2005.

Мимоход Р.А., 2006. Погребения финала средней бронзы бассейна р. Кубань // Первая абхазская международная археологическая конференция. Древние культуры Кавказского Причерноморья. Материалы конференции. Сухум, 2006.

Мимоход Р.А., 2011. Радиоуглеродная хронология блока посткатакомбных культурных образований // КСИА. Вып. 225. М., 2011.

Мимоход Р.А., 2013. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века // Материалы охранных археологических исследований. Т. 16. М., 2013.

Мимоход Р.А., 2013а. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: содержание и дефиниции // Археология восточно-европейской степи. Вып. 10. Саратов, 2013.

Мимоход Р.А., 2013б. Лолинская культура. Северо-западный Прикаспий на рубеже среднего и позднего периодов бронзового века. Автореф. дис... д.и.н. М., 2013.

Мимоход Р.А., 2014. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье: от криволюкской культурной группы к волго-донской бабинской культуре // КСИА. Вып. 232. М., 2014.

Слонов В.Н., 1995. Методы формализованной классификации массовых археологических объектов. Автореф. дис... к.и.н. М., 1995.

Приложение 1

Список сосудов посткатакомбных культурных образований

- 20⁴. ВДБК-1 – Антонов к. 3 п. 4 [Мимоход, 2014. Рис. 4, 4]
- 21. ВДБК-2 – Высокая гора к. 5 п. 1 [Там же. Рис. 4, 14]
- 22. ВДБК-3 – Вишневка одиноч. к-н п. 5 [Там же. Рис. 4, 15]
- 23. Куб-1 – Текучка I к. 2 п. 15 [Мимоход, 2013. Илл. 98, 10]
- 24. Куб-2 – Малаи II к. 1 п. 16 [Там же. Илл. 98, 6]
- 25. ДДБК-1⁵ [Литвиненко, 2009а. Рис. 24, 2]
- 26. ДДБК-2 [Там же. Рис. 24, 7]
- 27. ДДБК-3 [Там же. Рис. 24, 8]

⁴ Номера с 1 по 19 в настоящей работе соответствуют срубным группам [Кочерженко и др., 2015. С. 39].

⁵ Сосуды ДДБК и ДПБК были взяты из докторской диссертации Р.А. Литвиненко [Литвиненко, 2009а], ссылки на сосуды в настоящем исследовании даются по работе указанного автора.

28. ДДБК-4 [Там же. Рис. 24, 10]
29. ДДБК-5 [Там же. Рис. 24, 11]
30. ДДБК-6 [Там же. Рис. 24, 13]
31. ДДБК-7 [Там же. Рис. 24, 14]
32. ДДБК-8 [Там же. Рис. 24, 15]
33. ДДБК-9 [Там же. Рис. 24, 16]
34. ДДБК-10 [Там же. Рис. 24, 17]
35. ДДБК-11 [Там же. Рис. 24, 21]
36. ДДБК-12 [Там же. Рис. 24, 23]
37. ДДБК-13 [Там же. Рис. 24, 26]
38. ДДБК-14 [Там же. Рис. 24, 34]
39. ДДБК-15 [Там же. Рис. 24, 35]
40. ДДБК-16 [Там же. Рис. 24, 36]
41. Лола-1 – Улан-Толга к. 11 п. 2 [Мимоход, 2013. Илл. 45, 1]
42. Лола-2 – Манджикины I к. 10 п. 2 [Там же. Илл. 45, 2]
43. Лола-3 – Манджикины I к. 3 п. 4 [Там же. Илл. 45, 3]
44. Лола-4 – Дамба-Калаус I к. 3 п. 1 [Там же. Илл. 45, 5]
45. Лола-5 – Островной к. 3 п. 15 [Там же. Илл. 45, 6]
46. Лола-6 – Пичуга I к. 1 п. 8 [Там же. Илл. 45, 8]
47. Лола-7 – Ореховка к. 9 п. 5 [Там же. Илл. 45, 10]
48. Лола-8 – Хар-Зуха I к. 5 п. 2 [Там же. Илл. 45, 11]
49. Лола-9 – Бияш к. 2 п. 4 [Там же. Илл. 45, 13]
50. ДПБК-1 [Литвиненко, 2009а. Рис. 78.1]
51. ДПБК-2 [Там же. Рис. 78.3]
52. ДПБК-3 [Там же. Рис. 78.4]
53. ДПБК-4 [Там же. Рис. 78.5]
54. ДПБК-5 [Там же. Рис. 78.6]
55. ДПБК-6 [Там же. Рис. 78.7]
56. ДПБК-7 [Там же. Рис. 78.8]
57. ДПБК-8 [Там же. Рис. 78.9]
58. ДПБК-9 [Там же. Рис. 78.11]
59. ДПБК-10 [Там же. Рис. 78.12]
60. ДПБК-11 [Там же. Рис. 78.13]
61. ДПБК-12 [Там же. Рис. 78.14]
62. ДПБК-13 [Там же. Рис. 78.15]
63. ДПБК-14 [Там же. Рис. 78.16]
64. ДПБК-15 [Там же. Рис. 78.17]
65. ДПБК-16 [Там же. Рис. 78.20]
66. ДПБК-17 [Там же. Рис. 78.22]
67. ДПБК-18 [Там же. Рис. 78.23]

68. ДПБК-19 [Там же. Рис. 78.24]
 69. ДПБК-20 [Там же. Рис. 78.25]
 70. ДПБК-21 [Там же. Рис. 78.29]
 71. ДПБК-22 [Там же. Рис. 78.33]
 72. ДПБК-23 [Там же. Рис. 78.36]

Приложение 2

Состав групп

- Группа 1. №№20, 33, 40, 46, 47, 48, 65
 Группа 2. №21
 Группа 3. №№22, 59, 60, 61, 71, 72
 Группа 4. №№23, 32, 34
 Группа 5. №№24, 29, 57, 69, 70
 Группа 6. №№25, 28, 49, 52, 56, 62
 Группа 7. №26
 Группа 8. №№27, 66, 67
 Группа 9. №№30, 31, 64
 Группа 10. №№35, 36, 37
 Группа 11. №№38, 42
 Группа 12. №№39, 68
 Группа 13. №41
 Группа 14. №№43, 44, 45
 Группа 15. №№50, 51, 55, 58
 Группа 16. №№53, 54
 Группа 17. №63

Приложение 3

Таблица средних значений для групп

№ группы	CD	GK/CD	GH/CD	AB/CD	HK/CD	CD/EF
1	11,47	0,70	0,27	0,91	0,43	1,52
2	13,00	0,58	0,22	0,86	0,37	2,00
3	11,78	0,71	0,05	0,98	0,66	1,45
4	10,40	0,62	0,32	0,73	0,30	1,32
5	13,74	0,57	0,03	0,99	0,54	1,52
6	9,15	0,66	0,00	1,00	0,66	1,27

СТАТЪИ

7	15,30	0,72	0,25	0,96	0,47	1,20
8	13,53	0,83	0,00	1,00	0,83	1,55
9	11,13	0,62	0,15	0,94	0,47	1,48
10	10,50	0,81	0,32	0,80	0,49	1,52
11	16,40	0,85	0,27	0,81	0,58	1,77
12	12,70	0,76	0,12	0,87	0,63	1,66
13	29,00	0,92	0,28	0,88	0,65	2,46
14	18,43	0,66	0,18	0,89	0,48	1,58
15	9,95	0,63	0,00	1,00	0,63	1,70
16	7,30	0,70	0,15	0,97	0,55	1,33
17	9,80	0,81	0,17	0,85	0,63	1,24

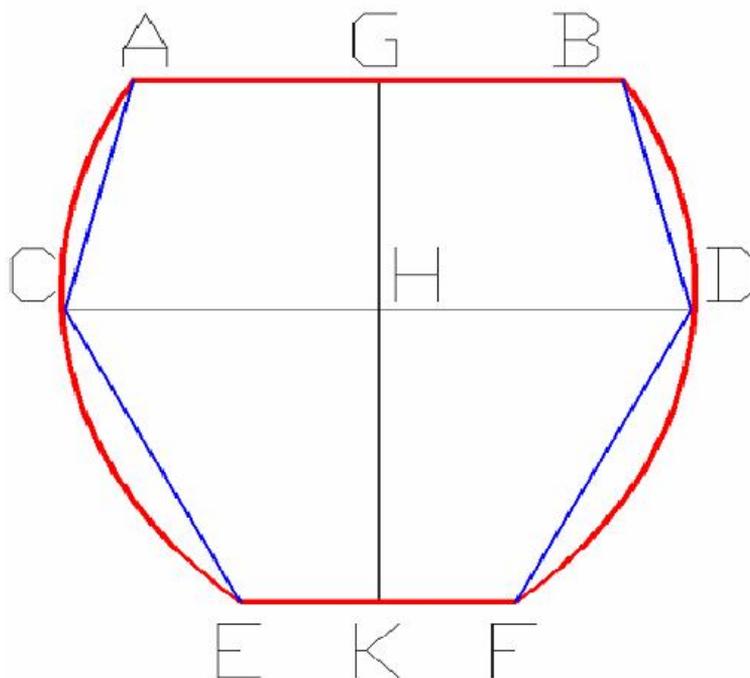

Рис. 1. Ключевые точки сосуда для фиксирования метрических признаков

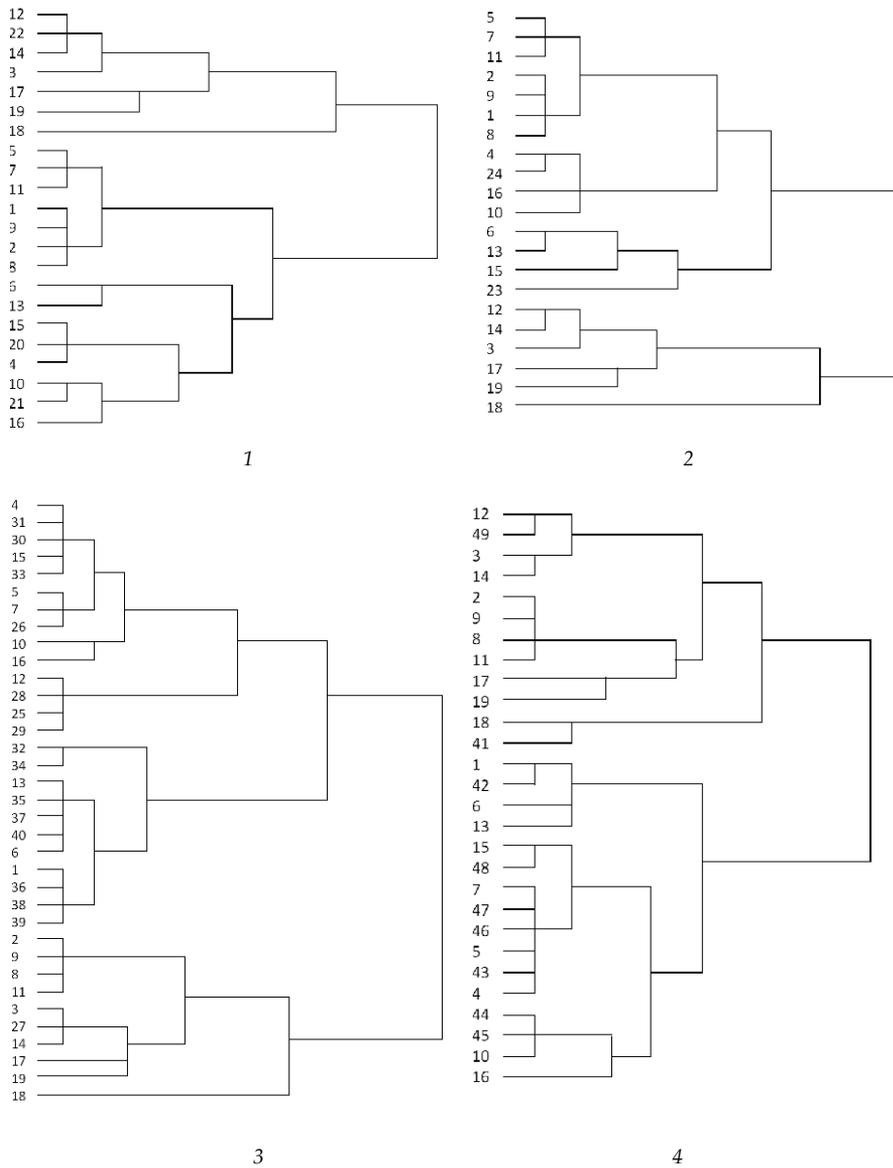

Рис. 2. Дендрограммы сравнения со срубными группами
 1 - «СГ» + «ВДБК»; 2 - «СГ» + «КУБ»; 3 - «СГ» + «ДДБК»; 4 - «СГ» + «ЛОЛА»

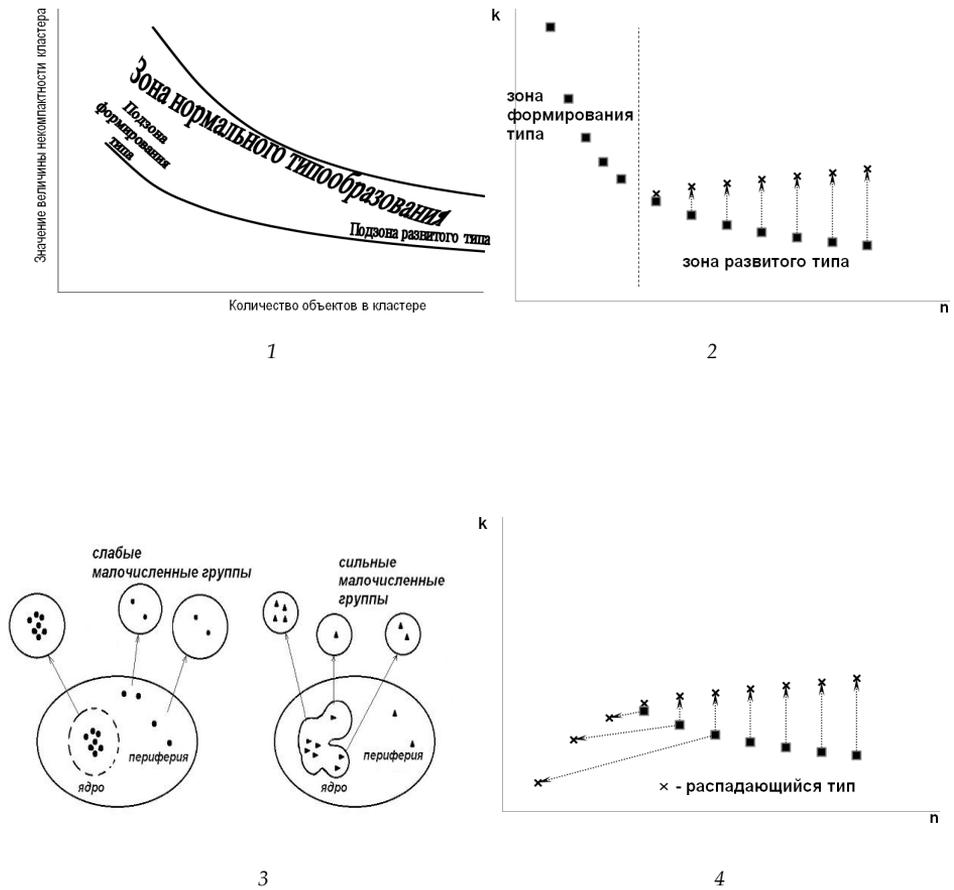

Рис. 3. Формирование и распад типа

- 1 - Эволюция культурного типа (гипербола нормального типобразования)
 2 - Эффект «ослабления групп» для завершающей стадии эволюции типа
 3 - Дробление кластеров по дереву иерархической классификации для периодов развитого типа (слева) и для кластеров периода распада типа (справа)
 4 - График распада типа

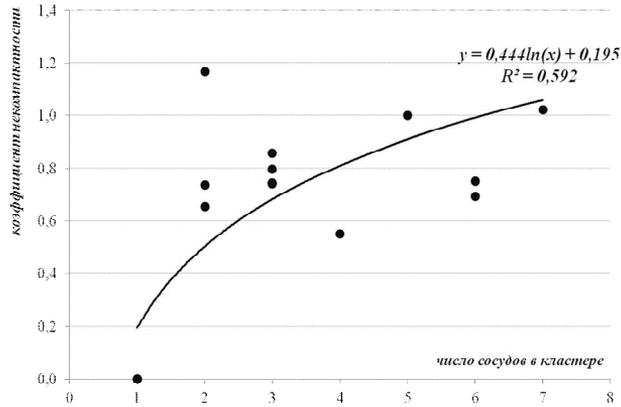

Рис. 4. Зависимость некомпактности группы от числа объектов в группе для 17 кластеров

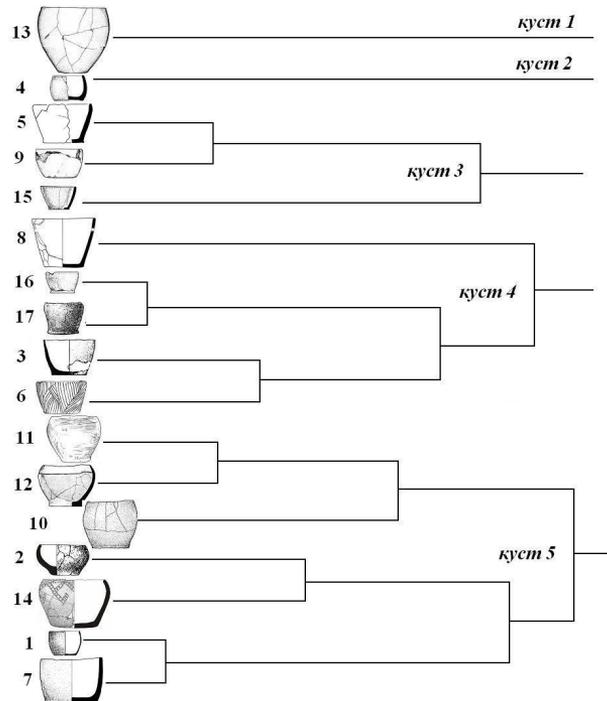

Рис. 5. Дендрограмма для посткатакомбных банок

Хреков А.А.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЙ ЭТАП ЭПОХИ БРОНЗЫ
НА ТЕРРИТОРИИ ЛЕСОСТЕПНОГО ПРИХОПЕРЬЯ
(ВОЛГО-ДОНСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ)

На территории Прихоперья обнаружено 17 памятников с керамикой типа «Студенок» (воротничковый венчик, зубчатый штамп, тычковые вдавления), близкой сосудам марьяновского и маклашеевского облика. Прихоперская группа является гибридной, здесь отмечено соединение традиций вышеназванных культур в местной среде. В Среднем Поволжье известны похожие атабаевские и маклашеевские комплексы, в Посурье – памятники «аким-сергеевского» типа, на Донце – поселения бондарихинской культуры. По ряду признаков прихоперские памятники являются наиболее поздними (XI-VIII вв. до н. э.), это своеобразное культурное образование в цепи развития одной из основных этнических групп древнего населения Волго-Донского лесостепного междуречья, принявших непосредственное участие в формировании городецкой культуры раннего железного века.

Ключевые слова: Лесостепное Прихоперье, заключительный этап эпохи бронзы, керамика, городецкая культура, Волго-Донское междуречье

Khrekov A.A.

FINAL STAGE OF THE BRONZE EPOCH
IN THE FOREST-STEPPE KHOPER REGION

In the Koper Region, 17 monuments have been found, with the ceramics of the Studenki type, similar to the vessels of the Maryanovo and the Maklasheevka types. The Koper group may be regarded as a hybrid one, it combines traditions of the above cultures in the local environment. Similar Atabayev and Mak-

lasheevka complexes are known from the Middle Volga region, monuments of the Akim-Segeevka type are known from the Posurie, settlements of the Bondarikha culture – from the Donets. According to a number of features, the Khoper Region monuments refer to the later time (XI–VIII cent. B.C.), they make a peculiar cultural formation in the development chain of one of the major ethnic groups of the ancient population in the Volga-Don forest-steppe interfluve. This group participated in formation of the Gorodets culture of the Early Iron Age.

Key words: The forest-steppe Khoper Region, final stage of the Bronze Age, ceramics, Gorodets culture, the Volga-Don interfluve

До настоящего времени памятники заключительного периода эпохи бронзы на территории лесостепного Прихоперья были представлены двумя культурно-хронологическими группами [Хреков, 2003. С. 103–115].

К первой группе относятся хорошо известные на Дону и Волге памятники с валиковой керамикой, позволяющие по ряду признаков включить их в круг культур финальной бронзы Евразии и датировать поздним этапом хвалынской (ивановской) культуры XII–X вв. до н. э. [Изотова, Малов, Слонов, 1993. С. 129].

Интересной и во многом слабоизученной является вторая группа памятников, представленная в Прихоперье материалами типа Студенок V [Хреков, 2003. С. 124–128]. Локализуются памятники студенокского типа в бассейне Северского Донца, на южной окраине лесостепи. Анализ студенокского керамического комплекса указывает, что он сформировался в восточных районах под сильным влиянием приказанской, поздняяковской культур и культуры сетчатой керамики в конце XIII – начале XII вв. до н. э. [Буйнов, 1989. С. 40; Буйнов, 2001. С. 28] и выделен в предмалобудковский этап бондарихинской культуры.

Пока на территории Прихоперья обнаружено более 17 памятников (рис. 1) с керамикой студенокского облика, главной отличительной чертой которой является воротничковое оформление венчика, частое применение крупного зубчатого штампа, тычковые вдавления, гребенчатые расчески на внешней поверхности, примесь крупных зерен кварца или шамота в тесте сосудов. Ранее и в настоящее время этот тип керамики мы условно определяем, как марьяновско-маклашеевский или студенокский, указывая на его генетическую связь с марьяновской культурой, где последняя выступает в качестве основного компонента (суперстрата) и маклашеевский в качестве субстрата. Нам представляется, что прихоперская группа этих памятников по сравнению со студенокскими и маклашеевскими является гибридной, т. е. результатом переработки классических традиций вышеназванных культур в местной среде и предполагает более поздний характер [Хреков, 2003. С. 113].

Близкая по форме, оформлению венчика и орнаментации керамика известна на памятниках атабаевского [Халиков, 1980. Табл. 58] и маклашеевского [Халиков, 1980. С. 38–39; Халиков, 1987. С. 145] этапов приказанской культуры XII–IX вв. до н. э.

В Посурье и Примокшанье аналогичная керамика В.В. Ставицким выделена в аким-сергеевский тип и культуру сетчатой керамики [Ставицкий, 2005. С. 110–133].

В настоящее время наметился ещё один круг памятников переходного периода от бронзы к раннему железному веку, документируемый материалами бондарихинской культуры, впервые выделенной не только в Прихоперье, но и в Саратовском Правобережье.

Судя по распространению памятников центром бондарихинской культуры является среднее течение Северского Донца. Довольно в большом количестве они открыты на Ворскле, отдельные пункты обнаружены в бассейне Сулы и Псла [Березанская, 1982. С. 68] и в Цнинско-Мокшанском междуречье [Артеменко, 1987. С. 116].

Наиболее восточное положение в левобережье Дона, видимо занимали поселения Шиловское [Екимов, Беседин, 1980. С. 80, рис. 1] и Рыкань-2 [Матвеев, Екимов, 1980. С. 98–99], которые А.П. Медведев отнес к раннему этапу бондарихинской культуры [Медведев, 1999. С. 18–19].

Пока на территории лесостепного Прихоперья обнаружено 4 поселения бондарихинской культуры или типа Бондарихи (рис. 1). Для их топографии характерны дюнные всхолмления в поймах рек и склоны первых подпойменных террас. На двух поселениях произведены раскопки (Шапкино I, дюна 5; Подгорное I), материалы других – (Богатырка; Лосев Угол) представлены сборами.

Особый интерес представляет керамический комплекс и постройка, обнаруженные на поселении Шапкино I, дюна 5. Памятник расположен на левом берегу реки Вороны (правый приток р. Хопёр), близ села Шапкино Мучкапского района Тамбовской области. Он включает в себя восемь песчаных дюн, которые тянутся широкой полосой (до 600 м) с северо-востока на юго-запад более чем на 900 метров (рис. 2, А). Двумя раскопами в 1986 и 2003 гг. на дюне 5, вскрыто около 400 кв. м. [Хреков, 1986; Хреков, 2003]. В 2003 г. в восточной части раскопа, были обнаружены остатки постройки прямоугольной формы 10 x 5,25 м, глубиной в материке 0,35–0,4 м. Длинными сторонами постройка ориентирована по линии север-северо-восток – юг-юго-запад (рис. 2, Б). В восточной части постройки, вдоль стенки, зафиксирована приступка шириной от 0,85 до 0,1 м, постепенно суживавшаяся с юга на север. У северной стенки отмечено скопление крупных камней, золы и угольков, возможно от стационарного очага. Еще один очаг(?) открытого типа подквяд-

ратной формы находился в центре. Его размеры 0,4 x 0,5 м, глубина в материке 0,1 м. По периметру и в центре постройки прослежены отдельные столбовые ямки, диаметром от 0,17 до 0,3 м, куски глины, остатки обугленного перекрытия и стен в виде жердей или плашек разной длины, до 0,1–0,12 м шириной. Судя по ямкам, постройка имела столбовую конструкцию, плетеные из прутьев и обмазанные глиной стены и довольно легкое перекрытие. Все данные (угольки, зола, обугленные плашки) свидетельствуют о том, что сооружение погибло в результате пожара.

В нижней части заполнения постройки преобладали фрагменты керамики бондарихинского типа, один фрагмент городецкой и незначительное количество средневековой русской, которая находилась только в южной половине сооружения. Основная ее масса концентрировалась в верхней части раскопа, над котлованом. Поэтому время сооружения постройки мы относим к финалу поздней бронзы, а именно к бондарихинской культуре.

Аналогичные землянки прямоугольной формы, столбовой конструкции, со стенами из жердей и прутьев, обмазанными глиной, известны на поселениях Бондариха, Нищаха и Лиманского озера [Березанская, 1982. С. 69].

Рядом с постройкой на поселении Шапкино I, дюна 5, раскоп 2 обнаружена яма (№16) хозяйственного или культового назначения (рис. 2, Б). Она имеет овальную форму, размеры 2,6 x 2,2 м, глубину в материке 0,45 м. Длинными сторонами яма ориентирована по линии «восток-запад». Стенки уступчиками понижались к чашеобразному дну на глубину до 0,1 м, здесь у западного края открылось еще одно углубление размером 1,14 x 1,12 м. Заполнение входной ямы состояло из темной спекшейся супеси, содержащей многочисленные фрагменты и неполные развалы бондарихинских сосудов, кости животных, камни, кремневые отщепы, пест (рис. 8, 7), абразив (рис. 8, 8), обломок модели глиняного колеса (рис. 12, 8), обломок глиняного пряслица (рис. 12, 7) и кусок шлака с большим содержанием железа. Заполнение малой ямы (углубления) отличалось плотной зольно-угольной структурой, насыщенной часто вторично обожженными фрагментами керамики и мелкими камешками. Всего в яме №16 обнаружено 233 фрагмента (рис. 6–11) (48 венчиков, 162 стенки, 23 днища) керамики бондарихинской культуры, правда, некоторые фрагменты имеют инокультурный облик (рис. 11, 3, 5–6), о чем будет сказано ниже. Дно ямы было покрыто плотным слоем мелких камней, стенки чуть прокалены. То есть – это закрытый, или условно закрытый комплекс, содержащий материалы одного времени. Вероятно, с постройкой связана находка железной булавки.

Основная часть посуды из постройки и ямы №16 (относительно закрытых комплексов) близка по технологическим и морфологическим признакам. Тесто хорошо отмучено, плотное, с примесью песка, шамота, а в отдельных

случаях дресвы. Поверхность серовато-коричневатого и коричневого цвета. Толщина стенок варьирует от 0,3–0,4 см до 0,6–0,8 см. Внешняя сторона сосудов обычно хорошо заглажена, внутренняя – гладкая, без видимых следов штриховой зачистки. Примерная высота сосудов 16–24 см, диаметр верха (устья) 14–18 см, дна 6,5–13,5 см.

Типологически данная керамическая серия делится на три, в количественном отношении неравные, группы.

К первой, наиболее многочисленной группе относятся в значительной степени профилированные горшковидные сосуды, место наибольшего расширения у которых приходится на середину тулова, или оно расположено в верхней его части. Внутри группы выделяются горшки с сильно отогнутым венчиком (рис. 3, 1, 3, 5; 5, 11; 7, 1–2, 4; 9, 3; 10, 6) и горшки с вертикально поставленным, или слабо отогнутым венчиком (рис. 3, 2; 5, 2; 6, 5, 9; 7, 3; 8, 2; 9, 2).

Вторая группа представлена слабопрофилированными сосудами с прямым или слегка отогнутым наружу венчиком (рис. 4, 1–6; 5, 3; 6, 1–2; 8, 1; 12, 2–3, 5).

Третья группа – сосуды баночной формы. Среди них есть банки с суживающимся закрытым верхом (рис. 1, 4; 9, 1; 11, 1; 12, 1) и прямостенные (рис. 6, 4; 9, 4; 10, 3–4).

Днища сосудов плоские, в основном с закраинами (рис. 4, 10; 6, 11; 8, 1, 3–6; 10, 8–9), реже без закраин (рис. 7, 7, 10). Естественно, принятая типология, ввиду малочисленности реконструируемых сосудов хотя бы до места наибольшего расширения тулова, носит предварительный характер.

Орнамент расположен в верхней и средней части тулова сосудов. Наиболее характерным способом украшения сосудов являются различного рода вдавления: округлые, треугольные, прямоугольные, аморфные или сделанные концом обломанной палочки (рис. 3, 1–2, 7–9; 4, 3–4, 6–7; 5, 1, 3–5; 7, 1, 3–6; 8, 1), образуя один-два ряда горизонтальных поясков. На внутренней стороне стенок горшков от этих глубоких вдавлений почти всегда оставались выпуклые негативы. На двух кубковидных сосудах отмечены отпечатки перевитой веревочки в виде спаренных горизонтальных и наклонных линий (рис. 10, 1, 5; 12, 2). Орнамент покрывает не только тулово, но и верхний срез венчика. Обычно это косые насечки (рис. 3, 2; 4, 5; 6, 3; 7, 9; 11, 4) нанесенные косо поставленным штампом. Судя по фрагментам, более трети сосудов вообще не были украшены (рис. 4, 1–2; 6, 5, 7, 9; 7, 2; 9, 1–5). Следует отметить, что рассмотренная керамика по целому ряду признаков сближается с керамикой бондарихинской культуры. Близость проявляется как в ряде форм сосудов, технологии изготовления, так и в их орнаментации. Среди шапкинской керамики есть аналогичные бондарихинским сосудам с сильно раздутым туловом и небольшим дном. Но еще в большей степени керамику шапкинского поселения сближают способы и техника орнаментации. Как отмечает

В.А. Ильинская, на бондарихинской керамике наиболее распространенные приемы орнаментации – ямки, сделанные концом круглой палочки или плоской щетки, которые имеют форму кружка, овала, лопаточки, треугольника и т. д. Чаще всего орнамент состоит из одного горизонтального ряда таких ямок, опоясывающего шейку сосуда. Однако встречаются сосуды с двумя, тремя и даже четырьмя такими поясками [Ильинская, 1961. С. 29, рис. 1, 1–7, 12–13; С. 30, рис. 2, 2–3, 14].

Несмотря на значительные черты сходства керамика шапкинского поселения и керамика бондарихинской культуры, тем не менее, не тождественны. Так, на шапкинском поселении отсутствуют сосуды с налепными шишечками и тонким валиком с нанесенными по нему овальными вдавлениями, орнамент в виде бантика и виноградной лозы.

Скорее всего, эти отличия являются спецификой восточного ареала бондарихинской культуры и ее слагаемых. Например, тонкие и расчлененные валики довольно широко распространены в белогрудовской и лебедовской культурах, границы которых выходят в левобережье Днепра [Березанская, 1982. С. 78, рис. 19, 5; С. 80; С. 82, рис. 21–22] и вероятно характерны для западных памятников бондарихинской культуры.

На довольно поздний характер керамического комплекса шапкинского поселения указывает присутствие в яме 16 шлака с большим содержанием железа. Практически такое же сочетание керамики, типа Бондарихи и студенокской, железного шлака и изделий из кремня было обнаружено в береговом обнажении (остатки ямы без культурного слоя) реки Вороны, в 0,5 км на северо-запад от места поселения. Кроме того, одновременное нахождение в яме 16 (условно закрытом комплексе) бондарихинской, текстильной и студенокской керамики (рис. 11, 1–6) ставит вопрос о происхождении местного варианта бондарихинской культуры, который в отношении восточных памятников окончательно не решен.

Б.Н. Граков высказывал мнение о сложении бондарихинской культуры в результате слияния пришлых племен срубной культуры с местным населением, близким по культуре к «окским неолитическим племенам». Он считал, что культурные варианты, получившие название малобудковской и бондарихинской стадии, являются позднейшим развитием поздняяковской культуры [Граков, 1977. С. 197].

По мнению В.А. Ильинской памятники малобудковского и бондарихинского типов составляют последовательные звенья культурного развития периода поздней бронзы и своим происхождением связаны с памятниками марьяновского типа или марьяновской культуры [Ильинская, 1961. С. 40–41]. С.С. Березанская также считает, что близость и генетическая связь бондари-

хинской культуры с марьяновской не вызывает сомнения [Березанская, 1982. С. 73].

Ю.В. Буйнов и С.И. Воловик, анализируя студенокский керамический комплекс, указывают не на его принадлежность к поздняяковской культуре, а на генетическую связь с марьяновским типом, который сформировался в восточных районах под сильным влиянием приказанской, поздняяковской культур и культуры сетчатой керамики [Буйнов, 2001. С. 28]. В свою очередь, материалы студенокского (малобудковского) типа выделены в ранний этап бондарихинской культуры в рамках XII–XI вв. до н. э. [Артеменко, 1987. С. 118]. Вероятно, эта дата на территории Прихоперья будет скорректирована в сторону некоторого омоложения.

Основанием для такого вывода служат материалы, полученные во время раскопок поселения Подгорное I [Хреков, 1992]. Памятник расположен на дюне в 0,4 км на юг от села Подгорное Романовского района Саратовской области в пойме левого берега реки Карай. Раскопками исследовано 72 кв. м, мощность культурного слоя около 1 м. Студенокская и бондарихинская керамика, в основном, концентрировалась на глубине 0,2–0,6 м от современной поверхности. Верхнее стратиграфическое положение занимала городецкая рогожная (единичные фрагменты) и постзарубинецкая керамика, ниже – находились материалы средней бронзы, энеолита и неолита.

Среди студенокской керамики (13 венчиков, 32 стенки, 1 развал) выделяются три формы круглодонных сосудов: шаровидная, с округлыми выпуклыми боками (рис. 16, 4), слабопрофилированная с плавным переходом от шейки к тулову (рис. 16, 3) и ближе к баночной (рис. 16, 5). Венчики прямые, или чуть отогнуты, иногда с внутренним желобком (рис. 16, 2). Из 13 обнаруженных венчиков только 6 имеют воротнички. Отмечена тенденция размещения орнамента в верхней и средней части сосуда. Среди элементов орнамента, помимо разнообразных ямок, тычков, гребенки, заметна доля фрагментов с расчесами, текстильными и сетчатыми отпечатками, жемчужинами, выдавленными с внутренней стороны стенок.

Описанная группа студенокской керамики находит аналогии не только на западе (Студенок V, Лысый Горб), но и в какой-то степени среди маклашевских памятников Приказанского Поволжья [Халиков, 1969, рис. 55; Халиков, 1980. С. 38]. В тоже время, надо отметить, что в собственно маклашевских памятниках сосуды с орнаментированным туловом очень редки, как и широкое применение клиновидных вдавлений, более распространенных в предшествующей атабаевской керамике. Утолщенную к основанию в виде широкого воротничка шейку сосудов А.Х. Халиков также считал ранним признаком [Халиков, 1980. С. 38]. С другой стороны, на поселениях Подгорное I, Шапкино I, дюна 5, Шапкино I, дюна 3, Шапкино VI в одном комплексе со

студенокской встречена сетчатая, текстильная и со штрихованной поверхностью керамика [Хреков, 2003. С. 124–127].

По мнению многих исследователей культура текстильной и сетчатой керамики оформившись в основном в Верхнем Поволжье и Волго-Окском междуречье в начале I тыс. н. э. распространяют свое влияние на обширную территорию лесной зоны Восточной Европы вплоть до Прибалтики на западе и Волго-Камья на востоке. Обработку сосудов текстильными отпечатками А.Х. Халиков считал не характерной для приказанской культуры и рассматривал как результат взаимодействия приказанских и родственных им позднерязовских племен [Халиков, 1980. С. 53].

Помимо студенокской, в тех же стратиграфических условиях, на поселении Подгорное I присутствовала керамика собственно бондарихинской культуры. Всего обнаружено 56 фрагментов, из них 27 находились на глубине 0,2–0,4 м, 26 – на глубине 0,4–0,6 м от современной поверхности. Условно выделены три плоскодонные формы сосудов: сильнопрофилированные (рис. 15, 3), слабопрофилированные (рис. 15, 1–2, 4, 6–9) с плавным переходом от шейки к тулову и баночные (рис. 15, 10). Венчики прямые или чуть отогнутые с плоским и округлым срезом по верху. Орнамент состоит из пояса округлых ямок, клиновидных, аморфных и зерновидных вдавлений (рис. 15, 1–9, 11), в основном сосредоточенных в верхней трети сосуда. Иногда насечками украшен верхний срез венчика (рис. 15, 1). Тесто плотное, с примесью песка и дресвы. Внешняя и внутренняя стороны заглажены мягким предметом. Толщина стенок 0,4–0,8 см. Цвет поверхности от коричневого до светло коричневого с сероватым оттенком. По большинству морфологических признаков этот тип подгоренской керамики близок бондарихинскому керамическому комплексу. Судя по глубине залегания большого разрыва по времени с предыдущим студенокским между ними вероятно не было. В какой-то степени это повторяет ситуацию на поселении Шапкино I, дна 5, где в условно закрытом комплексе (яма 16) обнаружена керамика двух рассматриваемых типов.

Небольшая коллекция керамики типа Студенка V и Бондарихи встречена еще на двух памятниках – поселении Лосев Угол и Богатырка (рис. 1).

Поселение Лосев Угол расположено на правом берегу реки Карай (приток р. Хопёр) в 0,7 км на северо-восток от села Бобылевка Романовского района Саратовской области [Кисельников, 2009]. Памятник занимает склон пологой террасы, занятый под пашню. На распаханной поверхности были собраны фрагменты керамики (рис. 14, 1–7), обломок бронзового ножа и кварцитовый наконечник стрелы листовидной формы с усеченным основанием (рис. 14, 14–15). По составу теста, технологии изготовления, форме и орнаментации керамика подразделяется на два типа.

К первому относятся профилированные сосуды (рис. 14, 2, 5–7), поверхность которых украшена оттисками гребенчатого штампа, ямками, подпрямоугольными и аморфными вдавлениями с негативами на внутренней стороне. Один из венчиков имеет воротничок (рис. 14, 6), другой – утолщение с внешней стороны (рис. 14, 2). Днища этого типа керамики не обнаружены. Тесто плотное, с примесью шамота. По ряду признаков – воротничковое оформление венчика, ямки, разнообразные вдавления, оттиски крупного гребенчатого штампа – выделенная керамика аналогична прихоперским памятникам типа Студенка V.

Второй тип, условно названный бондарихинским, в основном представлен слабопрофилированными и прямостенными сосудами с плоским дном (рис. 14, 1, 3–4). Судя по обнаруженным фрагментам, орнамент в виде округлых и треугольных вдавлений располагался в верхней части тулова, образуя один-два ряда горизонтальных поясков. Тесто плотное, с примесью измельченных зерен дресвы или кварцита.

К какому керамическому комплексу относится наконечник стрелы и бронзовый нож точно определить не представляется возможным. Листовидные наконечники стрел с усеченным основанием широко представлены на памятниках лесной и лесостепной зоны Восточной Европы еще с неолитической эпохи. Близкие по времени аналогии имеются в памятниках поздняяковской [Попова, 1970. С. 184, рис. 32, 2], маклашеевской [Халиков, 1980. С. 101, табл. 60] и раннесетчатой культур [Гурина, 1961. С. 453, рис. 178, 1] и памятниках типа Студенка V [Воловик, 1993. С. 182, рис. 5, 2]. Форма ножа с параллельными лезвиями и гранью посередине возможно близка бронзовым ножам и кинжалам белозёрской [Отрощенко, 1985. С. 523, рис. 142, 46; С. 524] или бондарихинской культур [Березанская, 1982. С. 71, рис. 18, 27]. Абсолютный возраст белозёрских древностей в настоящее время установлен в рамках второй половины XII–X вв. до н. э. На Нижнем Дону бронзовые черешковые двулезвийные ножи «белозёрского типа» с закруглённым тупым концом, покатыми плечиками, линзовидным сечением клинка и уплощённым черенком известны на памятниках предскифского времени IX–VIII вв. до н. э. [Лукьяшко, 1999. С. 151, рис. 100, 1–3; С. 152].

Практически такой же набор керамики встречен на поселении Богатырка, расположенном в овраге Богатырка, на правом берегу реки Карай, в 1,2 км к западу от села Подгорное Романовского района Саратовской области [Кисельников, 2003]. Это сосуды с широкими воротничковыми венчиками, тулово которых украшено оттисками зубчатого штампа, тычками и следами штриховки на поверхности (рис. 14, 10–11, 13). Коллекцию дополняют слабопрофилированные и прямостенные сосуды с разреженной орнаментацией в виде треугольных и подпрямоугольных вдавлений (рис. 14, 8–9, 12).

Таким образом, связь между двумя прихоперскими группами памятников финальной бронзы несомненна (хронологическая или генетическая - еще предстоит выяснить). В предварительном плане их следует разделить на два этапа. Первый - студенокский. На территории Прихоперья он сформировался в рамках XI-X вв. до н. э. Его основой послужили поздние памятники марьяновской культуры, субстратом - атабаевские, маклашеевские, текстильной керамики, не исключая поздняяковские. Сейчас время бытования развитой текстильной (сетчатой) керамики на окских городищах по серии радиоуглеродных дат определяется в рамках X-VIII вв. до н. э. [Фоломеев, 1993. С. 19-20]. Вторым этапом IX-VIII вв. до н. э. - бондарихинский (или типа Бондарихи), сложился при участии племен, оставивших памятники с тычковой керамикой на Верхнем Дону, Оке и Мокше. А.Е. Алихова считала возможным связывать тычковую керамику с бондарихинской и юхновской культурами [Алихова, 1959. С. 113]. Допускается, что носители культуры, оставившие памятники с тычковой керамикой, предшествовали племенам городецкой культуры [Миранов, 1995. С. 75-76; Вихляев, 1986. С. 206-208; Медведев, 1999. С. 36-37].

Датировку прихоперских памятников XI-VIII вв. до н. э. косвенно подтверждают две находки, обнаруженные на поселении Подгорное I. Это крупная бронзовая бляшка с ушком на внутренней стороне и обломок бронзовой булавки с биконической головкой (рис. 16, 6-7).

Крупные бронзовые бляхи использовались маклашеевским населением в качестве нагрудных украшений. Они известны по погребальным комплексам I-II Маклашеевского, II Полянского могильников [Халиков, 1980. С. 66, табл. 19; С. 95, табл. 54] и датируются X-IX вв. до н. э. На более западных территориях круглые бляшки получают распространение среди памятников черноговровского типа [Ильинская, Тереножкин. С. 23-26]. Видимо западное происхождение имеет бронзовая булавка с биконической головкой. Близкие изделия обнаружены в области лужицкой, висоцкой [Граков, 1977. С. 90, рис. 63, 5; С. 158, рис. 109, 6], белогрудовской [Березанская, 1982. С. 82, рис. 21, 3] и других культур финала бронзы - начала раннего железного века XI-VIII вв. до н. э. Оба предмета и керамический комплекс, видимо, отражают направление связей (миграций) с территории Среднего Поволжья, Волго-Окского междуречья, лесостепного Поднепровья на Дон и в Прихоперье. Указанное сходство, принимая во внимание керамический комплекс, будучи явлением эпохальным, представляет собой результат конвергенции, результат взаимодействия стадияльно сходного лесостепного населения Восточной Европы в конце II - начале I тыс. до н. э. В целом, выделенные памятники являются своеобразным культурным явлением в цепи развития одной из основных этнических групп древнего населения Волго-Донского лесостепного междуречья, связанных с финно-уграми и принявших непосредственное участие в формировании городецкой культуры.

Литература:

- Алихова А.Е.* Некоторые древние городища Мордовской АССР // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959.
- Артеменко И.И.* Бондарихинская культура. // Археология СССР. Эпоха бронзы лесной полосы М., 1987.
- Березанская С.С.* Северная Украина в эпоху бронзы. Киев, 1982.
- Березанская С.С.* Памятники марьяновского типа // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев, 1985.
- Буйнов Ю.В.* О происхождении бондарихинской культуры позднего бронзового века // Проблемы археологии Сумщины. Сумы, 1989.
- Буйнов Ю.В.* Новые данные о марьяновской культуре // Эпоха бронзы Доно-Донецкого региона (материалы 5-го Украинно-Российского полевого археологического семинара) Киев-Воронеж, 2001.
- Вихляев В.И.* Керамика Новошпеневского городища в Мордовии // СА. 1986. №1.
- Воловик С.И.* Поселение эпохи бронзы у поселка Лагери на Северском Донце // РА 1993. №3.
- Воловик С.И.* Бондарихинская культура (проблема происхождения) Автореф.канд. дис. М., 1996.
- Граков Б.Н.* Ранний железный век. М., 1977.
- Гурина Н.Н.* Древняя история северо-запада европейской части СССР // МИА. 1961. №87.
- Екимов Ю.Г., Беседин В.И.* К вопросу о памятниках заключительного этапа эпохи бронзы в лесостепном Подонье // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980.
- Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н.* Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Саратов, 1993. Вып. №1.
- Ильинская В.А.* Бондарихинская культура бронзового века // СА 1961. №1.
- Кисельников А.Б.* Отчет о полевых исследованиях в июле-августе 2009 г. Романовского района Саратовской области // Архив ИА РАН. Р-1. 2009.
- Лукьяшко С.И.* Предскифский период на Нижнем Дону // Донские древности. Азов, 1999. Вып. 7.
- Матвеев А.А., Екимов Ю.Г.* Поселение эпохи бронзы Рыкань-2 // Археология восточноевропейской лесостепи. Воронеж, 1980.
- Миронов В.Г.* Городецкая культура: состояние проблем и перспективы их изучения // Археологические памятники Среднего Поочья. Рязань, 1995.

Отрощенко В.В. Белозерская культура // Археология Украинской ССР. Киев, 1985. Т. 1.

Попова Т.Б. Племена поздняяковской культуры // Окский бассейн в эпоху камня и бронзы. Тр. ГИМ. 1970. Вып. 44.

Ставицкий В.В. Бронзовый век Посурья и Примокшанья. Пенза, 2005.

Фоломеев Б.А. Окские городища // Археологические памятники раннего железного века Окско-Донского междуречья. Рязань, 1993.

Халиков А.Х. Древняя история Среднего Поволжья. М., 1969.

Халиков А.Х. Приказанская культура. М., 1980.

Халиков А.Х. Приказанская культура // Археология СССР. М., 1987.

Хреков А.А. Отчет археологической экспедиции Балашовского краеведческого музея за 1986 г. по раскопкам у с. Шапкино Мучкапского р-на Тамбовской обл. и с. Ключи Балашовского р-на Саратовской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. 1986.

Хреков А.А. Отчет Балашовского краеведческого музея за 1992 год по раскопкам у с. Шапкино Мучкапского района Тамбовской области и с. Подгорное Романовского района Саратовской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. 1992.

Хреков А.А. Отчет Балашовского краеведческого музея за 2003 г. по раскопкам у с. Шапкино Мучкапского р-на Тамбовской обл. // Архив ИА РАН. Р-1. 2003.

Хреков А.А. К вопросу о памятниках финальной бронзы Волго-Донского лесостепного междуречья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов, 2003. Вып. 5.

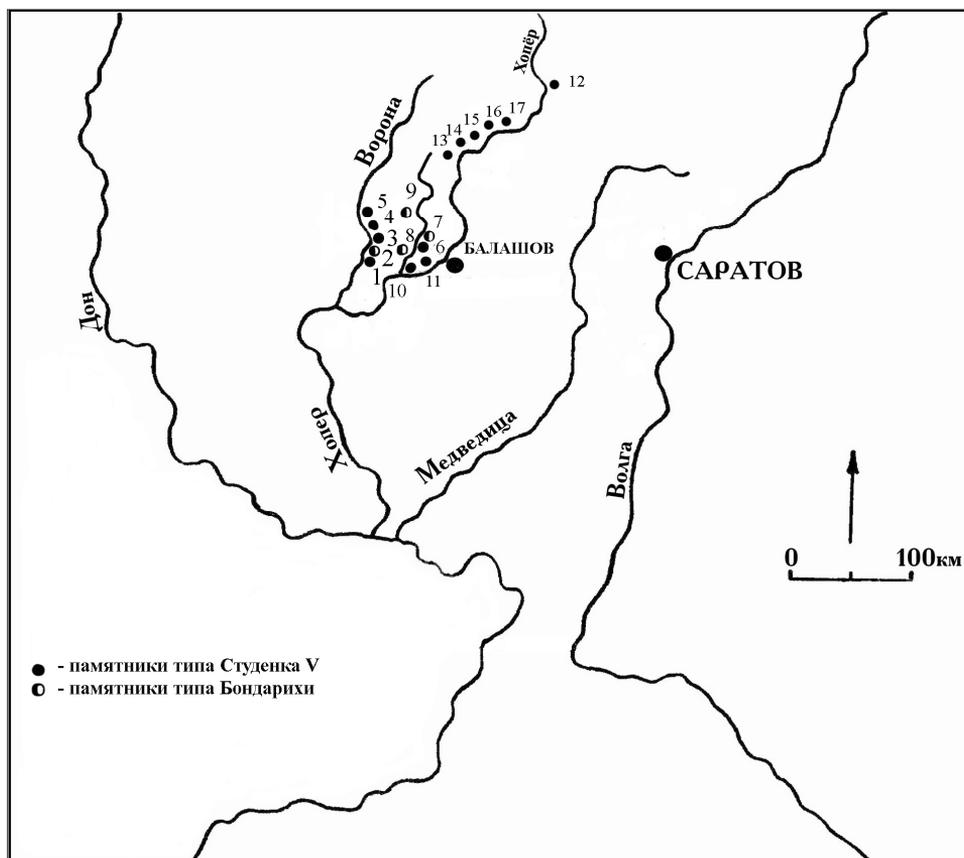

Рис. 1. Карта памятников заключительного этапа эпохи бронзы на территории лесостепного Прихоперья: 1 - Шапкино II; 2 - Шапкино I дюна 5; 3 - Шапкино I дюна 3; 4 - Шапкино III; 5 - Шапкино VI; 6 - Разнобрычка; 7 - Подгорное I; 8 - Богатырка; 9 - Лосев Угол; 10 - Инясево II; 11 - Духовое II; 12 - Шляпа; 13 - Халины Пески II; 14 - Халины Пески III; 15 - Малакова Гора I; 16 - Малакова Гора II; 17 - Подпечное.

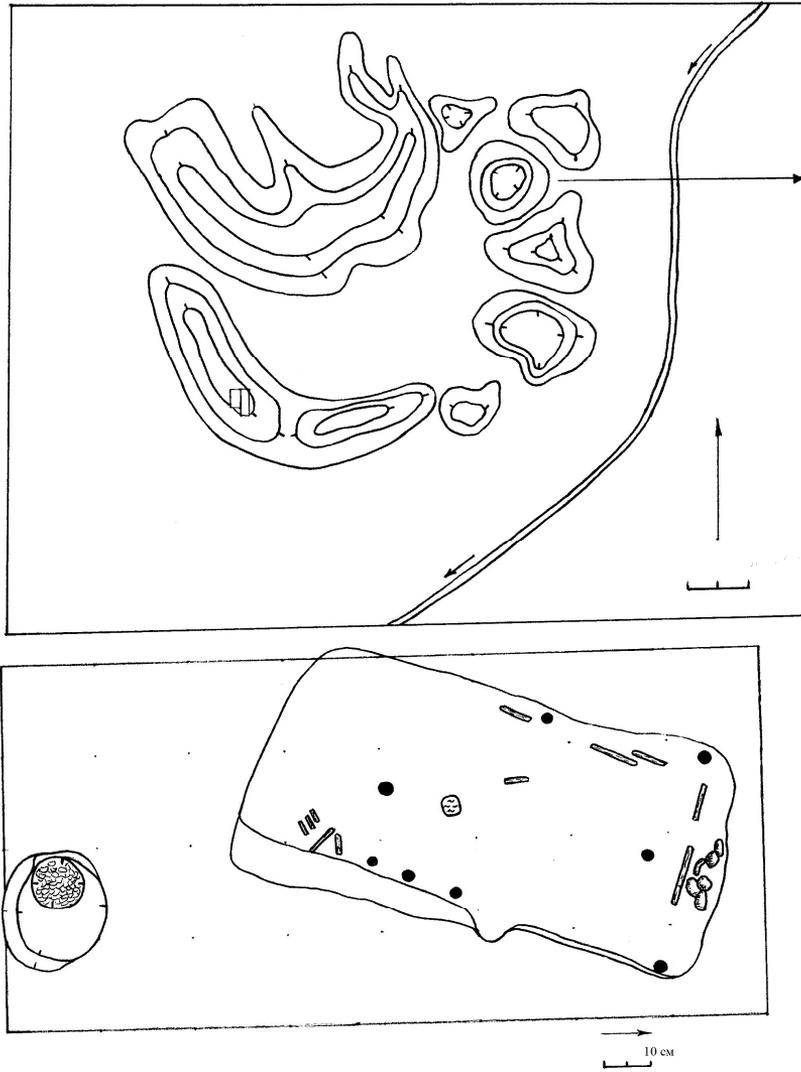

Рис. 2. А - План группы стоянок (дюны) Шапкино I
Б - Шапкино I дна 5. Раскоп 2003 г. Постройка 2.

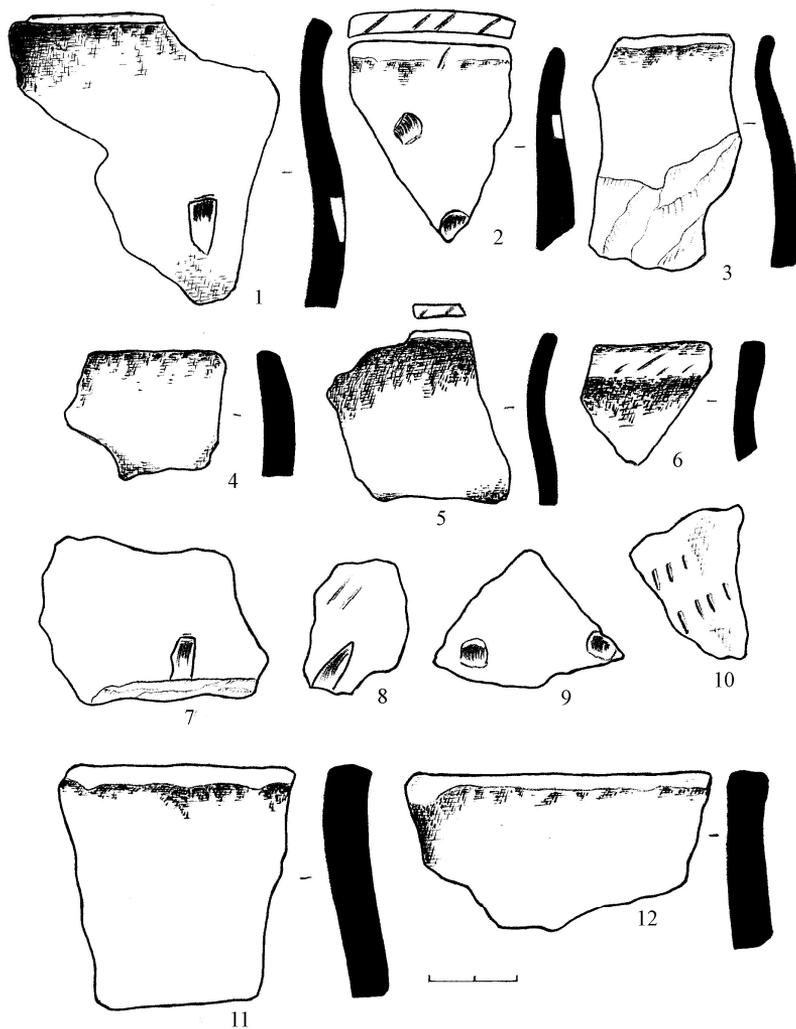

Рис. 3. Шапкино I. Раскоп 2003 г. Керамика (1-12) из слоя раскопа.

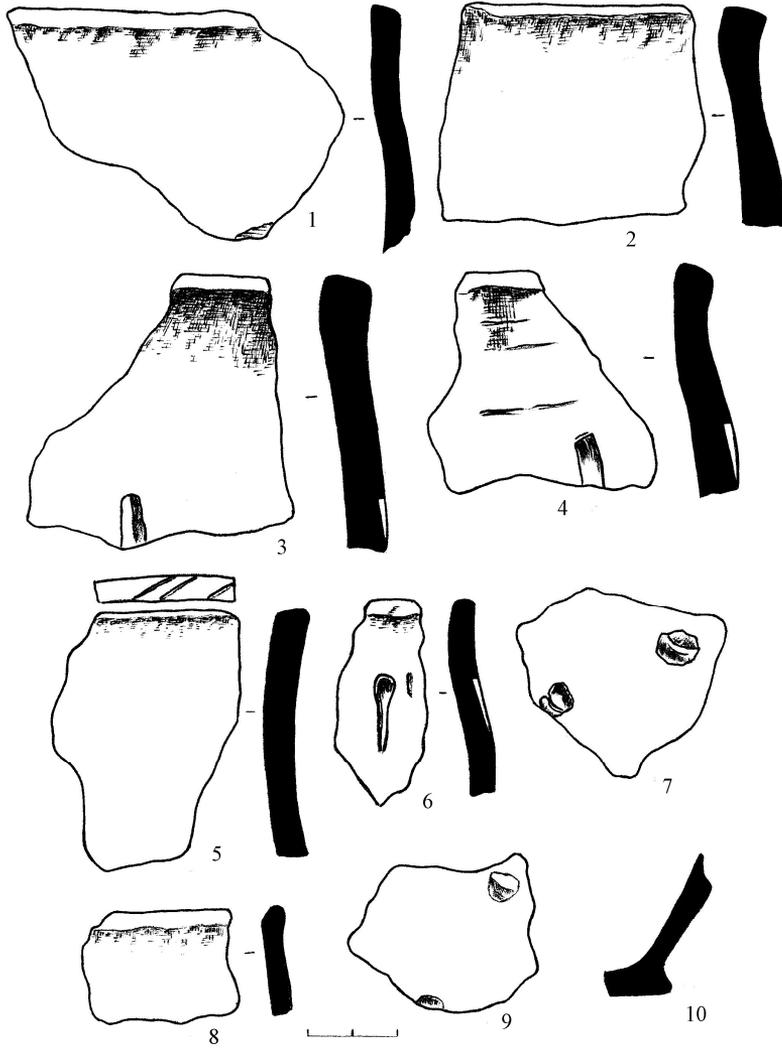

Рис. 4. Шапкино I. Раскоп 2003 г. Керамика (1-10) из слоя раскопа.

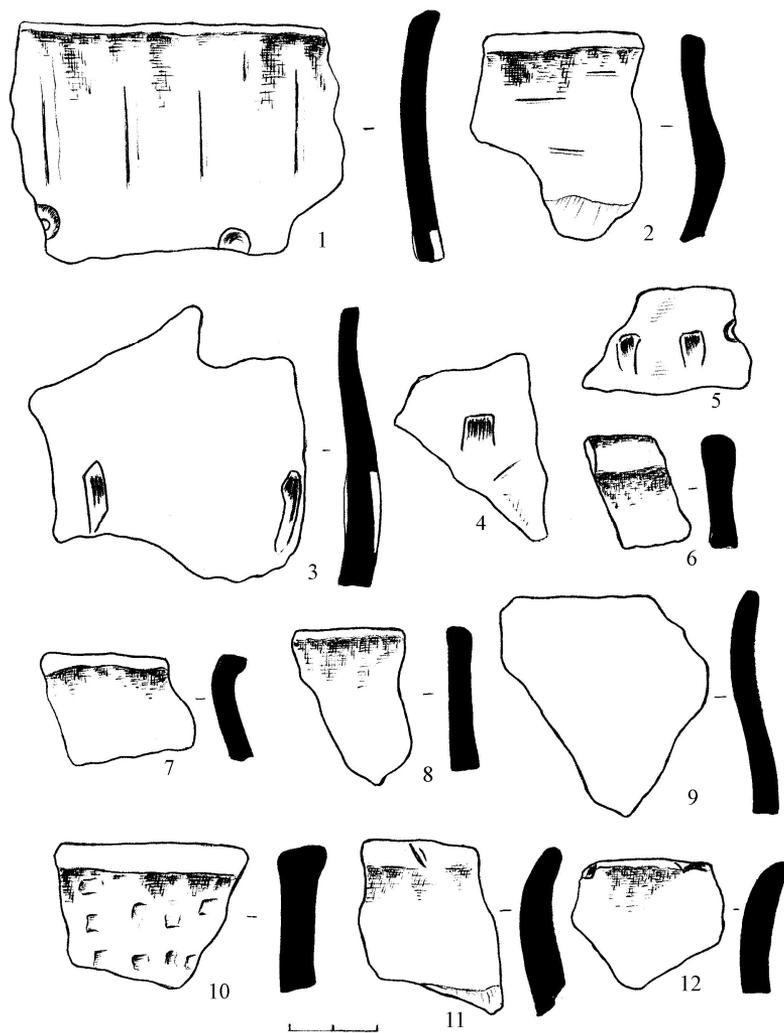

Рис. 5. Шапкино I. Раскоп 2003 г. Керамика (1-12) из заполнения постройки.

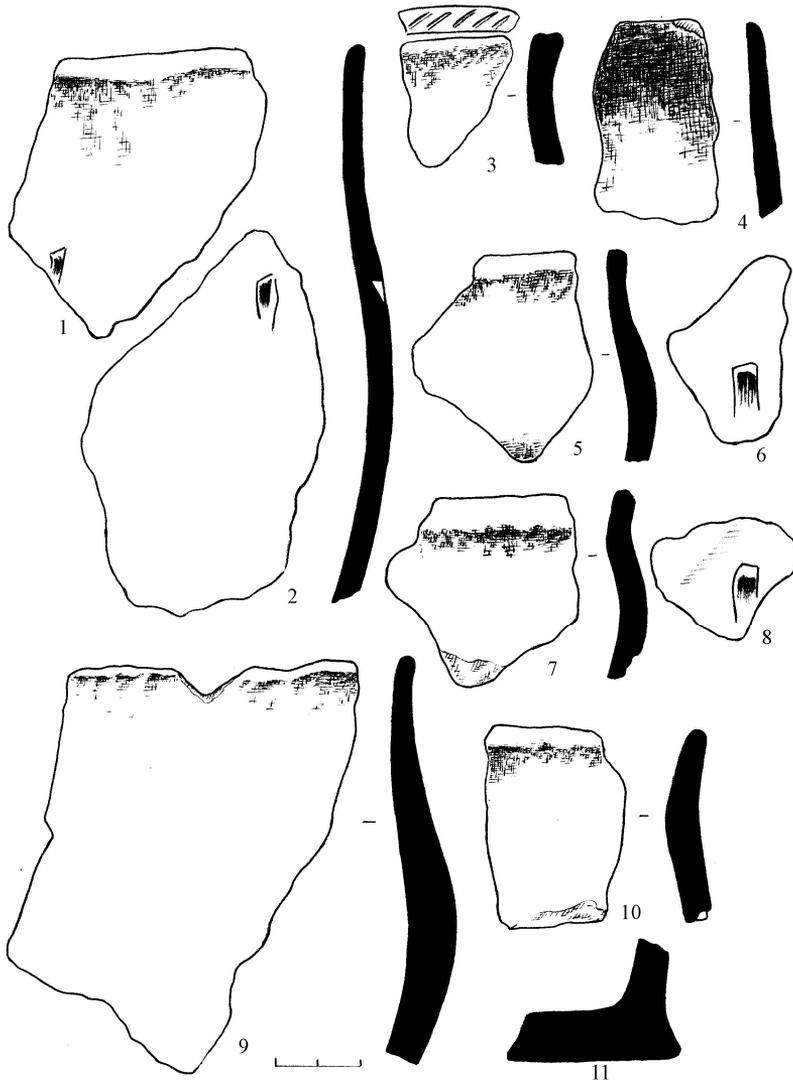

Рис. 6. Шапкино I. Раскоп 2003 г. Керамика (1-11) из заполнения ямы 16.

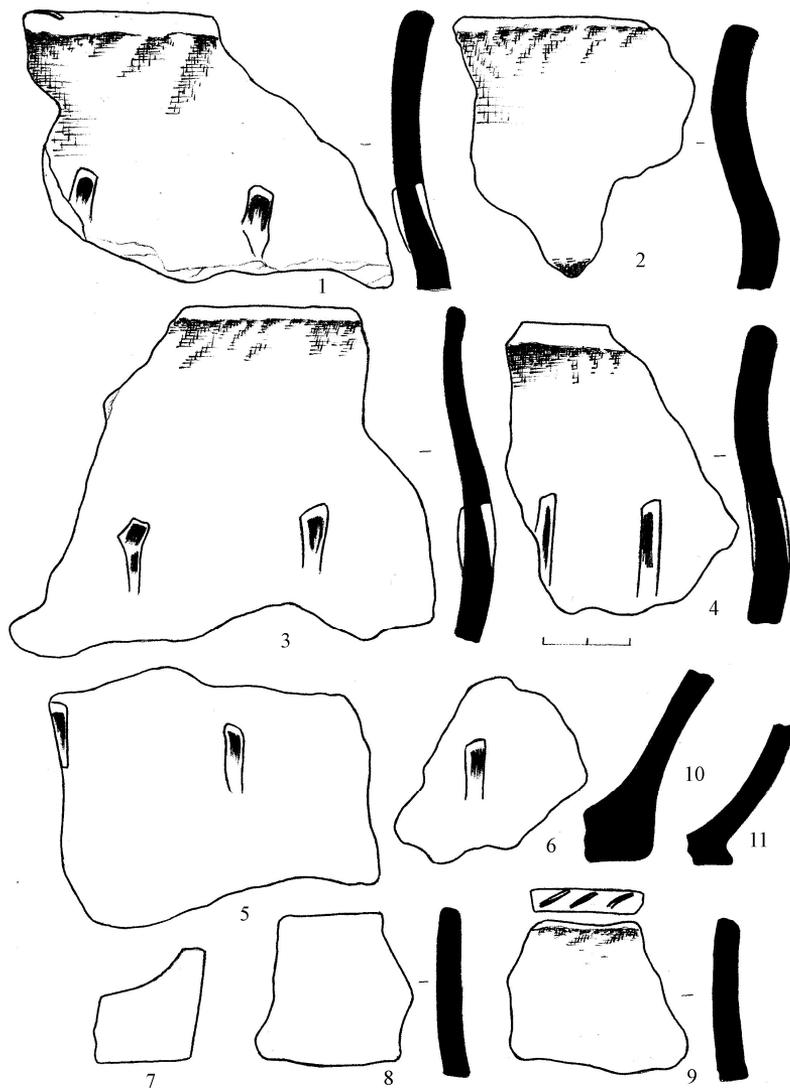

Рис. 7. Шапкино I. Раскоп 2003 г. Керамика (1-11) из заполнения ямы 16.

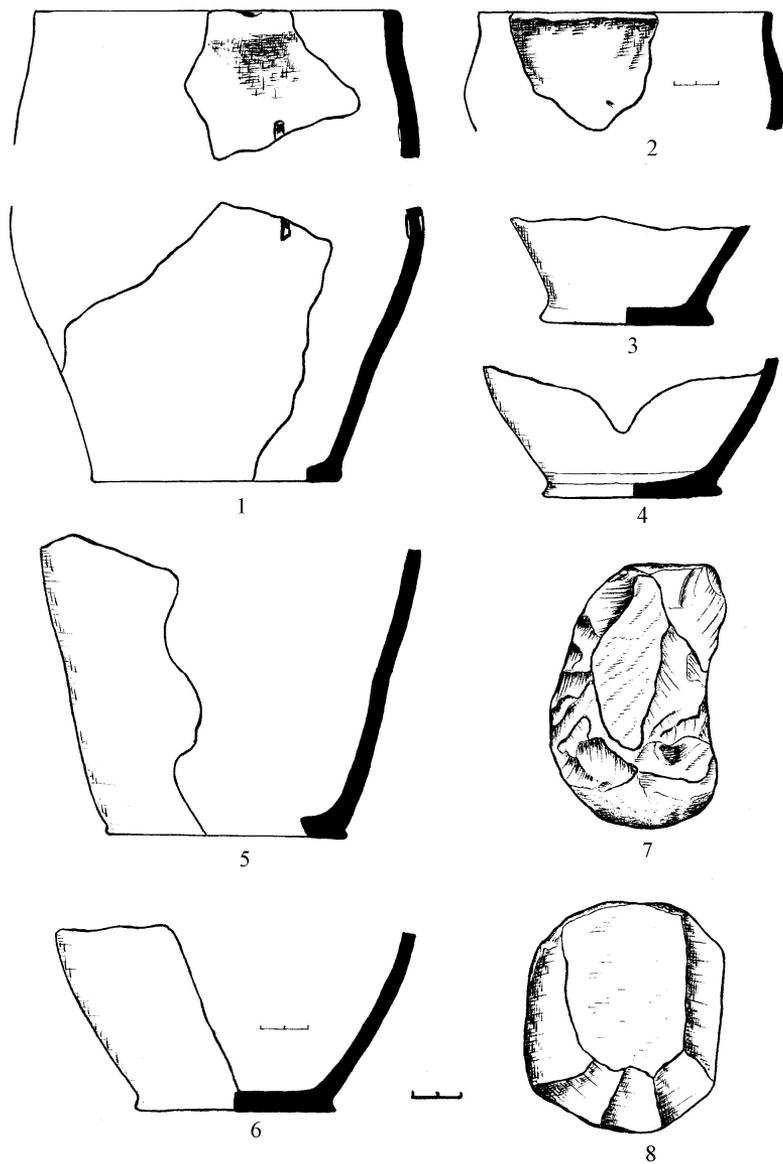

Рис. 8. Шапкино I. Раскоп 2003 г. Керамика (1-6) и изделия из камня (7-8) из заполнения ямы 16.

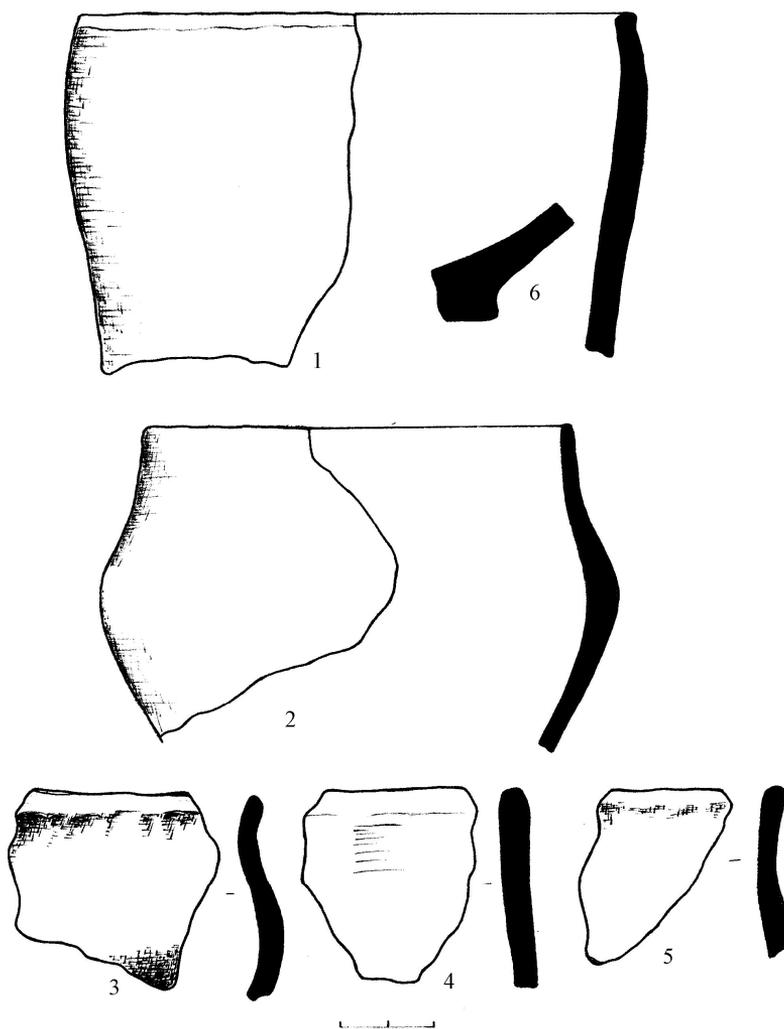

Рис. 9. Шапкино I. Раскоп 2003 г. Керамика (1-6) из заполнения ямы 16.

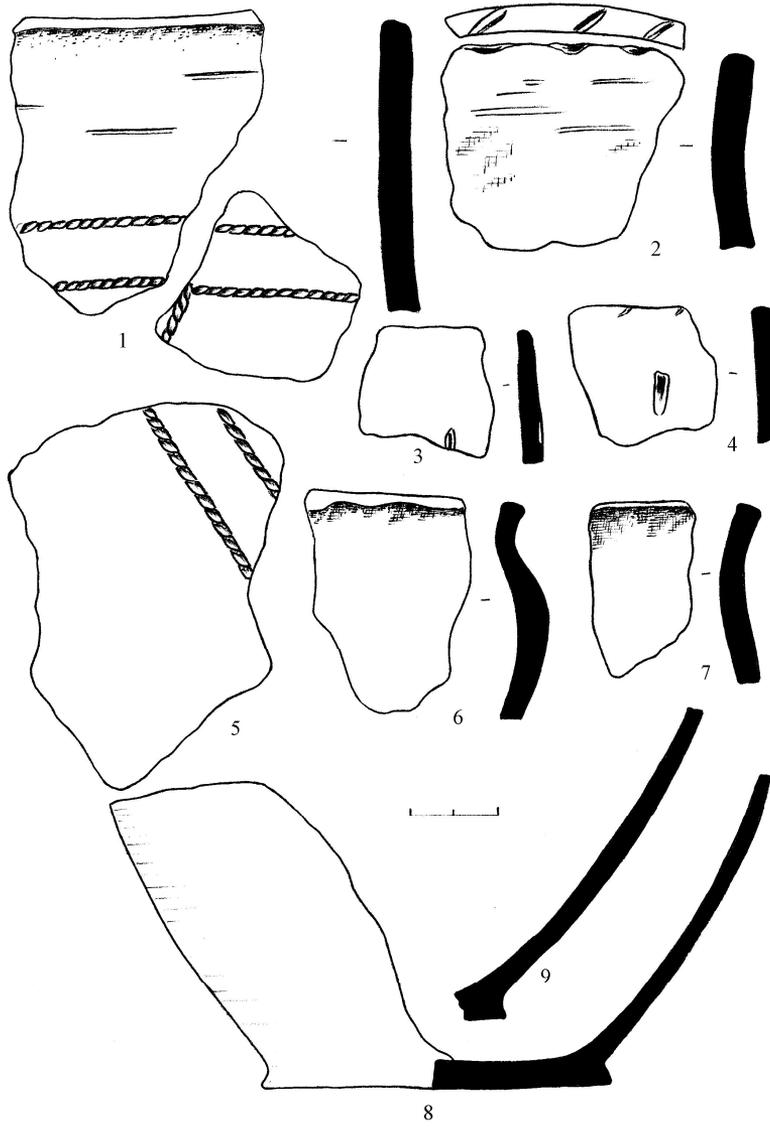

Рис. 10 Шапкино I. Раскоп 2003 г. Керамика (1-9) из заполнения ямы 16.

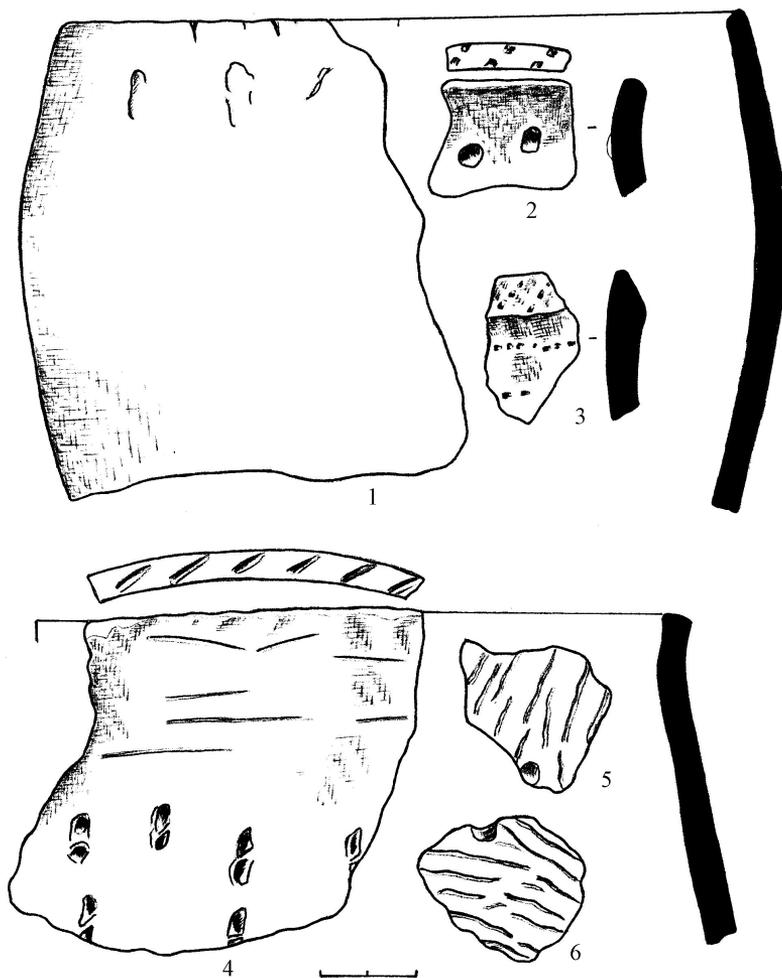

Рис. 11. Шапкино I. Раскоп 2003 г. Керамика (1-6) из заполнения ямы 16.

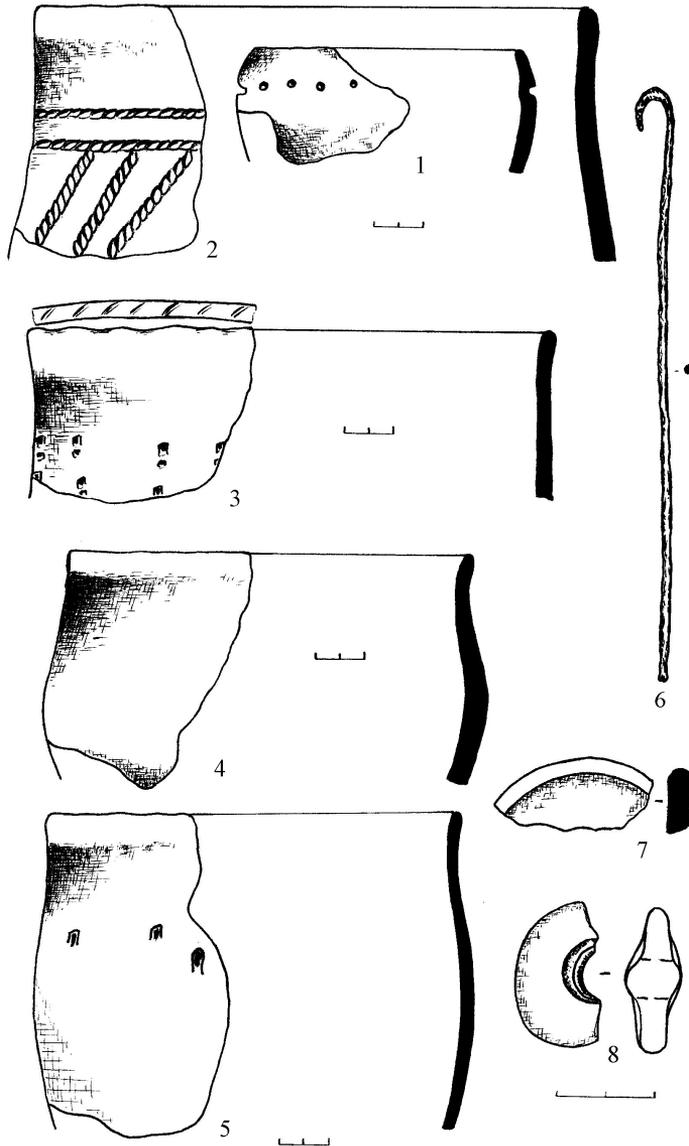

Рис. 12. Шапкино I. Раскоп 2003 г. Керамика (1-5), изделие из железа (6) и глины (7-8).

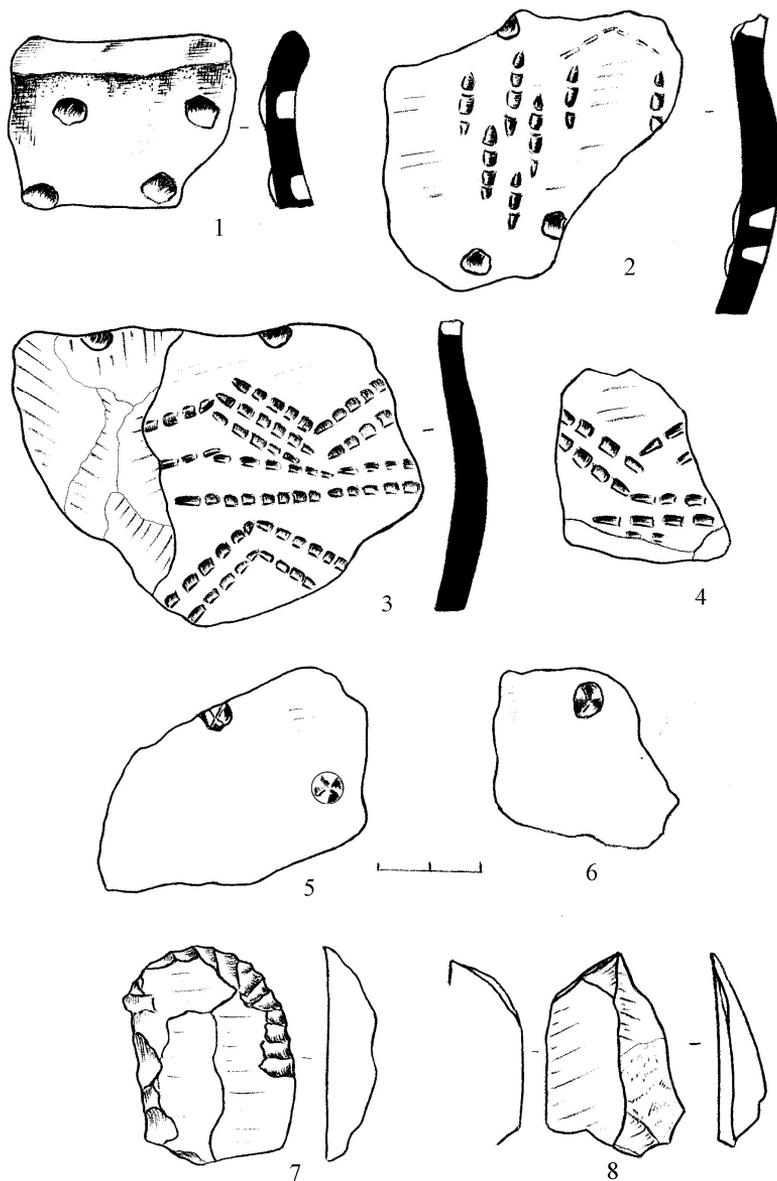

Рис. 13. Шапкино VII. Керамика (1-6) и изделия из камня (7-8).

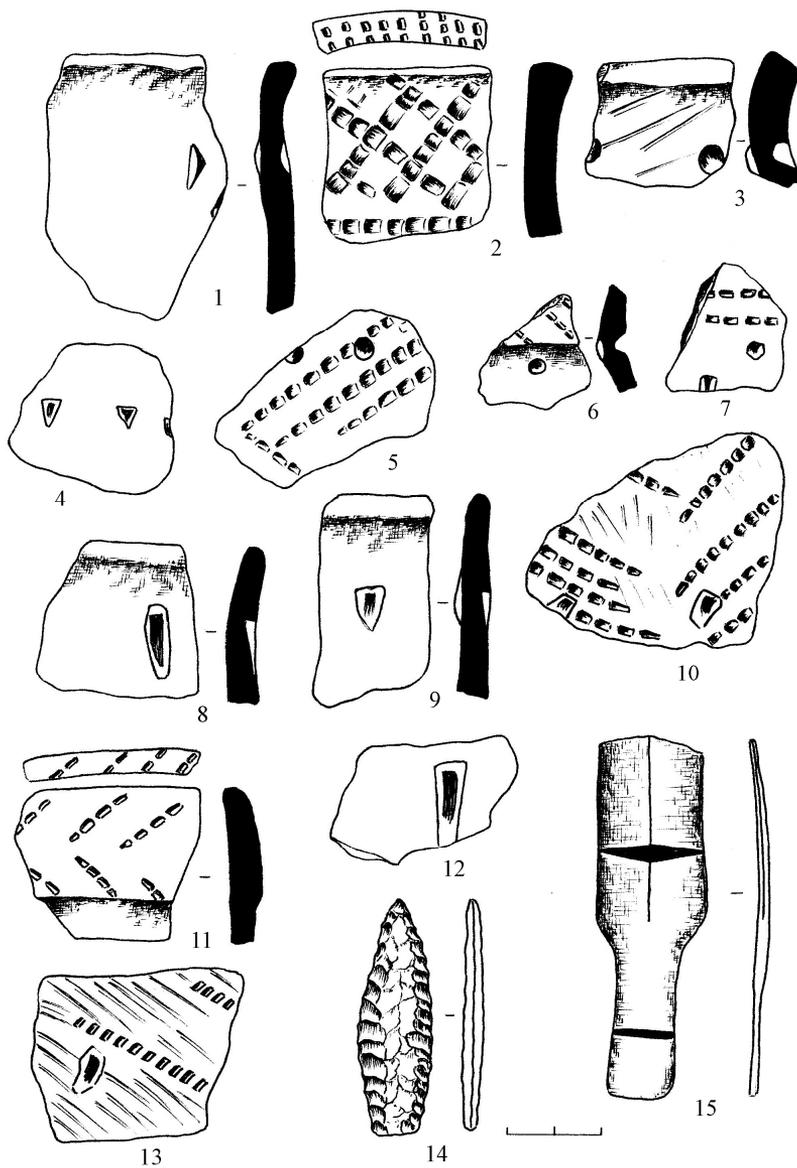

Рис. 14. Лосев Угол. Керамика (1-7), изделия из камня (14) и бронзы (15);
Богатырка. Керамика (8-13).

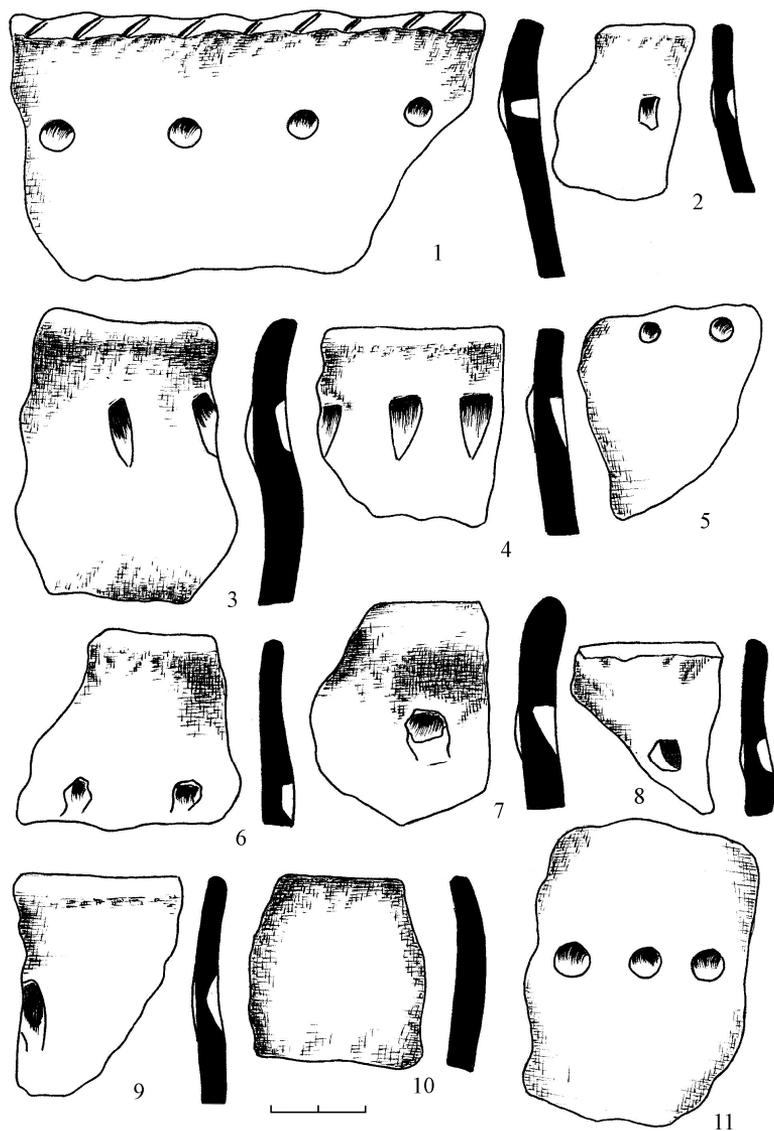

Рис. 15. Подгорное 1. Керамика (1-11) из слоя раскопа.

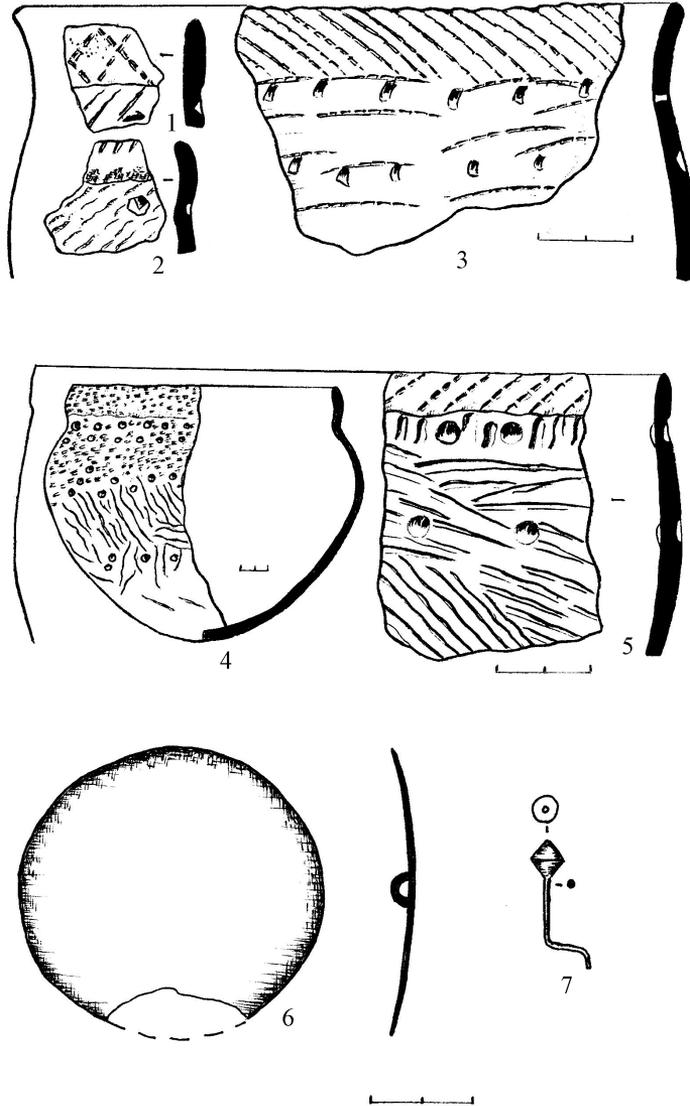

Рис. 16. Подгорное 1. Керамика (1–4), изделия из бронзы (5–6) из слоя раскопа.

Лопатин В.А., Малов Н.М.

ФИНАЛ ЭПОХИ БРОНЗЫ В НИЖНЕВОЛЖСКОМ ПРАВОБЕРЕЖЬЕ ПО МАТЕРИАЛАМ ПОСЕЛЕНИЯ «МАРТЫШКИНО»

Материалы поселения Мартышкино иллюстрируют практически полную диахронию поздней и финальной бронзы в Нижнем Поволжье на примере одного комплекса. На первой срубно-хвалынской стадии (XIV–XIII вв. до н.э.) в Урало-Поволжской лесостепи фиксируются прямые трансляции федоровских и черкакульско-межовских культурных элементов, складываются субкультурные образования сусканского и атабаевско-межовского типов. В зоне сухих степей более выражен федоровско-бишкульский компонент, но миграции были скоротечнее, они фиксируются в виде немногочисленных погребальных комплексов с керамикой федоровского типа, а также смешанных слоев на позднесрубных поселениях, где появляется валиковая керамика, срубный керамический комплекс сменяется хвалынским, уменьшается количество поселений, которые перемещаются на высокие, защищенные террасы больших рек. На второй стадии ХКВК в XII–XI вв. до н. э. поселения сосредоточены в труднодоступных правобережных районах, на высоких мысовых городищах. Степь занята подвижными племенами, пришедшими из аридных закаспийских областей. Их керамика «нурского» типа изредка встречается на позднехвалынских памятниках.

Ключевые слова: Поселение «Мартышкино», городища, хвалынская культура валиковой керамики, федоровская культура, черкакульская культура, памятники нурского типа, миграции в эпоху финальной бронзы, Нижнее Поволжье

Lopatin V.A., Malov N.M.

FINAL OF THE BRONZE EPOCH
IN THE LOWER VOLGA RIGHT BANK REGION ACCORDING
TO THE MATERIALS FROM THE MARTYSHKINO SETTLEMENT

Materials from the Martyshkino settlement illustrate practically complete diachrony of the Late and the Final Bronze in the Lower Volga Region by the example of one complex. At the first timber-grave-Khvalynsk stage (XIV–XIII cent. B.C.), direct translations of the Fedorovka and the Cherkaskul-Mezhovo culture elements are recorded, subcultural formations of the Suskan and the Atabayevo-Mezhovo types are shaped in the Ural-Volga forest-steppe. In the arid steppe zone, the Fedorovka-Bishkul component is more pronounced, but migrations used to be shorter. Those are recorded as sparse burial complexes with ceramics of the Fedorovka type and as mixed layers in the late timber-grave settlements, where beaded pottery first appears. The timber-grave ceramic complex is substituted by the Khvalynsk one, the number of settlements reduces and they shift to high, protected terraces of major rivers. At the second stage of the KCBP in the XII–XI cent. B.C., the settlements are concentrated in hardly accessible right-bank regions, on high cape areas. The steppe is occupied by mobile tribes that have arrived from the arid Trans-Caspian regions. Their ceramics of the Nur type occurs occasionally at the late Khvalynsk monuments.

Key words: Martyshkino site, settlements, the Khvalynsk culture of beaded pottery, the Fedorovka culture, the Cherkaskul culture, the Nur-type monuments, migration in the final Bronze Age, the Lower Volga Region

В процессе многолетних исследований на поселении «Мартышкино» было установлено, что культурный комплекс финала бронзы здесь неоднороден. Выявлены случаи прямой стратиграфии с наложением построечных объектов, интересные планиграфические ситуации, раскопками получены принципиально важные керамические материалы и наборы вещевого инвентаря. Поэтому было решено рассмотреть эту информацию в специальной статье. В частности, предполагается дать подробную характеристику культурным комплексам, сформировавшимся в Мартышкино в эпоху поздней и финальной бронзы, а также показать их место в синстадиальных явлениях Нижневолжского региона.

Интересующий нас стратиграфический горизонт в литологическом отношении представляет собой рыхлый грунт светло-серого цвета, залегающий на глубине от 120 до 260 см. По мере углубления он становится все более

плотным и меняет цветовые оттенки на темно-серые и буро-коричневые. Это досредневековые отложения, насыщенные лепной керамикой различных эпох, но в большей степени – фрагментами сосудов поздней и финальной бронзы. С этим горизонтом связаны развалы сосудов, немногочисленные открытые очаги, хозяйственные ямы, а также остатки двух разрушенных береговыми обвалами жилищ, из которых наиболее интересна постройка №1, выявленная в центральной части прибрежного раскопа.

Комплекс керамики из слоя, который не связан с жилищами и прочими непо потревоженными объектами, уже был представлен в сигнальной публикации [Лопатин, 2003б. С. 10–31]. Это выразительная серия сосудов, относящихся к развитой срубной культуре эпохи поздней бронзы, которую можно датировать XV–XIV вв. до н. э. В этой группе присутствуют баночные, слабопрофилированные и остросереберные формы, и традиционно подавляющее большинство представлено «банками». Не исключено, что с данными материалами уместно связывать некоторые предметы, обнаруженные в слое и не имеющие отношения к жилищам. Это фрагменты литейных форм, обломок изложницы для отливки бронзолитейного сырья, целая изложница, происходящая из музейных фондов СОМК, а также одно из бронзовых обоюдоострых шильев. Наиболее выразительным представляется фрагмент одной створки формы для отливки вислообушного топора. Она изготовлена из глины, имеет четкую прямоугольную форму, весьма массивна. С одной стороны, несмотря на излом, угадывается характерный боковой выступ для вислого обуха. К сожалению, на внутренней рабочей поверхности сохранилась лишь та часть ячейки, где формовался клин топора. Ничего нельзя сказать об обушковой части или о расположении литниковых каналов. Вместе с тем, судя по форме клина, его скошенному низу лезвию, прямой спинке, можно соотносить находку с известными в Мосоловке формами для отливки топоров третьего варианта [Пряхин, Саврасов, 1989. С. 47]. Фрагмент другой формы менее ясен. Очевидно лишь, что ячейка этой формы неглубока, в ней отливали листовидный предмет, и, судя по соотношению краев самой формы и контура ячейки, скорее всего, это мог быть косарь (рис. 7, 15). Подобные односторонние формы, причем, для изготовления двух, и даже трех косарей также наглядно представлены на Мосоловском поселении [там же. С. 57–58].

В совокупности с керамической коллекцией срубного типа этот материал в культурно-хронологическом отношении является основой всего интересующего нас горизонта. Именно на срубных памятниках несколько позже вырастают комплексы, характеризующие завершение эпохи бронзы.

Процессы перемен в плавном развитии срубной культуры отразились в материалах Мартышкино с появлением в центре памятника котлована постройки №1, которая представляла собой сооружение полуземляночного ти-

па с каркасно-столбовой конструкцией кровли (рис. 2, 1А). Длинной стороной она ориентирована по линии «восток-запад», и вероятнее всего выход из жилища был обращен к реке. Котлован полуземлянки вырыт в мелкощелбистом опочном материке на глубину 0,15–0,25 м. Первоначально он имел подпрямоугольную форму, его ширина составляла 7,5 м, а сохранившаяся часть продольного параметра к моменту раскопок – всего 5 м. Вероятно, более половины постройки уже разрушено абразионными процессами.

По расположению сохранившихся столбовых ям трудно судить о полной конструкции каркаса. Очевидно лишь, что здесь был контурный обвод опор, несколько удаленный от грунтовых бортов котлована. Данное обстоятельство предполагало, во-первых, отсутствие стен надстройки, а во-вторых, – падение скатов кровли непосредственно на грунт.

В центре жилища зафиксирован очаг открытого типа – простая яма округлой формы диаметром 0,75 м, заполненная прокаленным грунтом, мелкими углями и золой. К очагу тяготеет система приочажных корчаг (рис. 2, 6, 10), сосудов и ям различного назначения. Сосуды зафиксированы в виде неполных развалов. Одна из корчаг, расположенная у восточного края очага, была углублена в грунт пола на 10 см. С южной стороны к очагу вплотную примыкало сооружение из плотного скопления костей животных – вымостка овальной формы размерами 1,8 x 1,3 м (рис. 2, 3). Такое же столообразное сооружение, но из материкового грунта, зафиксировано в северной части постройки.

Различные столообразные сооружения, чаще всего вырубленные в материковом грунте, обособленные или пристенные варианты, нередко упоминаются при описании внутренних интерьеров построек полуземляночного типа. В основном распространены две трактовки их функциональности. Согласно одной пристенные грунтовые возвышения в жилищах рассматриваются как спальные нары [Синицын, 1958. С. 197]. По другой версии обособленные столообразные возвышения из грунта, камней или костей являлись домашними жертвенниками, святилищами, что подтверждается специфическими артефактами [Березанская, 1990. С. 86–87].

Весьма интересен комплекс в большой яме (рис. 2, 2), где выявлены два столбовых углубления, расположенных по линии «север-юг». На дне обнаружен обломок роговой рукояти (рис. 7, 7), а над ямой, на уровне ее материковых краев, зафиксирована вымостка из мелкого опочного щебня. Если рассматривать данный участок жилища как домашнее святилище, то предположительно можно считать грунтовое возвышение между северной стенкой постройки и ямой – алтарным столиком, жертвенником, возле которого зафиксирован развал сосуда – один из признаков возможных ритуальных подношений.

Среди всех известных сооружений Нижнего Поволжья эта постройка наиболее близка полуземляночному жилищу №1 из Смеловского селища финальной бронзы, исследованного Н.М. Маловым. Оно расположено на противоположном берегу Волги в Энгельском районе Саратовской области [Памятники срубной культуры..., 1993. С. 181, табл. 51, II]. Несмотря на неполную сохранность нашего сооружения, вполне очевидно их сходство в очертаниях котлованов, способах возведения кровли, в расположении очагов, в совпадении широтных ориентировок продольных осей. Этот функциональный тип жилищ определяется как однокамерные, чисто жилые сооружения прямоугольных форм, характерные именно для Поволжья и развивавшие местную традицию домостроения, восходящую к более раннему комплексному, хозяйственно-жилому типу [Лопатин, 1992. С. 72]. Они появляются именно на финале бронзового века, как результат эволюции по линии совершенствования внутренних интерьеров и теплотехнических конструкций, а также выведения за пределы жилого пространства некоторых производственных операций (обработка шкур и кож, металлообработка, гончарство и др.). В этой же группе известных построек финальной бронзы находятся жилище Сусканского поселения, исследованного в Среднем Поволжье [Мерперт, 1958. С. 116, рис. 13], и полуземлянка из заволжского Осинов-Гая [Синицын, 1958].

На полу постройки в Мартышкино были обнаружены костяные рукояти и бронзовые шилья (рис. 7, 1, 2, 6, 9, 10). Для уточнения датировок эти предметы малоинформативны, поскольку они бытовали весьма широко и на предыдущем этапе развитой срубной культуры. Отражая прижизненную специализацию умерших, они встречаются в погребальных комплексах этого времени. Весьма показательны в данном контексте материалы захоронений из кургана «Ртищево I» [Тупалов, 2008. С. 43, 45, рис. 2, 3, 4, 4], где зафиксированы инструменты в собранном состоянии – шилья, вставленные в костяные рукояти. Так же транскультурны отнесенные к данному хроносрезу каменные пестики, выявленные в Мартышкино (рис. 7, 12, 14), а фрагмент глиняной литейной формы (рис. 7, 15), предназначенный для отливки косаря, слишком малоинформативен.

Более достоверно можно соотнести с финальным этапом костяной наконечник стрелы (рис. 7, 4), который был найден в культурном слое и ни с одним из строительных комплексов в Мартышкино не связан. У него удлиненное листовидное перо ромбического сечения и характерный, затесанный под лопаточку черешок. Очень близкий по форме и конструктивным особенностям наконечник был обнаружен на поселении Смеловка I [Памятники срубной культуры..., 1993. С. 181, табл. 51, 14], где также имеются керамические артефакты федоровско-бишкульского типа. Смеловский наконечник анало-

гичен типологическим разрядам изделий раннего этапа богуславско-белозерских древностей, выделенного В.А. Ромашко [Малов, 2013. С. 108].

Думается, что в местных предшествующих арсеналах стрелкового вооружения генетических корней таких стрел быть не может. Они были транслированы в Поволжье из восточного андроновского ареала именно на финальном этапе бронзового века. Но в барабинской лесостепи абсолютно достоверные прообразы этих наконечников появляются еще в курганных могильниках кротовской культуры (Сопка 2), как стрелковое вооружение такие костяные стрелы здесь применялись наряду с каменными [Молодин, 1985. С. 48, рис. 21]. В дальнейшем, с незначительными изменениями конструкции, такие наконечники бытуют в Южной Сибири вплоть до ирменского времени [там же. С. 128, рис. 65, 1], встречаются даже в карасукских комплексах [Троицкая, 1974. С. 35, рис. 1, 17], но в Поволжье, скорее всего, они могли впервые попасть только с федоровской диффузией.

В комплексах поздней и финальной бронзы лесостепного Приуралья и Средней Волги встречаются подобные конструкции наконечников, но их морфология значительно переработана. В частности, на поселении Григорьевка I есть костяная стрела с удлиненным листовидным пером ромбического сечения, но ее плоско затесанный черешок, по сравнению с нашими экземплярами, слишком короток [Колев, 2008. С. 240, табл. 10, 4]. Почти аналогичный наконечник обнаружен в Приуралье на I Береговском поселении [Горбунов, 1989. С. 36, рис. 7, 9], здесь ромбическое сечение придано не только перу стрелы, но и черешку, который еще короче, чем григорьевский.

Набор костяных изделий Береговского поселения, исследованного в лесостепном Приуралье, весьма интересен с точки зрения сопоставления некоторых типов вещей с теми, что встречены в Мартышкино. В нашем комплексе, отнесенном к финалу эпохи бронзы, есть орудия, предназначенные, вероятно, для мездрения сырых шкур, а также пошива кожаной одежды и обуви (рис. 7, 5, 11). Их особенность в том, что они изготовлены из трубчатых костей мелкого рогатого скота, с косо срезанными и заточенными лезвиями. Не исключено, что струги малых размеров применялись в обработке шкурок пушного зверя. Для нижеволжских памятников такие типы инструментов кожевенной обработки довольно нетипичны, здесь более традиционны тупики (рис. 7, 13), сработанные из нижних челюстей лошади и КРС, а также струги, изготовленные из лопаток крупных животных. В наборе I Береговского поселения есть такие же, как и в Мартышкино, небольшие стружки и проколки со скошенными лезвиями [там же. С. 36, рис. 7, 2, 3, 5]. Данное обстоятельство отчасти подтверждает предположения об определенных направлениях хозяйственно-культурных связей населения Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в конце бронзового века.

Комплекс керамики, связь которой в Мартышкино с постройкой №1 бесспорна, красноречиво свидетельствует о динамичных процессах нового витка культурогенеза в конце эпохи бронзы. Сосуды, зафиксированные *in situ* на приочажном участке, относятся к андронидному, так называемому федоровско-бишкульскому типу (рис. 2, 4-14). По технологии изготовления (цвет внешней поверхности, фактура на изломе, состав отощителей, характер обжига) эта керамика практически ничем не отличается от срубной, разве что некоторые наиболее выразительные фрагменты слегка подложены по внешней светло-коричневой поверхности. Они выдержаны в слабопрофилированных формах с вертикальными венчиками. Техника декора – мелкозубчатый штамп и овальные оттиски. Орнамент построен горизонтальными линиями, рядами косых оттисков, свисающими штрихованными треугольниками. Орнаментальные зоны разделены одиночными и парными каннелюрами. Прочие сосуды данной группы украшены горизонтальными рядами гребенчатых линий и полуовальных оттисков, рядами клиновидных отпечатков короткого штампа и многорядными прочерченными и гребенчатыми зигзагами. Это в основном банки, простые и биконические, лишь один сосуд, украшенный прочерченным многорядным зигзагом, имеет сложный высоковенчиковый профиль. Такие профилировки сосудов в литературе, применительно к андронидным типам, нередко называют «S-видными» (рис. 2, 6).

Подобная посуда часто отмечается при описании поволжских поселенческих комплексов с валиковой керамикой, которые относятся к финалу бронзового века. Сложилось устойчивое мнение о том, что федоровско-бишкульские элементы в керамике неизменно маркируют начало трансформации поздне-срубного комплекса и постепенное нарастание в нем доли сосудов с рельефной орнаментацией. Более того, в литературе представлены материалы (как поселенческие, так и погребальные), свидетельствующие о некоей скоротечной миграции федоровских племен в западном направлении через Поволжье и Подонье вплоть до Поднепровья [Мыськов, 1992. С. 95; Березанская, Гершкович, 1983. С. 100-110].

Федоровские материалы, зафиксированные на поволжских памятниках, довольно близки классическим образцам, хотя, учитывая разницу в технологических особенностях, их вряд ли уместно считать прямыми аналогами. Из ближайших к Мартышкино памятников, содержащих андронидные индикаторы, следует отметить поселение Смеловка I, где присутствует яркий комплекс федоровских (чернолощенные с ковровым орнаментом) и бишкульских сосудов с многорядными зигзагами [Памятники срубной культуры..., 1993. С. 181, табл. 51, 1, 2, 10]. Аналогичная ситуация наблюдается также на двух памятниках, расположенных южнее, в Волгоградской области, – на поселениях Ерзовка I [Дьяченко, 1992. С. 120, рис. 2, 1, 3, 5] и Сухая Мечетка II [Мысь-

ков, 1992. С. 88, рис. 1, 11]. Известна также компактная серия погребений с федоровскими чертами из Волго-Донского междуречья, где были исследованы могильники Котлубань, Первомайский и Петропавловка [там же. С. 94, рис. 4, 1–5].

В Саратовском правобережье примечательны материалы Варышаевского могильника (курганы №№2, 8, 11), где отмечены факты кремации и сосуды с андронидными признаками. На их основе высказаны предположения об активном взаимодействии в конце срубной эпохи разнокультурных компонентов федоровского, сусканского и позднесрубного типов [Лопатин, Четвериков, 2005. С. 51–65]. Здесь же отметим комплекс 4/2 из тогда же исследованного в Волгоградской области могильника «Недоступов», где зафиксированы правобочная скорченность и восточная ориентировка погребенных, а также два сосуда федоровского типа [Мыськов, Кияшко, Лапшин, 2006. С. 103, рис. 11].

Весьма показательным представляется тот факт, что срубно-хвалынские памятники с федоровско-бишкульскими элементами, достаточно широко представленные в нижневолжском правобережье и Волго-Донском междуречье, практически отсутствуют в степной глубинке между Волгой и Уралом. Движение андронидной диффузии наблюдается преимущественно в лесостепной зоне Поволжья и глубоко на юг, по всей волжской долине, которая также, очевидно, воспринималась восточными мигрантами в качестве вмещающего ландшафта. Это проникновение в позднесрубную среду вряд ли носило мирный характер. Местами на поселениях срубной культуры, где отмечена федоровско-бишкульская керамика, наблюдаются следы пожарищ. Особенно показателен в данном контексте сложно стратифицированный комплекс поселения «Белогорье», исследования которого начаты в Лысогорском районе Саратовской области на р. Карамыш [Касанкин, 1993]. Следы локальных прокалов грунта, углистые прослойки заметны также в комплексах финальной бронзы поселения Мартышкино.

Этот горизонт нашего памятника представлен также одним погребальным комплексом – детским захоронением, зафиксированным в 10 м южнее полуземляночной постройки №1 (рис. 2, 1В, 15, 16). В сигнальной публикации [Лопатин, 2003а. С. 210–213] было отмечено, что могила, углубленная в материк только на 5 см, тем не менее, достаточно четко выделялась в слое, как прямоугольная яма, ориентированная продольной осью по линии «север-юг». В ее центре расчищен скелет подростка, который погребен в скорченной позе «адорации» на правом боку, головой к югу, лицом к востоку. Перед лицевым отделом черепа, завалившись набок, лежал глиняный лепной сосуд, в котором помещались игральные альчики, а один лежал около стоп ребенка (рис. 2, 15).

Сосуд имеет довольно сложно профилированную форму: венчик отогнут наружу, максимальное расширение тулова с реберчатым оформлением приходится на середину общей высоты, дно плоское, слегка вогнутое (рис. 2, 16). Размеры сосуда можно определить, как средние: диаметр устья 13 см, наибольшее расширение тулова 13,4 см, диаметр днища 6 см, общая высота 11 см. Внешняя поверхность горшка темно-серого цвета, слегка подлощеная, на изломе его фактура имеет черный цвет, в примеси заметны песок и шамот. По всей поверхности от устья до днища сосуд орнаментирован зубчатым штампом (ячейки зубчиков удлинненно-прямоугольные). Вся композиция декора разграничена на горизонтальные зоны. Верхняя ограничительная линия проходит под краем устья, а парная разделительная – по максимальному расширению тулова. Между ними, на шейке и плечике, небрежно нанесены перемежающиеся, косо штрихованные треугольники, обращенные вершинами вверх и вниз. Под разделительной линией, ниже наибольшего расширения тулова, изображены косо свисающие треугольники, заштрихованные от вершин расходящимися линиями-лучами. На придонной поверхности тулова оттиснут ряд косых отрезков.

Этот погребальный комплекс необычен для нижневолжской поздней бронзы по целому ряду характерных признаков: южная ориентировка и правобочная скорченность погребенного, а также декор сосуда, явно демонстрирующий андронидное (федоровско-бишкульское) происхождение. Следует оговориться, что это ни в коем случае не абсолютный аналог, не импортная категория, но в известной степени следствие неких миграционных процессов. Погребальный обряд федоровской культуры на ее коренной территории (урало-казахстанские и барабинские степи и лесостепи, аридные области Средней Азии) весьма разнообразен, но в основном представлен кремацией. Сосуды федоровской классики характеризуются специфическими вазообразными формами (S-видные профили), черным лощением, «ковровыми» орнаментами. Ведущие сюжеты декора – меандры, косые штрихованные треугольники, свастики. Орнаменты бишкульского (бытового) компонента легко узнаваемы по стандартным многорядным зигзагам.

Для погребального обряда федоровской культуры Барабы характерны как сожжения, так и ингумация, причем, детские погребения, для которых, как правило, устраивались отдельные могильники, чаще всего содержали скелетные остатки. Кроме того, им часто присущи юго-западные ориентировки и скорченное положение на правом или левом боку. Для детских комплексов здесь типично сочетание глиняного горшка и игральных альчиков [Молодин, 1985. С. 110–111]. Примечательно, что на следующем этапе поздней бронзы Южной Сибири погребения ирменской культуры в подавляю-

шем большинстве ориентированы строго на юг, в скорченной правобочной позе.

В керамическом комплексе барабинских федоровцев нет ничего абсолютно похожего на сосуд из Мартышкино, их в чем-то сближают только общие принципы построения декора. Лишь в материалах могильника «Путиловская Заимка II» в степном Урало-Казахстанском регионе имеется своеобразная серия позднефедоровских сосудов, отчасти близких нашей находке. Их формы и орнаменты далеки от классического стиля, они асимметричны, декор выполнен небрежно, налицо признаки деградации канона [Зданович, 1988. С. 98, рис. 40]. Похожая техника орнаментации отмечена также на двух сосудах из могильника «Куропаткино II», который исследован на территории Урало-Иртышского междуречья [Бухонина, 1984. С. 50, рис. 2, 8, 9]. Оттиски штампа здесь точно так же нанесены небрежно, ячейки зубчиков удлиненные, в отличие от мелкозубчатых штампов типично федоровских ковровых орнаментов.

Практически все исследователи, занимающиеся проблемами финальной бронзы Юго-Восточной Европы, отмечают заметную диспропорцию в имеющихся вещественных источниках между материалами поселений и весьма редких захоронений этого времени. Причина данной ситуации традиционно объяснялась некой умозрительной установкой на объективную эволюцию срубной погребальной обрядности и постепенного перехода от подкурганых погребений к устройству малозаметных и потому редких грунтовых могильников, а также заменой скорченных поз вытянутыми положениями скелетов [Лесков, 1975. С. 19–20; Отрощенко, 1978. С. 85]. По мере выявления в Поволжье все большего числа грунтовых могильников данная точка зрения не получила подтверждения, поскольку это были довольно ранние памятники, относившиеся не только к срубной культуре эпохи поздней бронзы [Колев, Седова, 1987; Тихонов, 1996; Дремов, 1996; Баринев, 1996; Лопатин, 2010; Колев, 2003], но также к катакомбной культуре и даже ямно-катакомбному времени.

Разумеется, изменения в погребальной обрядности к концу эпохи бронзы все же имели место, но, по всей видимости, теперь они проявлялись не в формах фиксации тел умерших предков, а в принципах идеологического порядка. Изменилась парадигма перехода из мира живых в мир мертвых. Наряду с ингумацией практиковались различные способы кремирования, выставления на поверхность земли, деревья и специальные помосты, сокрытие в водах. В результате значительная часть «уходящих» вещественно не фиксировалась.

Незначительная выборка погребений финального времени эпохи бронзы диагностируется специфическими признаками обрядности и инвентаря. Для «ивановской» культуры Среднего Поволжья и сопредельных территорий

Ю.И. Колев называет такие индикаторы, как правобочная скорченность, ориентировки в южные и юго-восточные сектора, керамика с валиковыми налестками, кубки на поддонах, сосуды с андроновскими чертами и некоторые категории металлических предметов, в особенности ножи с кольцевидными упорами [Колев, 2008. С. 212].

Некоторые признаки, указанные для «ивановских» памятников, которые идентичны хвальнской культуре валиковой керамики (ХКВК по Н.М. Малову) и очень близки восточным алексеевско-саргаринским материалам, типичны и для нижневолжских комплексов [Малов, 2011]. Наше детское захоронение имеет южную ориентировку и правобочную скорченность, а также сосуд с федоровскими чертами. К финалу существования селища Смеловка I относится погребение №5, где скелет ребенка лежал в скорченном положении на правом боку, черепом ориентирован на ЮВВ [Малов, 2013. С. 109-111, рис. 4, 4]. Не так давно, в Саратовской области, открыты новые погребения этого культурно-хронологического пласта в близко расположенных грунтовых могильниках на «Петровском Городке» [Тугушев, 2009. С. 102-104, рис. 9-12] и у с. Сабуровка [Мальшев, 2008. С. 30-31, рис. 3-4]. Представляется, что эти два чрезвычайно интересных памятника не вполне одновременны, поскольку среди названных признаков в Сабуровке не совпадает такой показатель, как ориентировка скелетов, здесь она северо-восточная. Наблюдаются также различия в типах керамики и, кроме того, в сабуровском погребении 2 имеется железное колечко [там же. С. 31, рис. 4, 2]. Поэтому не исключено, что здесь показан наиболее поздний горизонт финала бронзового века, а возможно и рубеж двух эпох.

Представляется, что влияние федоровской культурной традиции на поволжские племена эпохи поздней бронзы и, прежде всего, срубные в большей степени было опосредованным, искаженным многоэтапной диффузионностью, а прямые миграции могли не иметь тотального характера. Результатом этого культурного движения и сложных миксаций стало образование на территориях срубно-андроновского мира ареалов валиковых культур, а также разнообразных гибридных дериватов, в которых следы межкультурных поликомпонентных контактов особенно хорошо заметны. Таковыми представляются памятники сусканского типа, бегазы-дандыбаевской, приказанской, черкаскульской культур.

Детское захоронение на поселении в урочище Мартышкино не случайно обнаружено в непосредственной близости от жилища с характерной керамикой, в которой, как и на сосуде из погребения, заметны федоровско-бишкульские черты. Эти материалы близки керамическим сериям с андронидными чертами из Ивановки, Смеловки, Ерзовки, Сухой Мечетки и сусканских памятников Среднего Поволжья. В комплексе эти объекты красноре-

чиво представляют культурно-хронологический пласт, открывающий время ХКВК в Нижнем Поволжье.

Степень контактности между родственными племенами Среднего и Нижнего Поволжья в период завершения эпохи бронзы, вероятно, была очень высокой. Не исключено, что эти спонтанные взаимодействия стимулировались консолидирующим андроновским фактором. В Мартышкино это косвенно подтверждается наличием компактной серии сусканской и атабаевско-межовской керамики (рис. 6, 1–6). В культурных отложениях они не выделяются стратиграфически, но, скорее всего, синхронны именно материалам ивановского (или срубно-хвалынской стадии ПБВЗ.1 по Н.М. Малову) периода формирования ХКВК (Малов, 2011).

В блоке сусканских сосудов выделяются экземпляры сложных профилей, в том числе с заууженными (стянутыми) устьями и приостренными венчиками, украшенные косо-штрихованными лентами (рис. 6, 1, 6). К этой же сусканской группе отнесены баночные формы, орнаментированные штрихованными треугольниками и горизонтальными рядами наколов (рис. 6, 2, 3). Атабаевско-межовскую группу керамики в нашей коллекции представляют горшковидные сосуды с характерными утолщениями на внешней стороне венчиков (рис. 6, 4, 5), которые на коренной территории распространения данного типа именуется «воротничковыми» [Колев, 1999. С. 267, рис. 9, 8, 13, 16, 20, 21].

Не исключено, что в Нижнем Поволжье наиболее достоверные поздне-срубные комплексы, как поселенческие, так и курганные, могут диагностироваться не только федоровскими, но и сусканскими элементами. В данном контексте особенный интерес представляют материалы некоторых погребений Варыпаевского курганного могильника, исследованного в Аткарском районе Саратовской области [Лопатин, Четвериков, 2005]. В частности, в кургане №2 отмечены заметные андроновидные черты в орнаментации сосудов, единственное погребение кургана №8 совершено по обряду кремации, но содержало типично срубную «банку», а самый яркий курган №11, как и предыдущие сооруженный на поздне-срубном этапе, содержал сосуды с выраженными сусканскими признаками. Несомненно, в 11 кургане Варыпаевки фиксируются некоторые особенности сложных культурно-генетических процессов в среде скотоводческих племен Нижнего Поволжья в конце эпохи бронзы. Во внешнем облике сосудов, обнаруженных в этом кургане, соединились признаки срубного формообразования и декора, но также сусканской технологии гончарства и некоторые элементы орнаментации, например, косоштрихованные полосы [там же. С. 65, рис. 4, 9].

Вероятно, на данном этапе развития срубной культуры в погребальной обрядности, инвентаре и керамике прямо или косвенно отражались явления

активной межкультурной интеграции степных и лесостепных групп населения, которые могли проявляться в виде обмена, межплеменных браков и даже мозаичного проживания на одной территории. Время указанных процессов можно примерно определить, как XIV – начало XIII вв. до н. э. Смешанные комплексы сусканского и атабаевско-межовского типов, предметно обоснованные для средневолжского региона, проникают в южную лесостепь и нижневолжскую долину, вероятно, одновременно с федоровско-бишкульскими элементами. Такое разнообразие культурных проявлений, поначалу завуалированное общим поздне-срубным фоном, уже означало переход к реальной перегруппировке населения и постепенное размывание прежних культурных стандартов, что объективно подготавливало здесь пространство для утверждения новых культур финала бронзового века.

Раскопками 2002 года в Мартышкино был впервые выявлен строительный горизонт, соответствующий ХКВК (рис. 3, 1А). До этого момента все керамические материалы с рельефной орнаментацией фиксировались в дозолотоордынских отложениях в микшированном состоянии с прочими артефактами, преимущественно эпох средней и поздней бронзы. В центральной части раскопа, в 4 м севернее федоровско-бишкульской постройки №1, выявлена ситуация прямой стратиграфии, где постройка хвалынского времени перекрывала более ранний котлован жилища, возникшего в Мартышкино на поздне-срубном этапе. Сложность фиксации заключалась в том, что полуземляночные котлованы были очень незначительно углублены в материковый грунт, их стенки местами теряют непрерывность контура, поэтому параметры определялись приблизительно. В соответствии с этим можно отметить, что более ранняя срубная постройка №3 имела, по сравнению с хвалынской, заметно большую ширину, около 6 м, исследованная протяженность по продольной оси около 4 м (западная часть постройки «уходит» под борт раскопа, предположительно она должна быть вырублена в меловой скальной осыпи).

Хвалынской постройкой №4 перекрыта южная часть исследованного участка, причем, пол позднего жилища не достигает основания раннего котлована. Это хорошо заметно в стратиграфической бровке, где зафиксирован незначительно углубленный в материк пол срубной постройки со следами пожарища в виде углистых прослоев, «висящий» над ним уровень хвалынского жилища, поздние ямы-мусоросборники, открытые в золотоордынское время (рис. 3, 1Б). Исследованная протяженность этого жилища по продольной оси составляет 6 м, ширина – 4 м.

На соответствующих уровнях эти относительно разновременные комплексы маркированы керамическими артефактами. На полу ранней постройки и в яме, частично перекрытой массивами прокаленного грунта (рис. 3, 2), обнаружена керамика поздне-срубного типа (рис. 3, 3–10). Некото-

рые фрагменты, особенно реберчатых сосудов (рис. 3, 4, 6, 7), практически ничем не отличаются от близких форм развитого срубного типа. Но прочие, например, горшковидные сосуды с приостренными профилями закраин (рис. 3, 9, 10) вполне соответствуют отмеченным тенденциям изменчивости и трансформации срубной керамики на завершающем этапе развития культуры. Отметим также небрежность орнаментации в этой выборке – хаотичные линии, нанесенные прочерчиванием (рис. 3, 5–7). Лишь один сосуд украшен бордюром из косо штрихованных ромбов (рис. 3, 10). Большая часть керамики этого горизонта вообще не орнаментирована.

Уровень хвалынского сооружения отмечен горизонтальным залеганием фрагментов валиковой керамики и даже тремя неполными развалами сосудов, расчищенными около участка мощного прокала грунта, оставшегося от пожара в срубном доме (рис. 3, 11). Это сосуды ивановского типа, с несложными закрытыми профилями и приостренными закраинами (рис. 3, 12, 13, 19). Два из них имели по одному налепному валику с разомкнутыми и свисающими окончаниями, на одном налеп отслоился, но заметен ленточный след. Третий – украшен двумя валиками, из них верхний под краем устья – сплошной, а нижний – с разомкнутыми концами, которые резко отогнуты вниз под острым углом (рис. 3, 19).

Керамика с рельефной (валиково-воротничковой) орнаментацией представлена в Мартышкино довольно основательно, все указывает на относительно продолжительное время обитания здесь хвалынского населения. Эта керамика весьма вариативна. Серия венчиков, оснащенных только валиками, которые размещаются на слабовогнутых шейках (рис. 3, 12–20), характеризует срубно-хвалынский комплекс. Орнаментировались преимущественно валики. Декор прост: косые оттиски коротких штампов, зубчатых или гладких, каплевидные и линзовидные насечки. Указанные элементы построены в виде горизонтальных рядов, зигзагов, однорядных «елочек», решеток. Гораздо реже орнамент дополнительно наносился на гладкую поверхность сосуда, но и в данном случае этот фриз дублировал декор валика (рис. 3, 16).

Другая группа сосудов, очевидно синхронная первой, оснащалась воротничками, которые также покрывались орнаментом (рис. 5). Общая тенденция, наблюдаемая в этой серии, – стремление к зауживанию устьевой части сосуда и приострению краевого обреза. В отличие от них, закраины валиковых экземпляров просто округлены, иногда уплощены. Формы воротничков разнообразны: с уплощенной, выпуклой, или вогнутой внешней поверхностью, наиболее оригинальны профили «клювовидных» воротничков (рис. 5, 7, 13). Декор в этой группе намного богаче и разнообразнее. Чаще всего украшен либо сам воротничок, либо часть плеча непосредственно под воротничком. В единичных случаях орнамент покрывает обе зоны (рис. 5, 7, 12).

Как правило, сюжеты декора в этой группе сосудов такие же простые (горизонтальные ряды коротких косо расположенных оттисков штампа, «елочки» и решетки). Но некоторые орнаменты выдержаны в архаических традициях, это свисающие штрихованные треугольники, чаще косые, в чем-то близкие андронидным вариантам (рис. 5, 1–3). Примечательно, что такие орнаменты наносились на гладкую внешнюю поверхность, а сам воротничок не украшался.

В третьей группе сосудов с рельефной орнаментацией представлены экземпляры, где валики сочетаются с воротничками (рис. 4). Здесь валики часто размещаются не на шейке, как в первой группе, а на плечике. Они очень скромно орнаментированы, исключительно косыми отрезками и решетками, врезными или гребенчатыми. Воротнички самые разнообразные, с уплощенной, выпуклой или вогнутой внешней поверхностью. Обычно они сформованы на слабо отогнутых наружу венцах с плоскими, округленными или приостренными закраинами устья. Орнамент может размещаться только на валике, на валике и воротничке, на валике и гладкой поверхности. Особенно в данном контексте заметен фрагмент сосуда, у которого воротничок не орнаментирован, но под ним на линии шейки нанесен ряд косых линзовидных насечек, валик украшен решеткой в зубчатой технике, а ниже, на гладкой поверхности прочерчены штрихованные треугольники (рис. 4, 5). Удивительно, что здесь объединены не только различные сюжеты орнамента, но и разная техника его исполнения.

Как признак времени, валиково-воротничковые материалы Мартышкино вполне органично вписываются в интересующий нас блок артефактов эпохи поздней бронзы. Совершенно очевидно, что данный горизонт нашего поселения относится к кругу известных в Нижнем Поволжье комплексов Танавского и Алексеевского городищ, поселений Ивановка, Смеловка I, Ерзовка I, Сухая Мечетка II [Орехов, 1916. С. 39–59; Изотова, Малов, 1992. С. 96–115; Изотова, Малов, Слонов, 1993; Дьяченко, 1992. С. 122; Памятники срубной культуры., 1993. С. 181, табл. 51; Мыськов, 1992. С. 88; Юдин, 2001. С. 26–27, 32–36; Малов, 2013. С. 102–117]. Нельзя не отметить также определенную близость хвалыньских материалов алексеевским и саргаринским комплексам степного и лесостепного Зауралья [Кривцова-Гракова, 1948; Зданович, 1984. С. 79–96]. В рамках выделенной Е.Н. Черных Евразийской общности культур валиковой керамики [Черных, 1983. С. 82–87] хвалыньская культура Поволжья и алексеевско-саргаринские памятники андроновского ареала представляются явлением единого, возможно, весьма близкого в этническом отношении порядка, которое вызревает в недрах, предшествующих срубной и андроновской культур. Эти комплексы гораздо ближе друг другу, нежели всем прочим культурам восточной зоны КВК.

Они весьма реально демонстрируют хозяйственно-культурное и, по-видимому, политическое единство скотоводческих племен, которые контролировали крупнейшие речные артерии (Волга, Урал, Тобол, Ишим), богатейшие пастбища северных степей и стратегические меднорудные источники Евразийской металлургической провинции. Валиковые материалы в бегазы-дандыбаевской культуре Центрального Казахстана [Маргулан, 1970.] – это, скорее всего, южные дериваты, возникшие как результат взаимодействия северных скотоводов с племенами аридной зоны среднеазиатских полупустынь.

Период угасания ХКВК в Мартышкино иллюстрируется небольшим блоком материалов, выявленных преимущественно в микшированном состоянии культурных отложений. Но установлено, что типичная для этой фазы керамика может быть связана планиграфически с остатками постройки №2, которые зафиксированы в южной части раскопа, на одной прибрежной линии с вышеуказанными строительными комплексами финальной бронзы. Сохранившаяся задняя часть полуземляночного котлована имела ширину примерно 3,5 м (рис. 6, 7). По продольной оси уцелело совсем небольшое пространство жилища, всего около 1,5 м, где в материковый грунт котлован углублен на 0,2 м. Здесь выявлены несколько столбовых ямок, в которых когда-то стояли деревянные опоры кровли. Остатки такого углового столба, упавшего по линии «СВ-ЮЗ», зафиксированы в виде цепочки фрагментов и древесного тлена с признаками обугливания. Достоверно, что основу конструкции составлял контурный обвод столбовых опор, поддерживавших боковые маточные балки и стенной каркас.

На сохранившемся участке пола здесь обнаружены фрагменты сосудов позднехвалынского типа (рис. 6, 9–12, 14). Внешняя морфология этой керамики наглядно демонстрирует трансформацию валиково-воротничкового комплекса. Воротнички становятся аморфно-утолщенными, валики либо совсем отсутствуют, либо это гладкие невыразительные налепы, более близкие среднеазиатским (дандыбаевским) аналогам (рис. 6, 11).

Здесь же, около постройки №2 и в культурных отложениях близкого пространства обнаружены фрагменты керамики грубых замесов и неровного обжига, имеющие характерные признаки так называемого «нурского» типа – глубокие вдавления-жемчужины, пальцевые защипы и оттиски (рис. 6, 8, 13, 15). В Центральном Казахстане очень близкие аналоги этому комплексу имеются в материалах бегазы-дандыбаевской культуры.

Собственное содержание бегазинских и дандыбаевских комплексов представляется совершенно инокультурным явлением, динамика которого начинает ощущаться в степном Волго-Уральском междуречье синхронно с формированием памятников срубно-хвалынского типа в поволжской лесостепи. Внешние признаки этой южной экспансии не слишком конкретны в

силу того, что носители аридных культур были более подвижны и оставляли маловыразительные временные сезонные стойбища, преимущественно на дюнных кочевьях, где можно обнаружить характерную, очень грубую керамику с глубокими вдавлениями-жемчужинами. Первые контакты пришельцы устанавливали еще с поздне-срубными племенами сухостепной зоны, и уже тогда здесь формировались смешанные комплексы, очевидно синхронные сусканским и срубно-хвалынским. Наиболее полно эти явления отразились в материалах глубинно-степных поселений Резвое и Озинки I [Памятники срубной культуры., 1993. С. 168–169, табл. 38, 39; с. 192, табл. 62, 1–19].

На коренную территорию хвалынских племен аридная диффузия начинается проникать уже после исчезновения последних срубных памятников, на стадии ПБВ 3.2. ХКВК [Малов, 2013. С. 112–114]. Это особенно заметно на нижневолжских памятниках типа Ерзовки [Дьяченко, 1992. С. 124, рис. 4]. В Мартышкино, эти контакты отразились на облике небольшой, но весьма красноречивой коллекции керамики, в которой присутствуют сосуды, типичные для аридных культур (рис. 6, 8, 13, 15).

В это время в Среднем Поволжье формировались синкретичные атабаевско-межовские слои, перекрывавшие срубные и сусканские материалы, а на дюнах, вероятно, уже появлялись первые сезонные стойбища с нурской керамикой [Качалова, 1989], и это означало не только очередную культурно-историческую трансформацию, но и завершение всей великой эпохи бронзы.

Эпоха поздней бронзы и грядущая ей на смену эпоха раннего железа резко различны по своему содержанию. По данным археологии эти отличия очевидны в погребальной обрядности, в составе инвентаря и керамического комплекса. В это время кардинально изменяются хозяйственные системы, образ жизни, бытовые условия степного населения. Основная суть этих перемен заключается в переходе к кочевому скотоводству, к становлению новой (номадической) схемы палеоэкономики, начало которого было заложено именно в период финала эпохи бронзы. Переходный характер заметен в материальных комплексах этого времени, культуры отмечены чертами обеих смежных эпох. Шлейф предыдущего бронзового века ощутим в признаках еще оседлого быта, в традициях жизни на поселениях, в архитектуре построек, типах керамики и орудий труда. Но вместе с тем количество поселений уменьшается, упрощаются конструкции жилищ, изменяется состав стада, свидетельствующий о росте подвижности выпаса, детали конской упряжи указывают на распространение верховой езды. О реальных изменениях в области идеологии косвенно свидетельствует сложно диагностируемый, завуалированный погребальный обряд. Диспропорция между поселенческими и погребальными памятниками этого времени колоссальна.

Вероятно, одним из перспективных направлений новых исследований памятников финальной бронзы степной Евразии должно стать выявление крупного блока культур, которые максимально полно соответствуют своей эпохе, иллюстрируют динамику генезиса, эволюции и дальнейшей трансформации. Валиковые комплексы – не единственный критерий этого времени и связанных с ним процессов.

Материалы поселения Мартышкино, представленные относительно небольшой коллекцией, вызывают пристальный интерес, поскольку они иллюстрируют практически полную диахронию поздней и финальной бронзы в Нижнем Поволжье на примере одного комплекса. Такие памятники редки, и, заметим, что это поселение исследовано еще далеко не полностью, а, значит, наши представления о стратиграфии и микрохронологии изучаемого периода в дальнейшем могут быть расширены.

Срубно-хвалынская стадия, при широком охвате материала, окрашена сложными и яркими процессами нового витка культуругенеза. В Урало-Поволжской лесостепи в этот период фиксируются прямые миграции, сопровождающиеся трансляцией федоровских и черкаскульско-межовских культурных элементов, складываются оригинальные субкультурные образования сусканского и атабаевско-межовского типов. Южнее, в сухостепной зоне наблюдаются аналогичные явления, где в большей степени выражен федоровско-бишкульский компонент. Здесь миграционные процессы были скоротечнее, они мало повлияли на этнокультурный фон и фиксируются в виде немногочисленных погребальных комплексов с керамикой федоровского типа, а также смешанных слоев на поселениях, где встречаются фрагменты андронидной посуды.

Этот период угасания срубной культуры следует рассматривать на рубеже эпох поздней – финальной бронзы и относить все события перемен, произошедшие на ранней срубно-хвалынской фазе, примерно к второй половине XIV в. до н. э. В Мартышкино это время представлено материалами позднесрубной постройки №4, где обнаружена типичная керамика позднего комплекса. Сюжет реальной экспансии с востока проиллюстрирован признаками пожарища и появлением постройки №1 с керамикой федоровско-бишкульского типа, а также детским погребением, где найден сосуд с федоровскими чертами.

На первой срубно-хвалынской (ивановской) стадии ХКВК, которая вырастает из поздне-срубного времени, широко распространяются комплексы посуды с рельефной орнаментацией. Часть сосудов украшена валиками, которые размещаются на линии шейки, под уплощенными или округленными закраинами венчиков, на других округлобоких формах присутствуют воротнички, края венчиков приострены, орнаменты предельно лаконичны. Отдельные ре-

минисценции более сложного декора предшествующей эпохи выдержаны в андронидных традициях и наносятся на гладкие поверхности ниже валиков и воротничков. В Мартышкино зафиксирована хвалынская постройка №3 с типичной валиковой керамикой, перекрывающая котлован позднерубной постройки №4. Согласно традиционной хронологии указанные процессы можно отнести к XIII–XII вв. до н. э. С учетом калиброванных датировок нижняя дата этого явления может оказаться и более древней. Например, для срубно-хвалынской стадии ПБВЗ получена одна радиоуглеродная калиброванная дата по древесному углю с селища Новая Покровка-I на р. Терешке: 3210 ± 80 л. т. н, 1531-1395 cal BC (1 σ), 1675–1301 cal BC (1 σ) [Малов, 2012]. В последние годы, вероятно под влиянием культурно-хронологической таблицы В.А. Дергачева и В.С. Бочкарева, нижеволжские срубно-хвалынские комплексы интерпретируют, как «смеловский тип памятников» [Лапшин, 2009].

Постепенно срубный керамический комплекс полностью сменяется хвалынским, наблюдается тенденция уменьшения количества мест обитания, они все чаще перемещаются на высокие, хорошо защищенные террасы больших рек. Бесспорно, что все эти драматические явления порубежной эпохи привели к исчезновению срубной культуры и быстрой нивелировке всех остаточных признаков. На второй стадии ХКВК фазы ПБВЗ отчетливо заметна тревожная ситуация, сложившаяся в Нижнем Поволжье, и связанная, очевидно, с новой внешней экспансией. В XII–XI вв. до н. э. поселения с керамикой, где на одном сосуде сочетаются валики и воротнички, теперь сосредоточены в труднодоступных правобережных районах, на высоких мысовых городищах. Источником внешней опасности, скорее всего, была открытая степь, где на сезонных донных стоянках от Самарской Луки до Северо-Западного Прикаспия встречается керамика, так называемого, «нурского» типа, столь близкая дандыбаевским, киммерийским, скифоидным и ранне-савроматским эталонам. Не исключено, что захоронения переходного (ранне-черногородовского) типа, встречающиеся в Нижнем Поволжье, были оставлены именно в это время. На террасе поселения Мартышкино в это время появляется постройка №2, где найдены фрагменты крупных сосудов с деградирующими воротничками, а в слое оставлены обломки керамики типично нурского облика. Таким образом, анализ материалов поселения Мартышкино наглядно показывает, что проблема культур финала бронзового века органично перерастает в проблему памятников киммерийского типа, открывающих на территории Нижнего Поволжья эпоху раннего железа.

Источники:

Касанкин Г.И. Исследования поселения «Белогорье» в Лысогорском районе Саратовской области в 1993 году // Архив ИАКН СГУ.

Лопатин В.А. Отчет об археологических исследованиях поселения «Мартышкино» в 1992 году. Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Отчет об археологических исследованиях поселения «Мартышкино» в 1993 году. Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Охранные исследования в Саратовском правобережье в 1994 году. Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Отчет об охранных археологических исследованиях поселения в урочище «Мартышкино» у с. Садовое Красноармейского района Саратовской области в 2002 году. Архив ИА РАН.

Лопатин В.А. Отчет об археологических раскопках кургана на р. Мокрая Песковатка и поселения в урочище «Мартышкино» в Саратовской области в 2005 году. Архив ИА РАН.

Литература:

Баринев Д.Г. Новые погребения эпохи средней бронзы в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Березанская С.С., Гершкович Я.А. Андроновские элементы в срубной культуре на Украине // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Березанская С.С. Усово Озеро. Поселение срубной культуры на Северском Донце. Киев, 1990.

Бухонина Т.А. Могильник эпохи бронзы Куропаткино II на р. Чаглинке // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.

Горбунов В.С. Поселенческие памятники бронзового века в лесостепном Приуралье. Куйбышев, 1989.

Дремов И.И. Грунтовые могильники эпохи средней бронзы Белогорское I, II // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Дьяченко А.Н. Поселение Ерзовка I и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: изд-во СГУ, 1992.

Зданович С.Я. Керамика саргаринской культуры // Бронзовый век Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1984.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск, 1988.

Изотова М.А., Малов Н.М. Хвалынская керамика эпохи поздней бронзы Танавского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: изд-во СГУ, 1992. Вып. 3.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Саратов: изд-во СГУ, 1993. Вып. 1.

Качалова Н.К. О заключительном периоде бронзового века на территории Нижнего Поволжья (к постановке проблемы) // СА, 1989. №1.

Колев Ю.И., Седова М.С. Грунтовые могильники срубной культуры на территории Куйбышевского Заволжья // Археологические исследования в Среднем Поволжье. Куйбышев, 1987.

Колев Ю.И. Керамические комплексы поселений позднего бронзового века в нижнем течении р. Сок // Вопросы археологии Поволжья. Самара, 1999.

Колев Ю.И. Грунтовый могильник срубной культуры Съезжее II (материалы раскопок) // Материальная культура населения бассейна реки Самара в бронзовом веке. Самара, 2003.

Колев Ю.И. Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Тр. ГИМ. М., 1948.

Лапшин А.С. Смеловский тип памятников // Археологическая энциклопедия Волгоградской области. Волгоград, 2009. С. 240.

Лесков А.М. Заключительный этап бронзового века на юге Украины. Автореф. дис. ... док. ист. наук. М., 1975.

Лопатин В.А. Постройки срубных поселений степного Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1992. Вып. 3.

Лопатин В.А. Новые материалы финальной бронзы с поселения в урочище Мартышкино // Краеведы и краеведение Поволжья в контексте общественного развития региона: история и современность. Материалы научно-практической конференции. Саратов: изд-во СГТПП, 2003а.

Лопатин В.А. Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище «Мартышкино» (материалы эпохи поздней бронзы) // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Саратов: изд-во «Научная книга», 2003б.

Лопатин В.А., Четвериков С.И. Курганная группа у с. Варыпаевка // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2005. Вып. 6.

Малов Н.М. Поздний бронзовый век Нижнего Поволжья, Волго-уральского и Волго-Донского междуречья: модель культурогенеза // Музей в региональном пространстве: презентация исторического наследия, культурная и общественная миссия. Саратов, 2011. С. 401–416.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Изв. СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 12. 2012. С. 95–100.

Малов Н.М. Хронология и периодизация позднего бронзового века Нижнего Поволжья: хвалынская культура валиковой керамики // Проблемы периодизации и хронологии в археологические эпохи раннего металла Восточной Европы: Материалы тематической научной конференции. СПб., 2013. С. 102–117.

Мальшиев А.Б. Исследования Сабуровского грунтового могильника в 2006–2007 гг. // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Маргулан А.Х. Бегазы-Дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата, 1970.

Мерперт Н.Я. Из древнейшей истории Среднего Поволжья // МИА, №61. Т. 2. М., 1958.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. Новосибирск, 1985.

Мыськов Е.П. Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: изд-во СГУ, 1992.

Мыськов Е.П., Кияшко А.В., Лапшин А.С. Исследование курганов в бассейне реки Медведицы // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград, 2006. Вып. 3.

Орехов В.Ф. Две раскопки на церковной земле села Ивановка Хвалынского уезда // Труды СУАК. Саратов, 1916. Вып. XXXIII.

Отроценко В.В. Могильники степного Поднепровья // Древние культуры Поволжья и Приуралья. Куйбышев, 1978.

Памятники срубной культуры. Волго-Уральское междуречье // САИ. Саратов: изд-во СГУ, 1993. Вып. В 1–10.

Пряхин А.Д., Саврасов А.С. Глиняные литейные формы с Мосоловского поселения металлургов-литейщиков // Поселения срубной общности. Воронеж, 1989.

Синицын И.В. Поселение Осинов-Гай в Заволжье // Древности Восточной Европы. М., 1958.

Тихонов В.В. Грунтовой могильник Калач в Саратовском Заволжье // Охрана и исследование памятников археологии Саратовской области в 1995 году. Саратов, 1996. Вып. 1.

Троицкая Т.Н. Карасукская эпоха в новосибирском Приобье // Бронзовый и железный век Сибири. Новосибирск, 1974.

Тугушев П.Е. Городище «Петровский городок» у села Усть-Курдюм Саратовского района Саратовской области: два аспекта исследования // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2009. Вып. 9.

Тупалов И.В. Курган эпохи бронзы у г. Ртищево // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008. Вып. 8.

Черных Е.Н. Проблема общности культур валиковой керамики в степях Евразии // Бронзовый век степной полосы Урало-Иртышского междуречья. Челябинск, 1983.

Юдин А.И. Алексеевское городище в г. Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2000 годах. Саратов, 2001. Вып. 4.

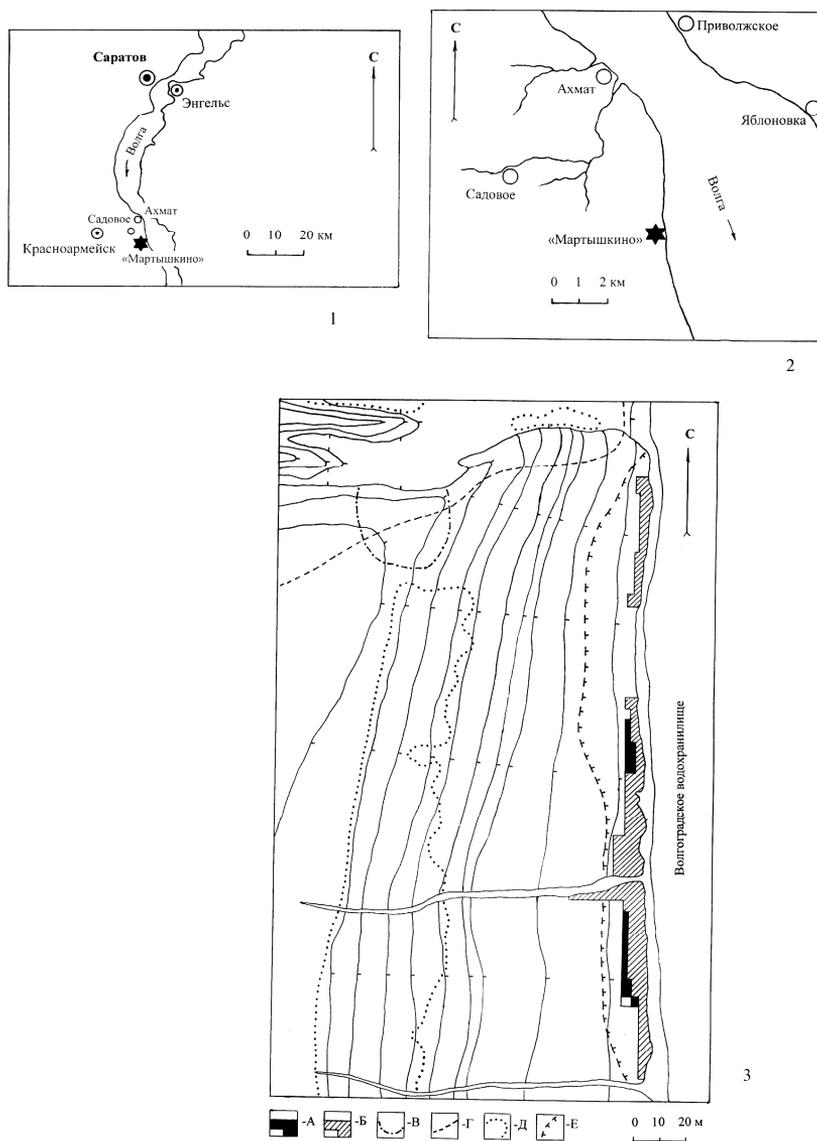

Рис. 1. Поселение «Мартышкино»: 1,2 – местонахождение поселения на картах Саратовской области и Красноармейского района; 3 – план памятника (А,Б – раскопы, В – территория грунтового средневекового могильника, Г – грунтовая дорога, Д – лесной массив, Е – граница поселения).

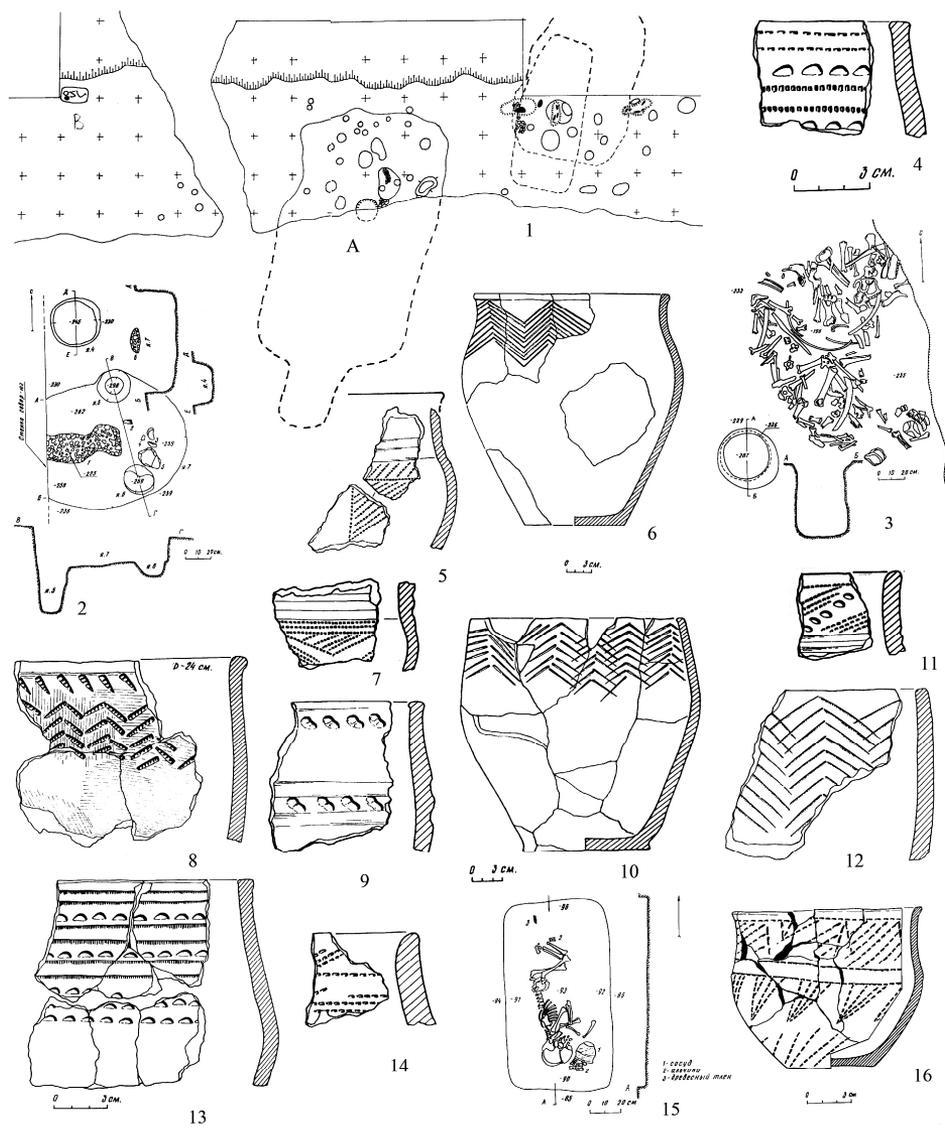

Рис. 2. Федоровско-бишкульские комплексы на поселении Мартышкино.

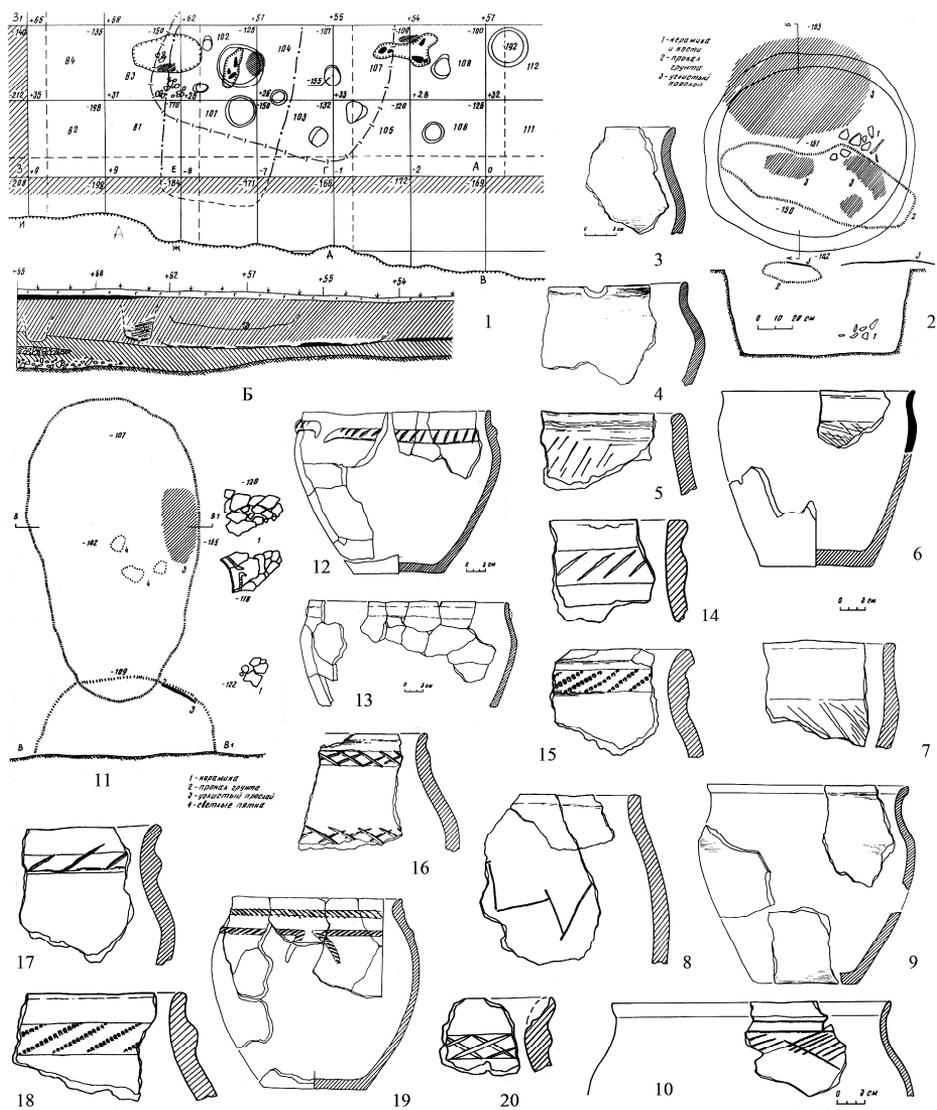

Рис. 3. Позднесрубные и хвалынские комплексы на поселении Мартышкино.

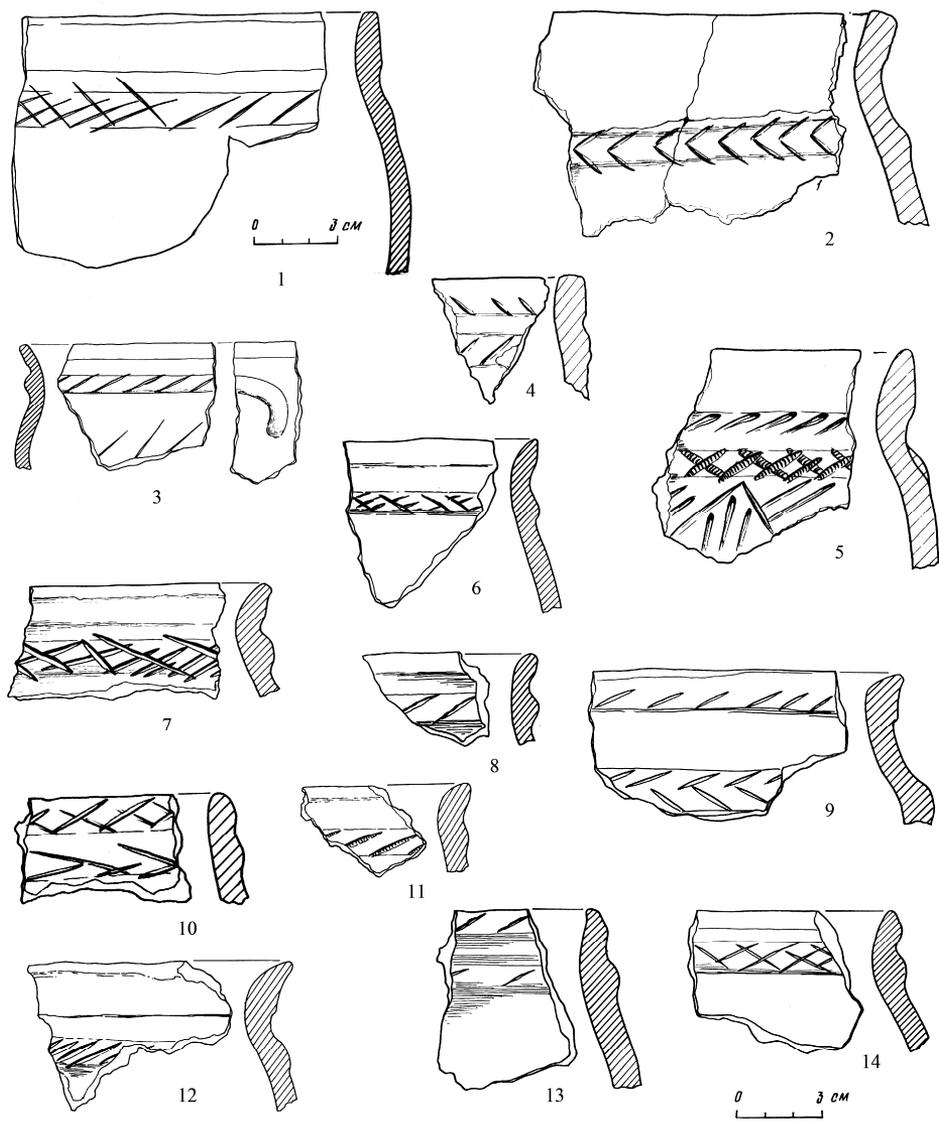

Рис. 4. Валиково-воротничковая керамика на поселении Мартышкино.

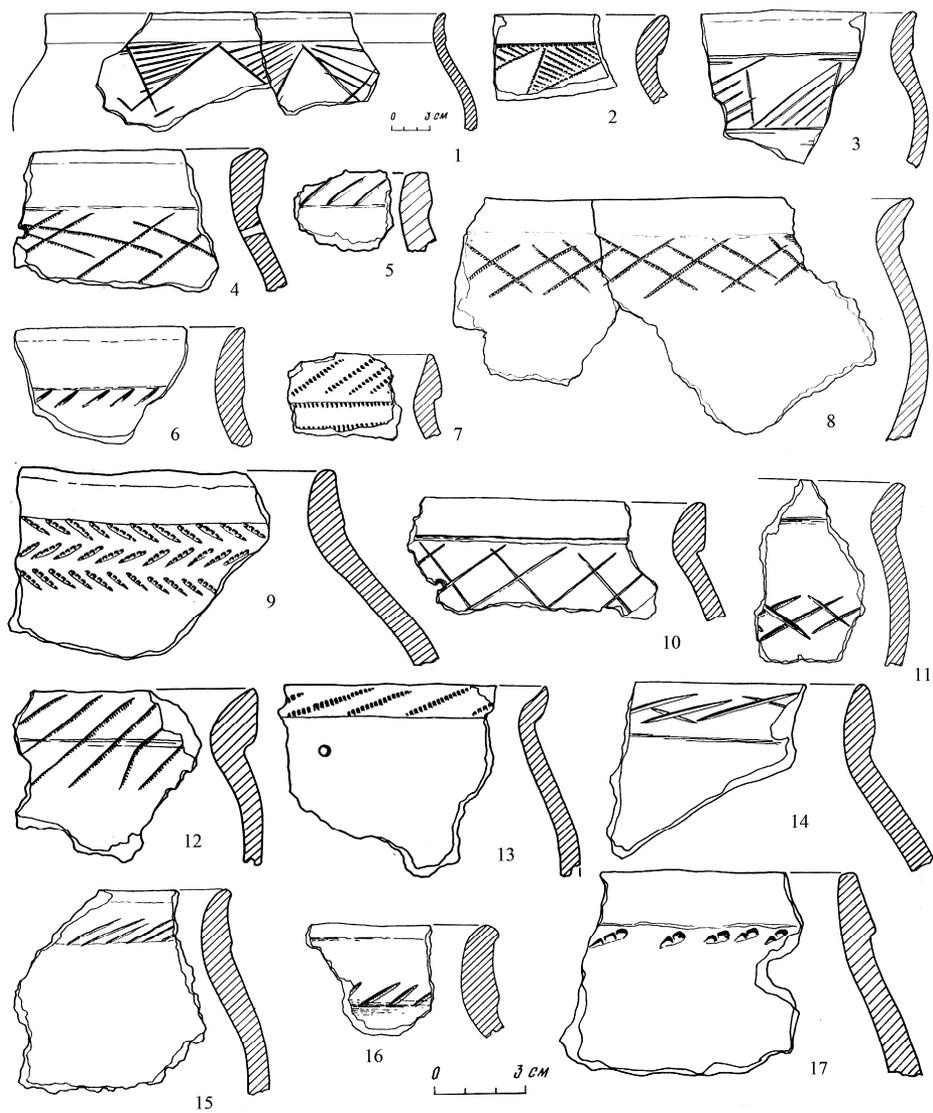

Рис. 5. Воротничковая керамика на поселении Мартышкино.

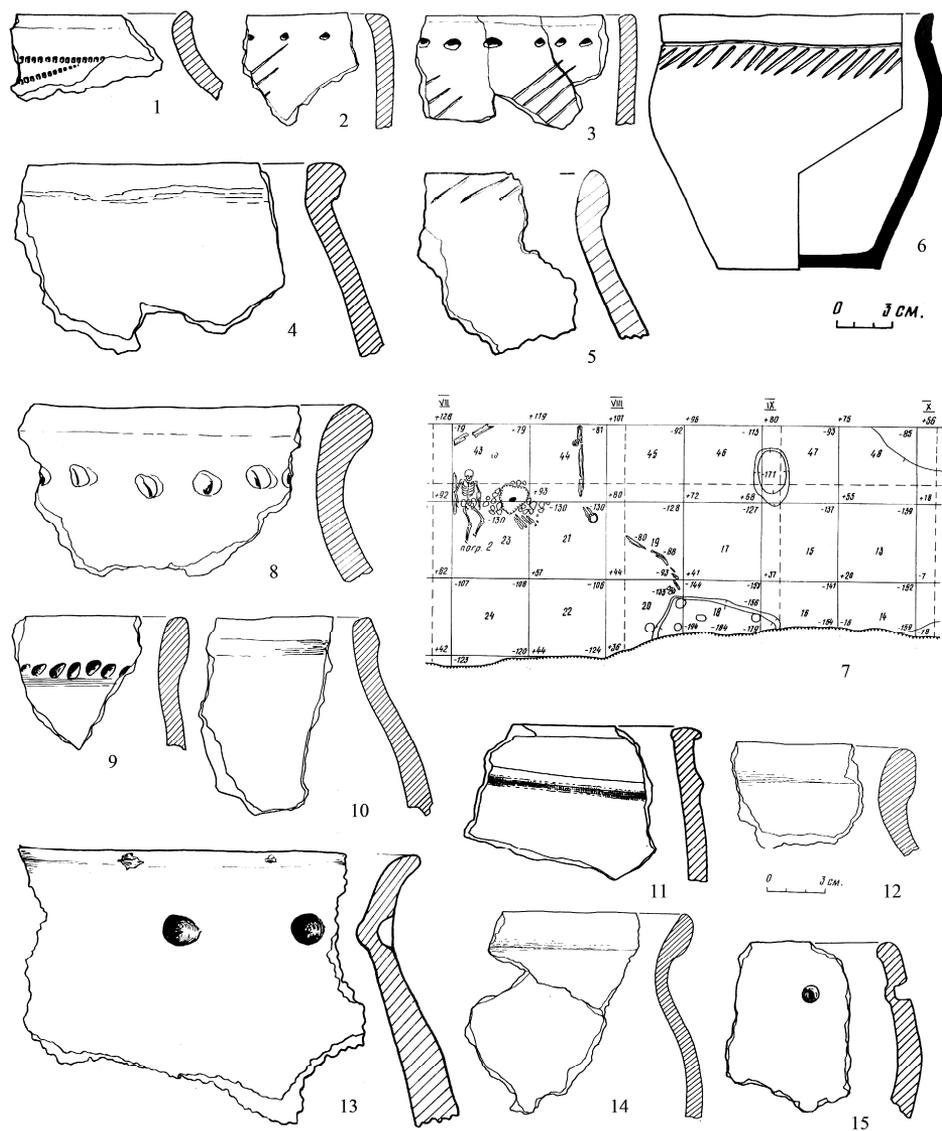

Рис. 6. Сусканские (1-3, 6), атабаевско-межовские (4, 5), позднихвалынские (7, 9-12, 14) и нурские (8, 13, 15) материалы на поселении Мартышкино.

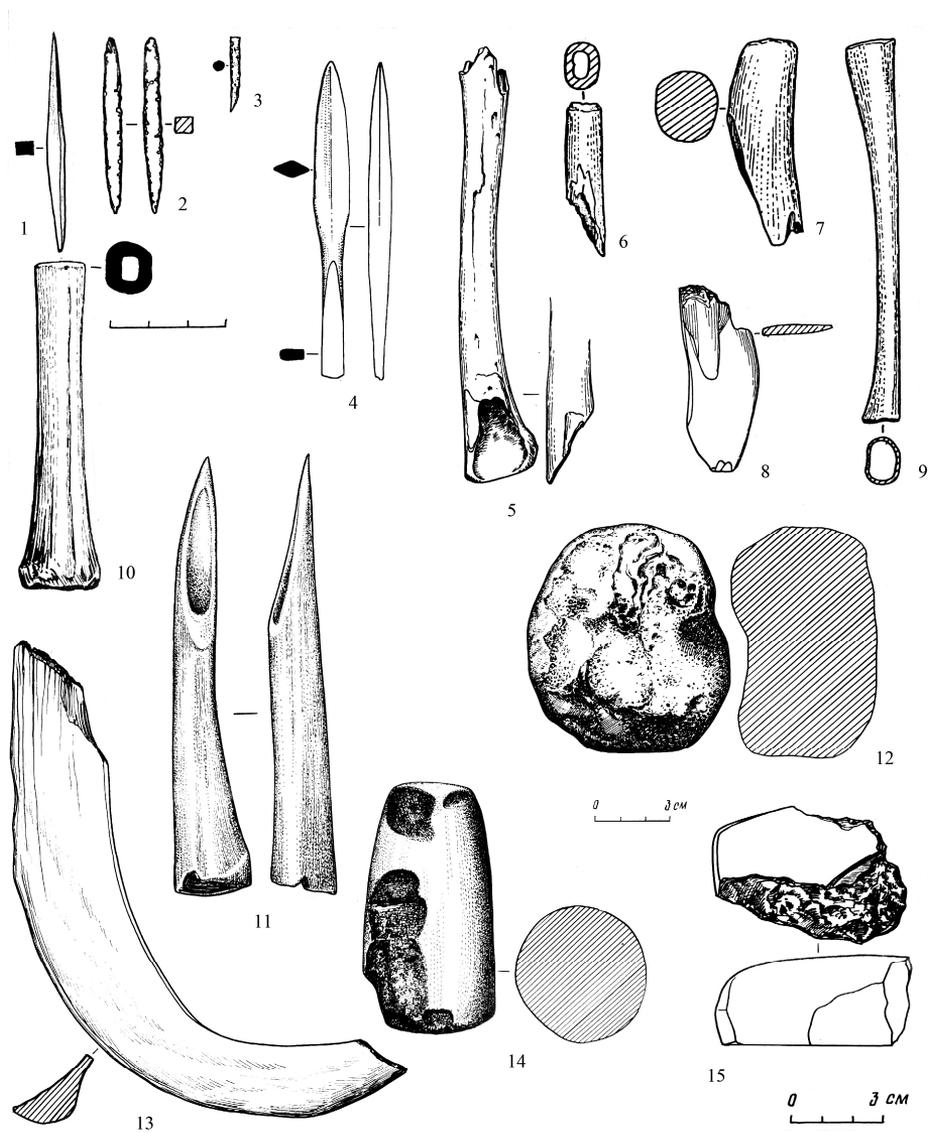

Рис. 7. Инвентарь финального периода эпохи бронзы на поселении Мартышкино.
1-3 - бронза; 7 - рог; 12, 14 - камень; остальное - кость.

Бочкарев В.С.

ПЕРИОДЫ РАЗВИТИЯ МЕТАЛЛОПРОИЗВОДСТВА ЭПОХИ ПОЗДНЕЙ БРОНЗЫ НА ЮГЕ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

Одной из актуальных проблем в изучении металлопроизводства эпохи поздней бронзы является хронология, особенно самый ранний и завершающий периоды развития технологий. Значительным вкладом в изучение этой проблемы на современном этапе стали разработки локальных хронологических схем для Волго-Уралья, Среднего и Нижнего Подонья, Северо-Западного Приазовья, Нижнего Поднепровья, Северного Причерноморья, Юго-Восточного Прикарпатья. Это позволило перейти к разработке межрегиональной хронологической системы. В эпоху поздней бронзы Волго-Уралье превратилось в мощный генератор новых культур, благодаря которому большая часть восточноевропейской степи и лесостепи оказалась втянута в общий культурно-генетический процесс, что позволяет рассматривать эпоху поздней бронзы указанной территории в рамках единой хронологической системы. Развитие металлопроизводства в данной системе рассматривается в контексте анализа семи типологических групп: раннепокровской, позднепокровской, срубной, лобойковско-дербеденевской, красномаяцкой, ново-александровской, завадovской, которые коррелируются с синхронными археологическими культурами и отражают суть эпохи поздней бронзы.

Ключевые слова: поздний бронзовый век, металлопроизводство, хронология, типологические группы: покровская, срубная, лобойковская, дербеденевская, красномаяцкая, ново-александровская, завадovская

*Bochkarev V.S.*PERIODS OF METAL PRODUCTION DEVELOPMENT
IN THE LATE BRONZE EPOCH IN THE SOUTH OF EASTERN EUROPE

Chronology is among the urgent problems in studying metal production during the Late Bronze Epoch. This is especially true of the earliest and the final stages of technology development. Major contributions to studying this problem were made by developing local chronological charts for the Volga-Ural, Middle and Lower Don, North-West Azov, Lower Dnieper, North Black Sea and South-East Cis-Carpathian regions. This was conducive to developing an inter-regional chronological chart. During the Late Bronze epoch, the Volga-Ural region turned to become a powerful generator of new cultures. The most of the East European steppe and forest-steppe was involved into the common culture-generating process, which allows to consider the Late Bronze epoch in the above specified area within an integral chronologic system. Metal production development within this system is considered within the context of analyses of seven typological groups: the Early Pokrovsk, the Late Pokrovsk, the timber-grave, the Loboikovo-Derbeden, the Krasnyj Mayak, the Novoaleksandrovka and the Zavadov ones, which correlate with the synchronous archaeological cultures and are representative of the essence of the Late Bronze epoch.

Key words: Late Bronze epoch, the south of Eastern Europe, metal fabrication, chronology, typological groups: the Pokrovsk, Timber-grave, Loboikovo, Derbeden, Krasnyj Mayak, Novoaleksandrovka, Zavadov

Одной из актуальных проблем нынешнего этапа изучения металлопроизводства эпохи поздней бронзы степной и лесостепной зон Восточной Европы является хронология. В особенности это касается самых ранних и самых поздних периодов этого производства. До недавних пор в нашей литературе использовались хронологические схемы, которые были созданы еще во второй половине прошлого века. Большинство из них носило экспериментальный или, лучше сказать, рабочий характер. Тем не менее, и в таком виде они сыграли положительную роль. В частности, благодаря им удалось привести в некую временную систему многочисленные материалы кладов и единичных находок, культурная принадлежность которых осталась неизвестной. Но сейчас почти все они устарели и не отвечают современным требованиям нашей науки. В этой связи может быть показательна судьба хронологии волгоуральского металлопроизводства эпохи бронзы, разработанная Е.Н. Черныхом [Черных, 1970. С. 86–105]. В свое время она получила широ-

кую известность, однако в дальнейшем не получила развития и постепенно вышла из употребления.

На смену ей пришли локальные хронологии, разработанные для отдельных областей Волго-Уральского региона. Основными объектами их исследования стали культуры и их временная последовательность. Металлоносные комплексы использовались наряду с другими видами источников [Васильев и др., 1985. С. 60–94; Горбунов, Морозов, 1985. С. 93–118; Зданович, 1988; Горбунов, 1992; Обыденнов, Шорин, 1995; Обыденнов, 1998; История..., 2000. С. 192–308]. В эти же годы вышла большая работа Н.А. Аванесовой, целиком посвященная изучению урало-казахстанского металлопроизводства эпохи поздней бронзы [Аванесова, 1991]. В определении возраста своих материалов Н.А. Аванесова ориентировалась на хронологию андроновской свиты культур, предложенную Г.Б. Здановичем.

Кроме Волго-Уралья локальные хронологии были созданы и для ряда других регионов Восточной Европы: Среднего и Нижнего Подонья, Северо-Западного Приазовья, Нижнего Поднепровья, Северного Причерноморья, Юго-Восточного Прикарпатья [Тереножкин, 1965. С. 63–85; Шарафутдинова, 1985. С. 146–183; Шарафутдинова, 1982. С. 141–156; Дергачев, 1986. С. 153–186; Литвиненко, 1999. С. 4–23; Синюк, 1996. С. 219–262; Отрощенко, 2001. С. 113–195; Ромашко, 2013]. Особенно большое внимание было уделено истории северопричерноморской металлообработки эпохи поздней бронзы. Было предложено несколько вариантов ее хронологии [Лесков, 1967. С. 145–178; Черных, 1976. С. 150–158; Bočkarjev, Leskov, 1980. С. 68–85; Leskov, 1981. С. 90–101; Бочкарев, 2006. С. 33–65]. В результате она оказалась изученной гораздо лучше, чем какое-либо другое металлопроизводство этого времени на всей территории Восточной Европы.

Следует подчеркнуть, что создание локальных хронологических схем было крупным достижением нашей археологии. Оно позволило сделать следующий шаг вперед и перейти к разработке межрегиональной хронологической системы. Первый вариант такой системы был опубликован еще в 2002 году [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 8–16, рис. 1]. Ее основу составила хронология металлопроизводства, которая была наиболее интегрированной сферой культур эпохи поздней бронзы Восточной Европы. В данной работе будет рассмотрена структура хронологии этого металлопроизводства и описаны все составляющие ее подразделения.

Прежде всего, следует сказать, что южная половина Восточной Европы, несмотря на свои огромные размеры, в эпоху поздней бронзы имела целый ряд общих черт, как в природном, так и в экономическом отношениях. В основном она представляет собой равнинную степь и отчасти лесостепь, лишённую сколько-нибудь значительных природных преград. Подобно морю,

степь не разъединяла, а, напротив, сближала отдаленные регионы. В бронзовом веке она почти вся была заселена скотоводами, ведущими оседлый или полуседлый образ жизни. Еще одной общей чертой этой огромной степи является то, что она практически лишена залежей меди. Месторождения этого минерала располагаются на ее периферии или вообще за ее пределами – в Волго-Уралье, на Кавказе, Карпатах и Балканах. В силу этого обстоятельства состояние металлопроизводства степных культур эпохи бронзы в значительной степени зависело от поставок сырья из указанных горно-металлургических областей. Как показали спектроаналитические и типологические данные, в эпоху ранней и средней бронзы они почти всю медь получали с Кавказа. Оттуда же поступали и легирующие материалы. Но в эпоху поздней бронзы положение кардинально изменилось. В то время основным источником сырья стали волго-уральские месторождения. Как выразился в одной из своих ранних работ Е.Н. Черных, в эпоху поздней бронзы закончился кавказский период в истории местного металлопроизводства, и начался урало-казахстанский [Черных, 1966. С. 84]. Волго-уральский металл, а вместе с ним и восточные типы изделий, распространились до Поднепровья и Правобережной Украины. Некоторые из них проникли на территорию Юго-Восточного Прикарпатья и Нижнего Подунавья. С течением времени этот восточный импульс, который не ограничивался только металлопроизводством, вызвал ответную карпато-балканскую реакцию. В частности, она проявилась в том, что во второй половине эпохи поздней бронзы медь карпато-балканского происхождения в сравнительно больших количествах начала импортироваться в Северное Причерноморье и Поднепровье. В результате здесь возник достаточно мощный местный очаг металлообработки, в инвентаре которого хорошо прослеживается влияние прикарпатского и нижнедунайского металлопроизводства. Продукция этого очага проникала на территорию Левобережной Украины, Подонья и даже Поволжья, где ее копировали и подражали ей.

Конечно, общая переориентация внешних связей в такой жизненно важной сфере, как металлопроизводство, не могло произойти случайно. Очевидно, что оно не было продиктовано и чисто экономическими причинами. Эта перемена была вызвана глубокими культурно-историческими изменениями, которые согласно радиоуглеродным датам произошли на рубеже III и II тыс. до н. э. Их суть заключалась в том, что в это время основной инновационный центр степных культур Восточной Европы переместился с Кавказа в волго-уральский регион. Тогда в этом регионе получила распространение новая и более совершенная технология металлопроизводства, возникла новая форма скотоводческого хозяйства, была изобретена боевая конная колесница и т. д. Особо следует подчеркнуть, что в эпоху поздней бронзы Волго-Уралье превра-

тилось в мощный генератор новых культур. Их скотоводческое население волна за волной мигрировало в юго-западном направлении, занимая все новые и новые земли. Оно несло с собой волго-уральские нормы и стереотипы во всех сферах культуры, включая металлопроизводство. В результате возникла обширная культурная провинция с центром в Волго-Уралье. Уже во второй четверти II тыс. до н. э., во времена раннесрубной культуры, она простиралась от Урала до Поднепровья. В следующий период ее ареал расширился еще больше и достиг Юго-Восточного Прикарпатья. Затем начался длительный период ее распада, который продолжался до конца II тыс. до н. э. Но и в это время связи Волго-Уралья с такими отдаленными от него регионами, как Подонцовье, Поднепровье и Северное Причерноморье не прекращались. Более того, в этот период отмечены миграции волго-уральского населения в территориальные пределы нынешней Украины. С ними связывают формирование таких культур, как лебедовская, марьяновская и бондарихинская.

Итак, можно констатировать, что благодаря волго-уральскому очагу и его провинции большая часть восточноевропейской степи и лесостепи оказалась втянута в общий культурно-генетический процесс. В результате возникло более или менее единообразное культурное пространство, что и дает возможность рассматривать эпоху поздней бронзы указанной территории в рамках единой хронологической системы. Особенно актуален такой подход для изучения металлопроизводства. В частности, это хорошо демонстрируют карты распространения разных типов металлических изделий эпохи поздней бронзы. Нередко, их ареалы охватывают территорию восточно-европейской степи от западных склонов Урала до восточных предгорий Карпат (рис. 1–4).

Следующий вопрос, который возник в связи с заявленной темой, касается определения самого понятия «эпоха поздней бронзы» южной половины Восточной Европы. Предложено несколько вариантов его решения, но ни один из них не получил общего признания. В результате возникла путаница и неразбериха. Одни и те же памятники и культуры разные авторы относят не только к разным периодам, но и эпохам. На мой взгляд, этот кризис вызван тем, что до сих пор не удалось найти объективный критерий периодизации для всей эпохи бронзы Восточной Европы. Между тем он есть. Это – технология металлопроизводства. Она изменялась от эпохи к эпохе и тем самым маркировала их границы. Как было показано в специальной работе, технологическими новациями эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы стали: распространение оловянных бронз (вместо мышьяковых); внедрение в производство каменных литейных форм (вместо глиняных); освоение литья изделий со слепой втулкой (вместо кованных) [Бочкарев, 2013а. С. 65–77].

Комплекс этих новаций можно считать основным критерием эпохи поздней бронзы указанной территории. Следует подчеркнуть, что он не является универсальным, а носит локальный характер. Его нельзя автоматически распространять на кавказский или, скажем, на карпато-балканский регион.

Если использовать предложенный критерий и придерживаться новой радиоуглеродной хронологии, то окажется, что самые древние материалы эпохи поздней бронзы распространены не повсеместно, а локализуются в волгоуральском регионе и на севере Среднего Подонья. Это сейминско-турбинские, синташтинские и раннепокровские памятники. Они датируются концом III – началом II тыс. до н. э. В это же время вся остальная часть восточноевропейской степи и лесостепи была занята еще культурами эпохи средней бронзы. Большинство из них входило в так называемый посткатакомбный блок культур («бабино», «лола», криволукская и каменско-ливенцовская группы). Но в следующие два периода их территория заметно сократилась, а ареал памятников эпохи поздней бронзы, напротив, расширился и достиг бассейна Северского Донца, а затем и Поднепровья. В IV периоде (около середины II тыс. до н. э.) он охватил все пространство степи вплоть до Нижнего Подунавья. Таким образом, эпоха поздней бронзы как некий культурно-технологический феномен распространялась по территории Восточной Европы поэтапно в направлении с северо-востока на юго-запад. Поэтому на общей хронологической таблице рубеж эпох средней и поздней бронзы обозначен как ступенчатая кривая. В общей сложности этот процесс занял около 500 лет.

Итак, согласно приведенным данным, эпоха поздней бронзы на территории Восточной Европы началась на ее северо-восточной окраине. Здесь зафиксированы её древнейшие памятники: сейминско-турбинские, синташтинские и раннепокровские. Как полагает большинство исследователей, первые из них оставлены пришлым населением, а вторые и третьи – местным. Общеизвестно, что эти последние в типологическом отношении очень близки автохтонным культурам Волго-Уралья – средневожскому и приуральскому «абашеву». На этом основании некоторые авторы их синхронизируют и даже отождествляют с «абашевом». В действительности это не так. Если использовать предложенный критерий периодизации, то абашевские культуры, как и бабинская, еще целиком находятся в пределах эпохи средней бронзы. Кроме того, на ее более ранний возраст указывают типологические и стратиграфические данные [Кузьмина, 1995. С. 21–51; Моргунова, Халяпин, 2003. С. 225–229; Ткачев, 2007. С. 222–226]. Что касается сходства «синташты» и «покровска» с «абашевом», то оно объясняется их родством. Абашевские традиции стали важнейшим субстратом синташтинской и раннепокровской культур.

В соответствии с этими данными абашевский металл был отнесен к концу эпохи средней бронзы, а синташтинский и раннепрокровский – к I периоду эпохи поздней бронзы. За ними следуют еще шесть периодов, которые последовательно сменяли друг друга. Каждый из них представлен группой замкнутых комплексов, связанных устойчивым сочетанием нескольких типов металлических изделий. Эти группы выделяются статистическим способом в результате изучения сопряженности типов в замкнутых комплексах. Чтобы выявить повторяющееся сочетание типов, составлена таблица, внешне напоминающая корреляционную или турнирную (табл. I). На ее вертикальную ось занесены списки комплексов. Они располагаются в их предполагаемой хронологической последовательности. В том же порядке, но на горизонтальной оси отложены типы металлических изделий, характерных для этих групп комплексов. Наличие того или иного типа в каком-либо из комплексов отмечается специальными значками (светлыми и затемненными квадратиками). Если в хронологическом отношении комплексы и типы расположены правильно, то после заполнения таблицы на ее диагонали выстроятся в ряд несколько скоплений указанных значков. Каждый из них представляет собой повторяющийся набор типов, характерных для той или иной группы. Последовательность их расположения по диагонали таблицы по направлению с левого верхнего угла сверху вниз к правому нижнему указывает на вероятную хронологическую последовательность выделенных групп комплексов.

Описанный метод является одним из простейших приемов комбинационной статистики. Он хорошо зарекомендовал себя в археологии. Еще в конце 50-х гг. прошлого века его успешно применил Г. Мюллер-Карпе [Müller-Karpe, 1959]. С помощью этого метода А. фон Брунну удалось установить хронологию кладов металлических изделий эпохи поздней бронзы Трансильвании и ряда соседних регионов. В нашей литературе его использовали Е.Н. Черных, А.М. Лесков и я [Черных, 1976; Vočkarov, Leskov, 1980; Бочкарев, 2010. С. 185–208].

Опыт применения этого метода показал, что он является весьма эффективным средством исследования относительной хронологии. Вместе с тем выяснилось, что достоверность его результатов во многом зависит от качества и количества исходных материалов. Имеются в виду прежде всего комплексы металлических изделий. Они должны быть достаточно многочисленными, принадлежать к разряду замкнутых комплексов, и каждый из них должен содержать не менее двух изделий разных типов. В нашу выборку вошло 157 комплексов, что составляет примерно 10–15% от генеральной совокупности. Это не очень много, учитывая размеры территории и временную продолжительность эпохи поздней бронзы степной полосы Восточной Европы. Но зато отобранный материал полностью отвечает заявленным требованиям. Ком-

плексы относятся к трем видам источников: погребениям, кладам и комплексам литейных форм (рис. 5). К последнему виду отнесены также единичные находки форм с несколькими негативами изделий разных типов. Что касается самих комплексов форм, то они относятся к числу своеобразных и не вполне понятных памятников. Как правило, в них входят наборы старых каменных форм (в основном из талькового сланца) со стертыми или полустертыми негативами. Чаще всего их находят на поселениях эпохи поздней бронзы в Северном Причерноморье. Их культурно-исторический смысл не очень ясен. Б. Хензель полагает, что они имели культовый характер [Hänsel, 2010. С. 64]. Но вполне вероятно, что эти старые формы собирали и депонировали как запасы ценного сырья, необходимого для литейного производства. Но в любом случае эти памятники важны для хронологических исследований как замкнутые комплексы. В каждом из них представлен более или менее широкий набор изделий, которые отливались практически одновременно. В этом смысле они превосходят многие клады металлических изделий и особенно так называемые клады литейщиков.

Клады относятся к самым многочисленным источникам, которые были использованы в данной работе. Как правило, их инвентарь бывает достаточно большим, разнообразным и порой разновременным. Далеко не всегда известны условия их нахождения, а также состав. В этих случаях они принимаются как условные комплексы.

Столь же многочисленным источником, как и клады, являются металлоносные погребения. В нашей выборке клады составляют 42,7%, погребения – 40,1%, а комплексы литейных форм – 17,2%. Погребения ценны тем, что они гарантируют одновременность использования изделий, которые входят в их инвентарь. Но по набору этих изделий они заметно отличаются от кладов. В основном это украшения, предметы утвари и в некоторых случаях – оружие. В кладах же преобладают орудия труда и особенно серпы и топоры-кельты. Другие категории изделий встречаются избирательно и в небольших количествах.

В целом можно сказать, что каждый из трех видов наших источников имеет свою специфику. Она особенно сильно проявляется в тех хронологических группах, в которых резко преобладает один из их видов. Это явление вызвано тем, что в пространственно-временном отношении источники распределяются очень неравномерно. Так, три ранние хронологические группы (абашевская, ранне- и позднепокровская) в основном состоят из погребальных комплексов. Кладов мало, а наборы литейных форм и вовсе отсутствуют. Все эти группы локализируются только в волго-уральском регионе и частично на Среднем Дону. Положение несколько меняется в следующей по времени группе (срубной). В ней почти поровну представлены клады и погребальные памятники. Но ее территория, кроме Волго-Уралья и Подонья, занимает поч-

ти всю Левобережную Украину, вплоть до Поднепровья. В IV и V группах металлоносные погребения практически полностью исчезают. Зато сильно возрастает число кладов и комплексов литейных форм. Вместе с этим меняется и география находок. В основном они сосредоточены в юго-западной части ареала и, особенно, на территории Северного Причерноморья. Последняя завадовская группа представлена всеми тремя видами источников. Но чаще всего в ней встречаются погребальные памятники. Комплексы литейных форм и особенно клады представлены единичными экземплярами. В основном они локализуются в Северном Причерноморье и Нижнем Поднепровье. В волго-уральском регионе в это время известны только погребения (рис. 5).

В целом наша выборка достаточно полно отражает пространственно-временное распределение металлоносных замкнутых комплексов эпохи поздней бронзы на Юге Восточной Европы. Из ее анализа вытекает, что если находки металла преобладают в кладах, то они редко встречаются в погребениях. И наоборот. Этот вывод соответствует основному положению гипотезы С. Ханзена о нормах депонирования металлических изделий в позднем бронзовом веке в некоторых регионах Европы [Hansen, 1994].

Наряду с комплексами огромное значение для построения хронологической системы имеют типы металлических изделий, которые представлены в этих комплексах. Их роль столь велика, что сама эта хронология может быть названа типологической. Привлеченный нами материал в типологическом отношении является весьма большим и разнообразным. Из этого фонда были отобраны только те типы, их варианты и группы, которые имеют хронологическое значение. Большинство из них уже описано в литературе. Но есть и новые, которые были выделены в процессе работы над этой темой. Всего было отобрано 107 типологических подразделений. Их описание дано в Приложении к Таблице I. По группам они распределяются неравномерно. Многие из них встречаются в двух, а то и в трех группах. Такие общие типы указывают на хронологическую близость групп.

Известны также типы, которые приурочены только к одной группе. Иногда они сочетаются только друг с другом. Поодиночке и тем более в связке они очень ценны как хронологические индикаторы. На поле таблицы они показаны квадратиками с затемненным центром.

Как правило, группы выделяются по комбинациям нескольких типов. В такие наборы входят от 2–3 до 7–8 типов. Чем чаще они повторяются, тем лучше маркируется группа.

Анализ совстречаемости 107 типологических подразделений в 157 комплексах позволяет выделить 8 групп. Они следуют цепочкой одна за другой по диагонали таблицы (табл. I). Первая из них занимает верхний левый угол таблицы. Она названа абашевской, т. к. в нее вошли комплексы одноименной

культуры. Нужно подчеркнуть, что эти комплексы относятся только к числу классических абашевских памятников, открытых в Среднем Поволжье и в Приуралье. Группа состоит из 23 замкнутых комплексов, которые представлены 22 типами металлических изделий. Десять из этих типов (№№1–4, 6, 7, 9–12) можно считать эксклюзивно абашевскими (рис. 6). В памятниках других культур, как более раннего, так и более позднего времени, они практически не встречаются. Особенно характерными для этой группы являются бляшки-розетки (№11), «шитье» (№9), ребристые браслеты с плоским желобком (№6), узковислобушные топоры (№7), три типа кованых наконечников копий (№№1, 2, 4). Они образуют ядро группы. Вместе с тем следует отметить, что несколько абашевских типов (№№8, 14, 16, 17, 19–21) в небольшом количестве переходят в три последующие группы. Очевидно, они демонстрируют связь всех этих групп и указывают на их хронологическую близость. Абашевской группе был присвоен нулевой номер, т. к. она относится еще к эпохе средней бронзы. Но это не умаляет ее значения. Без нее трудно представить дальнейший ход развития волго-уральского металлопроизводства. Другими словами, она весьма важна в типолого-хронологическом отношении.

Со следующих двух групп началась эпоха поздней бронзы как в волго-уральском регионе, так и во всей Восточной Европе. Обе они принадлежат покровской культуре [Малов, 2012]. Первая из них относится к раннему этапу этой культуры, а вторая – к позднему. В совокупности эти группы представлены 29 замкнутыми комплексами. В подавляющем большинстве – это погребения. По сравнению с абашевской группой у них появилось десять новых типов (№№22–32), которые их четко обособляют (рис. 7). Но между собой они различаются слабо. Все же необходимо отметить, что для I (раннепокровской) группы характерны круглые в плане желобчатые подвески в 1,5 оборота из бронзы (№22) и кованые наконечники копий синташтинско-покровского типа (№23), а для II (позднепокровской) – небольшие овальные в плане височные подвески (№31) и наконечники копий сейминского типа (№28).

В I группу вошли ранние памятники покровской культуры и погребения потаповского типа. Первые из них в основном встречаются в Среднем Подонье, а вторые – в Самарском Поволжье. В Южном Зауралье им синхронны материалы синташтинской культуры, а на территории Левобережной Украины и Северного Причерноморья – бабинской (бабино-II).

Вторая группа представлена погребениями позднепокровской культуры, которую иногда идентифицируют как раннесрубную. Ареал распространения позднепокровских памятников гораздо шире, чем раннепокровских. Кроме Поволжья и Подонья он охватывает Приуралье и на юго-западе доходит до бассейна Северского Донца. В урало-казахстанских степях им син-

хронны материалы петровской культуры, а в Поднепровье, Северном Причерноморье и Юго-Восточном Прикарпатье – позднебабинской (бабино-III).

Третья группа принадлежит срубной культуре, и поэтому она названа ее именем. В нее входит 19 комплексов. Кроме погребений в ней также сравнительно много кладов (7) и две многопредметных литейных формы. Для полноты картины в этой группе были также использованы материалы срубного поселения у с. Мосоловка (Среднее Подонье). Хотя они не составляют замкнутого комплекса, их одновременность не вызывает сомнений.

Эта группа маркирована десятью новыми типами (№№33–42) (рис. 8). Наиболее важными ее индикаторами являются восьмерковидные желобчатые подвески в 1,5 оборота (№37), широковислообушные топоры (№39), крюкастые серпы ибракаевского типа (№38) и овальные в сечении тонкие браслеты с разомкнутыми концами (№36). Для кладов этой группы характерно устойчивое сочетание широковислообушных топоров и серпов ибракаевского типа.

Срубная культура занимала очень большую территорию. Она простиралась по зонам степи и лесостепи от Урала до Среднего и Нижнего Поднепровья. Ее восточным соседом была алакульская культура, а юго-западным – позднейшая бабинская.

Переходя к описанию IV группы, сразу следует отметить, что у нее нет однозначной культурной привязки. По этой причине она была обозначена по названию двух ее самых ярких памятников – лобойковскому и дербеденовскому кладам. По составу эта группа является самой многочисленной. В нее входят 28 комплексов. Среди них резко преобладают клады (22). Еще 5 комплексов состоят из литейных форм (№№80*, 88*–90*, 94*). При этом, погребение только одно (№75*). Эти перемены вызваны тем, что в то время металлические изделия уже стали депонировать не столько в погребениях, сколько в кладах.

По сравнению с предшествующей группой в ней появилось 20 новых типов (рис. 9). Среди них следует отметить три разновидности топоров-кельтов, которые в то время впервые начали распространяться в южной половине Восточной Европы. Чаще всего в лобойковско-дербеденовских комплексах встречаются топоры-тесла ульяновского типа (№52), несколько типов одноушковых и двуушковых кельтов (№№53, 57, 58), бритвы терешковского типа (№55), слабо изогнутые крюкастые широкие серпы дербеденовского типа (№54), прорезные наконечники копий (№58), ножи и кинжалы с клинком остролистной формы и с кольцевидным упором на черенке (№56). Изделия этих типов регулярно сочетаются в замкнутых комплексах и тем самым образуют плотное ядро лобойковско-дербеденовской группы. Благодаря этому ядру группа хорошо выделяется на поле таблицы. Следует также отметить,

что она имеет несколько общих типов как с предшествующей, так и с последующей группой. Но связи эти весьма слабые.

Лобойковско-дербеденовские комплексы и характерные для них типы изделий имеют очень широкое территориальное распространение. За исключением Северо-Восточного Кавказа, их находки встречаются по всему Югу Восточной Европы: от Урала до Восточных Карпат и Северных Балкан. Наибольшая концентрация этих находок наблюдается в Среднем Поднепровье и в северной части Нижнего Поднепровья.

Конечно, при таком обширном ареале распространения трудно ожидать, что эта группа окажется абсолютно монолитной. Действительно, в типологическом отношении она разделяется на две локальные подгруппы: дербеденовскую и лобойковско-голоуровскую. Первая из них занимает северо-восточные регионы ареала, а вторая – юго-западные. Граница между ними приблизительно проходит по долине р. Дон. Друг от друга эти подгруппы отличаются рядом деталей, но лучше всего – по типологии самых массовых категорий изделий – серпов и кельтов. Как показало специальное исследование, в этих подгруппах представлены одни и те же типы серпов, но в разных вариантах [Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 87–107]. Такая же ситуация сложилась с кельтами. В дербеденовской подгруппе предпочтение было отдано одноушковым моделям, а в лобойковско-голоуровской – двуушковым.

Несомненно, что эти различия в первую очередь были обусловлены тем, что указанные подгруппы принадлежали к разным очагам металлопроизводства и к разным культурам. Так, первую из этих подгрупп есть основания связывать с черкаскульской и сусканской культурами, а вторую – с позднерубной (бережновско-маёвской по версии В.В. Отрощенко) культурой Левобережной Украины и Поднепровья, а также с «сабатиновкой-I» и ноуа-I [Бочкарев, 2012. С. 200–206]. Но следует еще раз подчеркнуть, что эти подгруппы были одновременными. Они сосуществовали в рамках одной лобойковско-дербеденовской зоны металлопроизводства [Бочкарев, 2013b. С. 75]. Эта зона возникла около середины II тыс. до н. э. в результате новой миграции волгоуральского населения на территорию Левобережной Украины, Поднепровья и Крыма [Бочкарев, 1995. С. 121].

К востоку от Урала лобойковско-дербеденовскую группу следует синхронизировать с черкаскульско-федоровскими древностями и отчасти с саргары-алексеевскими. На Северо-Западном Кавказе она существовала одновременно с ахметовской группой кладов [Бочкарев, 1996. С. 96, 97]. Об этом говорят совместные находки лобойковско-дербеденовских и прикубанских бронз в нескольких кладках (№№83*,92*,93*).

Пятая или красномаяцкая группа является почти такой же многочисленной, как и предыдущая. В нее вошли 23 комплекса. Из них 6 – это клады

литейных форм, а все остальные – клады металлических изделий. Среди них нет ни одного погребения.

Ее типологический состав обновился еще в большей степени, чем в лобойковско-дербеденовской группе (рис. 10). Появилось несколько совсем новых типов кельтов (№№63, 68, 69, 72), серпов (№№64, 65), украшений (№№79,85). Они не имели местных корней, а были заимствованы из Юго-Восточного Прикарпатья, Нижнего Подунавья и Трансильвании. Остальные типы продолжали развитие лобойковско-голоуровских традиций или же были местными репликами западных образцов. Красномаяцкая группа, как и предыдущая, может быть разделена на две территориальные подгруппы (табл. I. V. А, Б). Первая из них локализуется в буго-днестровском регионе, а вторая – в Нижнем Поднепровье и прилегающих областях Левобережной Украины. Для буго-днестровской подгруппы характерны кельты типа ршешти и негрешти (№№66, 67), подвески солонецкого типа (№72), а также кельты старшего трансильванского типа (№66) (рис. 10А). Их сочетания являются наиболее частыми, что и позволяет хорошо маркировать эту подгруппу. Нижнеднепровская подгруппа представлена еще небольшим числом памятников. Поэтому о ней еще нет достаточно полного представления (рис. 10Б). Но уже сейчас можно отметить, что ведущими ее типами были кельты с двумя ушками, примыкающими к краю втулки и «кардашинской» фаской (№81). Кроме Нижнего Поднепровья, они сравнительно часто встречаются в Среднем Поднепровье, а также к востоку от Днепра. Зона их распространения доходит до Среднего Поволжья и Приуралья. Всего их сейчас известно около 50 экземпляров. Другими характерными типами этой подгруппы могут считаться кельты-тесла с лобным ушком и разноформатными фасками (№50), бритвы типа вязовок (№73). Среди примечательных изделий этой подгруппы следует также отметить типы двуушковых кельтов с арочной фаской и «пещеркой» (№79) и маленькие серпы с двумя отверстиями на черенке (№78). По всей вероятности, они были местными репликами буго-днестровских изделий.

Различие между указанными подгруппами были вызваны несколькими факторами. Судя по всему, буго-днестровская подгруппа в гораздо большей степени, чем нижнеднепровская, подверглась влиянию со стороны карпато-балканского металлопроизводства. Это хорошо видно по ее набору кельтов, серпов и украшений. Западное влияние также заметно в нижнеднепровской подгруппе. Но в ней гораздо лучше сохранились местные, лобойковско-голоуровские традиции. Они также проявились и в тех изделиях, которые были заимствованы со стороны. Описанные подгруппы имели и целый ряд общих типов: ножи и кинжалы макеевского типа (№61), криволезвийные долота с литой втулкой, край которых укреплен валиком (№62), красномаяцкий

тип мечей и кинжалов (№65), наконечники дротиков красномаяцкого типа (№78). Одна их часть была прямо унаследована от лобойковско-дербеденовской группы (№№61, 62), а другая развилась из лобойковско-голоуровских прототипов (№№73, 77, 81). Примечательно, что все красномаяцкое оружие оказалось местного происхождения, а украшения, серпы, а также часть кельтов – иноземного.

Красномаяцкая группа принадлежала одноименному очагу металлообработки [Черных, 1976. С. 178–185; Бочкарев, 2006. С. 53–69]. В эпоху поздней бронзы этот очаг стал самым крупным центром металлопроизводства на всем пространстве степи и лесостепи Восточной Европы. В основном он обслуживал население поздней сабатиновской культуры (сабатиновка-II). Но его продукция распространялась на гораздо большие территории, чем сама эта культура занимала. Находки изделий красномаяцких типов известны в Юго-Восточном Прикарпатье, Нижнем Подунавье, Трансильвании, на Дону и Северо-Западном Кавказе. Есть они и в волго-уральском регионе. Это главным образом двушковые кельты с «кардашинской» фаской (№81). В меньшем количестве встречаются наконечники копий и дротиков дремайловского типа (№77), а также ножи макеевского типа (№61). По всей вероятности, это были местные копии красномаяцких изделий. Что касается самого волго-уральского металлопроизводства, то оно было в состоянии кризиса. Судя по сравнительно небольшому количеству находок, выпуск его продукции заметно сократился по сравнению с предшествующим временем. Уменьшился также ассортимент продукции и ее типологическое разнообразие. К числу оригинальных волго-уральских изделий можно отнести 1–2 типа кельтов-тесел, кинжалы и серпы сосново-мазинских типов [Черных, 1970. рис. 48, 19–22, 31, 34; 59, 8–12; Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 44–58, табл. 8, 12–13; 9, 12]. Самым крупным и выразительным памятником этого времени является сосново-мазинский клад в Саратовской области. Его именем и может быть названа вся волго-уральская серия металлических изделий, которые синхронизируются с красномаяцкой группой.

В противоположном углу Восточной Европы, на территории Юго-Восточного Прикарпатья и Нижнего Подунавья, одновременно с красномаяцким очагом существовали ришештский и дичевский очаги металлопроизводства. Все эти три очага были тесно связаны между собой и образовывали единую зону металлопроизводства [Бочкарев, 1995. С. 120–121]. На Северо-Западном Кавказе синхронно с ними работал прикубанский очаг на втором этапе своего развития [Бочкарев, 1996. С. 96–97].

Следующая VI или ново-александровская группа представлена меньшим количеством комплексов. В нее входят 17 кладов металлических изделий и литейных форм и 2 многопредметные формы. Среди них по-прежнему нет

ни одного погребения, хотя металлоносные погребения уже появились. В целом в этот период количество материалов, характеризующих местное металлопроизводство, заметно сократилось, что может говорить о начале его упадка. Для VII группы этот упадок становится очевидным фактом.

В ново-александровской группе появилось 13 новых типов (рис. 11). Причем, половина из них были иноземного происхождения (№№84, 85, 87, 89, 91, 93). Все они были заимствованы на западе, но производство некоторых из них было налажено в местных мастерских (№№87, 93). К числу самых характерных типов ново-александровской группы следует отнести кельты с двумя ушками, опущенным ниже края втулки и с «кардашинской» фаской (№94), криволезвийные долота с литой втулкой и валиком, опущенным ниже ее края (№95), кельты-тесла типа мындрешти (№88), безушковые кельты-тесла (№92). Особо следует отметить небольшие и узкие с двумя лезвиями ножи-пилки (№89), а также небольшие черенковые ножи с параллельными лезвиями (№96). Их часто находят на поселениях белозерской культуры, а ножи – и в погребениях этой культуры.

Обращает на себя внимание, что ново-александровская группа оказалась весьма сильно связанной с предшествующей красномаяцкой группой. Они имеют более 10 общих типов. Это говорит о том, что ново-александровская группа очень много унаследовала из прошлого. С другой стороны, у нее есть и целый ряд новых типов. Благодаря такому балансу старых и новых черт она приобрела некое промежуточное или переходное положение между V и VII группами.

Подавляющее большинство находок ново-александровских материалов сконцентрировано на территории Северного Причерноморья и Нижнего Поднепровья. Часть из них происходит из поселений и погребений белозерской культуры. Эти два обстоятельства позволили связать ново-александровскую группу с белозерской культурой. Впервые это было установлено А.М. Лесковым и затем подтверждено другими исследованиями [Лесков, 1967. С. 149–154; Воѣкарев, Leskov, 1980. С. 82–85]. Сейчас можно сказать, что изделия ново-александровских типов маркируют не всю белозерскую культуру, а только ее ранний этап. Эталонным памятником этого этапа является поселение Дикий Сад (г. Николаев), на котором был найден самый большой и представительный клад ново-александровской группы.

Изделия ново-александровских типов, конечно, имели более широкий ареал распространения, чем территория, занятая раннебелозерской культурой. В значительной степени благодаря этому удается выявить круг памятников, синхронных ново-александровской группе. В Юго-Восточном Прикарпатье это будут клады серии илишени [Petrescu-Dîmbovița, 1977. С. 119–120] и ранние комплексы vyrбицкого очага в Нижнем Подунавье [Дергачев,

2011. С. 260–263]. Все их обычно относят к периоду HaA1 (по хронологии П. Рейнеке).

В волго-уральском регионе, где кризис металлопроизводства продолжал углубляться, ново-александровской группе могут соответствовать по времени сабанчеевский клад и небольшая серия единичных случайных находок металлических изделий [Мерперг, 1965. С. 149–155]. Кроме того, следует учесть, что в ряде погребений маклашеевской культуры в Казанском Поволжье и Прикамье встречаются черенковые ножи, в морфологическом отношении близкие к белозерским изделиям [Халиков, 1980. Табл. 15; 18].

Судя по находкам ножей и кинжалов ново-александровских типов (№№94, 96) на нескольких нижнедонских поселениях (Кобяково, Хапры, Сафьяново), к раннебелозерскому времени может быть отнесена и кобяковская культура. Среди материалов прикубанского очага металлопроизводства наиболее близкие параллели ново-александровским изделиям находятся в составе упорнинского и курчанского кладов. Оба эти комплекса относятся к бикешевскому этапу прикубанского очага [Бочкарев, 1996. С. 96–97]. Наконец, следует сказать, что есть основания синхронизировать ново-александровскую группу с памятниками ранней бондарихинской и ранней белогрудовской культур лестостепной части Украины.

Последняя VII завадовская группа является самой маленькой. Она состоит всего из 16 замкнутых комплексов. Причем, как и в трех ранних группах, в ней преобладают погребения. Кладов всего два. Эти изменения в составе группы вызваны не столько сменой формы депонирования металла, сколько упадком самого металлопроизводства. Последнее подтверждается тем, что в это время не только резко уменьшилось количество кладов, но и единичных случайных находок. Сокращается также и ассортимент продукции. Некоторые очень важные категории изделий, такие, например, как металлические серпы и мечи уже больше не производятся. Происходит также процесс миниатюризации изделий [Бочкарев, 2010. С. 41]. Одним словом, северопонтийское металлопроизводство оказалось в глубоком упадке. Это отражает и состав завадовской группы.

Вместе с тем она отмечена крупнейшей инновацией того времени – появлением местного железоделательного производства. Из нового металла изготовляли не только украшения, но и такие бытовые предметы как ножи (№96). Иногда они были биметаллическими (№107).

Другим важным новшеством стало распространение фибул. Возможно, их ранние формы появились еще в предшествующей группе. Это были однопружинные застёжки с гладкой арочной спинкой [Kašuba, 2008. С. 193, 197, abb. 5, 2, 9]. Типологически более поздние двупружинные фибулы хорошо представлены в комплексах VII группы. Новыми типами в этой группе также

являются долота и прорезные наконечники копий (№№100, 102). Одними из самых характерных признаков завадовских кельтов являются их небольшие размеры и приземистые пропорции. Они могут иметь как одно, так и два ушка. Встречаются кельты как с трапецевидной фаской, так и с фаской в форме арки с прямым сводом (№№99, 101, 104). К числу новых форм этой группы следует также отнести бронзовые или золотые височные подвески в один или полтора оборота (№105). Всего же в VII группе появились 10 новых типов, около половины которых имели западное происхождение (рис. 12). Но в ней достаточно хорошо также прослеживаются местные традиции. В этой связи следует отметить, весьма высокую степень преемственности этой группы с предшествующей. Особенно ярко это демонстрируют типы ножей с параллельными лезвиями (№95).

Благодаря множеству соответствующих погребальных комплексов VII группа уверенно идентифицируется как позднелозерская. В пользу этой культурной атрибуции свидетельствуют также находки литейных форм и некоторых металлических изделий на ряде белозерских памятников.

В Юго-Восточном Прикарпатье с ней может быть синхронизирована варагская группа кладов [Dergačev, 2002. S. 46–47, taff. 49], а в Нижнем Подунавье клады типа Павловки, Болдешти и Дриду [Дергачев, 1975. С. 22, рис. 9, 3, 4; Petrescu-Dîmbovița, 1977. S. 25, 139, pl. 340, 1–7; Enachius, 1995. S. 279–310]. На территории Украины она существовала параллельно с поздними этапами белогрудовской, бондарихинской и галиградской культур.

Труднее всего установить временное соотношение завадовской группы с волго-уральскими памятниками. В общем плане ее можно синхронизировать с поздними фазами маклашеевской и межовской культур. Но более-менее точные аналогии ее металлическим изделиям сейчас привести трудно. Но зато их можно указать в материалах Северного Кавказа. Это прорезные наконечники копий с удлинненным пером (№102) и маленькие криволезвийные долота с трапецевидными фасками (№100). Несколько таких экземпляров были найдены в погребениях раннекобанской культуры [Дударев, 1991. табл. I; Козенкова, 2002. С. 35, табл. 56, 6; Vinogradov, Dudarev, 2002. S. 262, 263, abb. 1, 7].

Завадовская группа прекратила свое существование вслед за гибелью белозерской культуры. Это событие произошло приблизительно на рубеже X–IX вв. до н. э. Вместе с ней завершилась целая эпоха древней истории металлопроизводства южной половины Восточной Европы.

Завершая работу, необходимо коротко остановиться на хронологии сейминско-гурбинских памятников. Как уже отмечалось, они имеют важное значение для понимания процесса культурогенеза в начальную пору эпохи поздней бронзы Волго-Уралья и всей Восточной Европы. Прежде всего, сле-

дует сказать, что во временном отношении эти памятники не являются однородными [Бочкарев, 2010. С. 60–80]. Они делятся на три группы. Первая или ранняя группа представлена турбинским могильником. По нашим данным он датируется рубежом средней и поздней бронзы. Другими словами, его следует синхронизировать с позднейшими абашевскими древностями и самыми ранними покровскими и синташтинскими.

Во вторую группу входят все остальные сейминско-турбинские могильники (сейминский, ростовкинский, решенский и т. д.). Они существовали в одно время с покровской, синташтинской и петровской культурами.

Наконец, третья или поздняя группа стала известна совсем недавно благодаря открытию культового памятника на берегу Шайтанского озера на Среднем Урале [Сериков и др., 2009. С. 67–78]. Судя по доступным сейчас материалам, его следует относить к рубежу II и III периодов. В нем прослеживаются как петровские, так и алакульские черты.

Итак, анализ сочетаний 107 типов в 157 комплексах позволил выделить 8 типологических групп. Эти группы не хаотично и беспорядочно рассыпались по полю таблицы, а выстроились в цепочку вдоль ее диагонали (табл. I). Такой порядок их расположения показывает, что изначально заданная временная последовательность комплексов оказалась правильной. Эти группы действительно являются хронологическими подразделениями или, говоря иначе, периодами. Они следуют друг за другом в той временной последовательности, как это демонстрирует таблица. Эти выводы подтверждаются данными относительной хронологии тех культур или их этапов, с которыми были связаны указанные 8 групп. Поскольку все крупные изменения в восточноевропейском металлопроизводстве прямо коррелируют со сменой культур или их этапов [Бочкарев, 1995. С. 114–123], то предложенная схема может рассматриваться как основа общей хронологии эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы.

Что касается абсолютной хронологии выделенных периодов, то этот вопрос требует отдельного рассмотрения. Сейчас можно только сказать, что предложенная хронологическая схема охватывает промежуток времени от конца III тыс. до начала I тыс. до н. э.

Приложение к таблице 1 Каталог типологических подразделений (группы типов, типы, варианты типов).

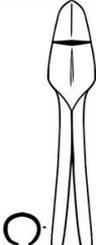
В представленной статистической таблице были сгруппированы типологические подразделения различного таксономического уровня: типы, их варианты и их группы. В совокупности они насчитывают 107 единиц. Несмотря на свою многочисленность, они являются лишь выборкой из той генеральной совокупности, которая представляет типологический состав ме-

таллопроизводства эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы. В эту выборку вошли только те подразделения, которые могут считаться хронологическими индикаторами. В основном это типы, которые встречаются в материалах одного периода (например, №№1, 2, 6, 8, 10, 12, 44–46, 54, 55, 58, 59, 73, 75 и т. д.). Они составляют ядро хронологических групп и обеспечивают их компактность. Но есть также типы, которые существуют на протяжении двух, а то и трех периодов (например, №№21, 22, 38, 42, 63–66, 96). Их заметно меньше. Но само их присутствие также является важным временным показателем. Они указывают на преемственность групп, их хронологическую последовательность.

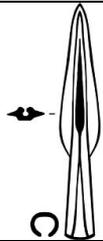
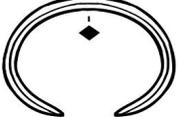
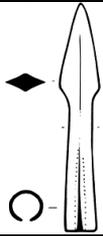
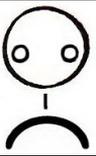
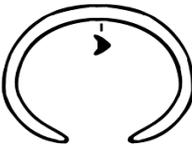
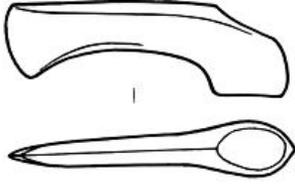
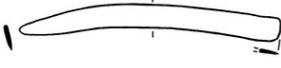
Гораздо реже, чем типы, использовались их варианты (например, №№50, 59, 101, 104). Это происходило только в тех случаях, когда в хронологическом отношении они оказывались более чувствительными, чем типы, которым они принадлежат.

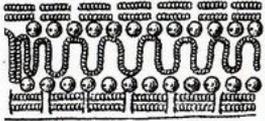
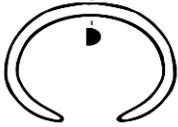
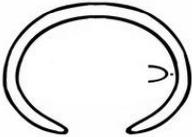
Наконец нужно сказать несколько слов еще об одном типологическом подразделении – группы типов. Всего было использовано 5 таких групп, и все они относятся к VI или VII периодам (№№84, 88, 96, 99, 100). Каждая из них состоит из родственных и синхронных типов. Эти последние были объединены в группы из-за дефицита замкнутых комплексов в материалах двух последних периодов. Вероятно в дальнейшем с пополнением фонда источников эти группы могут быть расформированы.

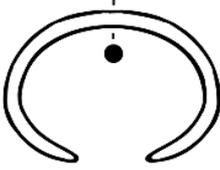
Ниже приводятся дефиниции всех 107 подразделений в той последовательности, в какой они размещены по горизонтальной оси таблицы (табл. I) Подавляющее их большинство уже было описано в работах отечественных и зарубежных исследователей. Это зафиксировано соответствующими литературными ссылками, но все дефиниции этих подразделений были сформулированы нами. Если они не полностью совпадают с авторскими определениями, то это оговаривается. К сказанному еще следует добавить, что в каталоге приводятся ссылки только на основную литературу и, как правило, новую.

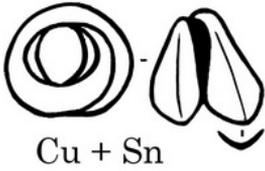
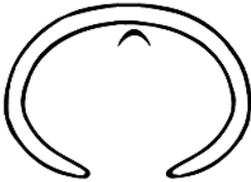
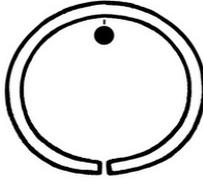
№	Описание	Рисунок
1	<p>Короткоперые наконечники копий и дротиков с несомкнутой (кованой) сквозной втулкой. Тип куштау. <i>Сальников, 1962. С. 69, рис. 3, 9; Черных, 1970. С. 58, рис. 45, 4.6; Кузьмина, 2000. С. 91, рис. 24, 2.3.</i></p>	

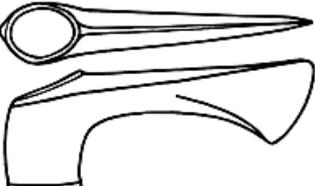
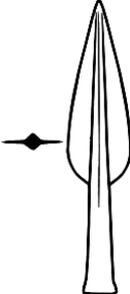
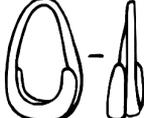
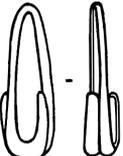
СТАТЬИ

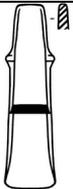
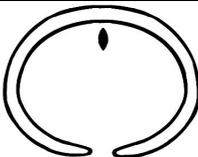
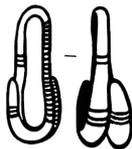
<p>2</p>	<p>Длинноперые наконечники копий и дротиков с несомкнутой (кованой) сквозной втулкой. Дополнительный признак - односторонний желобок в верхней части втулки. Тип красный яр. <i>Сальников, 1962. С. 70, рис. 4, 1.2; Черных, 1970. С. 53, рис. 45, 7.8.</i></p>	
<p>3</p>	<p>Браслеты с несомкнутыми концами, согнутыми из ромбического в сечении тонкого прута. Тип алгаша. <i>Черных, 1970. рис. 61. 29-31.</i></p>	
<p>4</p>	<p>Короткоперые наконечники копий и дротиков с несомкнутой (кованой) слепой втулкой. Тип верхний кизыл. <i>Тихонов, 1960. С. 31, табл. XXV, 2; Сальников, 1962. С. 69; 70, рис. 2, 8; Черных, 1970. С. 53, рис. 45, 10.11; Кузьмина, 2000. С. 90, рис. 21, 21.</i></p>	
<p>5</p>	<p>Маленькие круглые в плане бляшки, полуовальные в сечении и с двумя отверстиями в их основании. Бляшки-полугорошины. <i>Кузьмина, 1992. С. 49.</i></p>	
<p>6</p>	<p>Браслеты с несомкнутыми концами, свернутые из желобчато-ребристых в сечении узких пластин. Тип верхний кизыл. <i>Черных, 1970. С. 70, рис. 61; 63-68; Кузьмина, 2000. С. 97, рис. 7,11; 10, 15.16.</i></p>	
<p>7</p>	<p>Проушные топоры со сравнительно узким обухом, со скосом передней (верхней) стенки втулки и со слегка изогнутой спинкой клина. Тип абашево или тип узковислообушных топоров. <i>Тихонов, 1960. С. 59-62; Черных, 1970. С. 58, рис. 5, 2.3.5-21; Корневский, 1973. С. 44-47, рис. 4, 1-15; 17.18; Кузьмина, 2000. С. 79-88, рис. 17.18.</i></p>	
<p>8</p>	<p>Узкие (ширина лезвия 1-1,5 см) и слабоизогнутые (высота изгиба лезвия 0-1,5 см) серпы (жатвенные ножи). Тип береговка. <i>Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 31-35, табл. 1; 2.</i></p>	

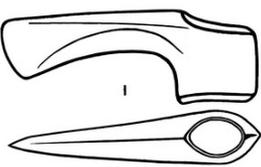
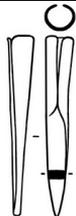
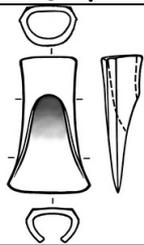
9	<p>«Шитье» – ленты из кожи или ткани с нашитыми на них металлическими украшениями (бляшками, пронизями, бусами), образующими различные узоры. Кузьмина, 1992. С. 49, табл. 42.</p>	
10	<p>Многовитковые (не менее 4 витков) проволочные перстни, один или оба конца которых закручены в спираль. Тип алгаши. Кузьмина, 1992. С. 54, табл. 37, 2.</p>	
11	<p>Бляшки-розетки с округлой выпуклиной в центре, от которой отходит несколько (7–9) отдельных лепестков. Снабжены двумя отверстиями для подвешивания. Тип абашево. Кузьмина, 1992. С. 53, табл. 40.</p>	
12	<p>Маленькие (средний диаметр 0,6–1 см) круглые в плане и желобчатые в сечении серебряные подвески в 1,5 оборота. Тип абашево. Черных, 1970. С. 109, рис. 62, 8; Кузьмина, 1992. С. 52, табл. 38.</p>	
13	<p>Браслеты с несомкнутыми концами, согнутые из подтреугольного в сечении тонкого прута. Черных, 1970. С. 70; 109, рис. 61, 20–27.</p>	
14	<p>Браслеты с несомкнутыми концами, согнутые из овально-желобчатой узкой (менее 0,5 см) пластины. Тип узко-желобчатых браслетов. Черных, 1970. Рис. 61, 48–51; Кузьмина, 2000. С. 97.</p>	
15	<p>Двулезвийные ножи с клинком лавролистной формы, и коротким черенком с ромбовидным расширением на его конце. Черных, 1970. Рис. 63, 25.26; Десярева, 2010. С. 106, рис. 48, 4.</p>	

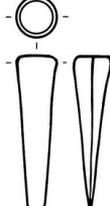
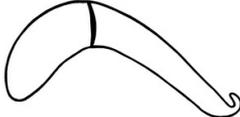
16	<p>Браслеты с несомкнутыми концами, согнутые из круглого в сечении тонкого (менее 0,5 см) прута. <i>Черных, 1970. С. 69, рис. 61, 6–11.</i></p>	
17	<p>Плоские топоры-тесла с очень незначительным скосом боковых (узких) граней орудия (соотношение ширины лезвия к ширине обушка не превышает значений 1,7–1,8). Тип коршуново. Подразделяется на три варианта. Под №17 представлен первый (абашевский) вариант этого типа. Он отличается тем, что его орудия имеют наибольшую ширину обушка. <i>Тихонов, 1960. С. 66, табл. II, 4; Черных, 1970. С. 62; Пряхин, 1976. С. 133, рис. 23, 1–5; Кузьмина, 2000. С. 89, рис. 26, 1; Дегтярева, 2010. С. 91, рис. 36; Бочкарев, 2016 (в печати).</i></p>	
18	<p>Двулезвийные ножи с удлинненным до половины длины всего изделия черенком подпрямоугольной формы. Иногда у этих изделий встречается ассиметричная расковка лезвия. Тип подразделяется на несколько вариантов. <i>Пряхин, 1976. С. 143, рис. 27, 19–21; Кузьмина, 2000. С. 93, рис. 7, 1; Дегтярева, 2010. С. 101, рис. 6, 2.</i></p>	
19	<p>Криволезвийные (желобчатые) долота с несомкнутой (кованой) втулкой. <i>Тихонов, 1960. С. 79; Пряхин, 1976. С. 151, рис. 30, 4, 5; Дегтярева, 2010. С. 95, рис. 47, 7.</i></p>	
20	<p>Двулезвийные ножи с клинком лавролистной формы, со слабовыраженным перехватом и перекрестием и коротким черенком с расширением подромбической формы на его конце. Тип скорняково. Подразделяется на несколько вариантов. <i>Черных, 1970. С. 63, рис. 57, 29–46; Пряхин, 1976. С. 147, 148, рис. 28, 9–20; Черных, Кузьминых, 1986. С. 101, рис. 58, 1–5. 7; Кузьмина, 2000. С. 93, рис. 9, 3; Дегтярева, 2010. С. 109–112, рис. 51, 52.</i></p>	

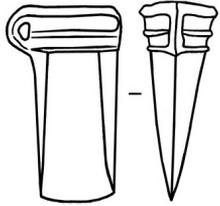
21	<p>Ножи этого типа повторяют все характерные признаки изделий предыдущего типа (№20) с той только разницей, что концы их черенков не имеют расширения. <i>Черных, 1970. С. 63, рис. 58, 1-12; 14-25; 27-29; Черных, Кузьминых, 1986. С. 101, рис. 58, 6.8.10; Дегтярева, 2010. С. 108, рис. 14.</i></p>	
22	<p>Сравнительно крупные (в среднем 1-2 см в диаметре) круглые в плане и желобчатые в сечении подвески в 1,5 оборота. По форме сечения лопасти подразделяется на два варианта - округло-желобчатые и ребристо-желобчатые. <i>Малов, 1992. С. 302, рис. 2, 3.4; 3, 1-6.</i></p>	 <p>Cu + Sn</p>
23	<p>Длинноперые наконечники копий с разомкнутой (кованой) слепой втулкой. Синташтинско-покровский тип. Соответствует КД-4 по Е.Н. Черныху и С.В. Кузьминых. <i>Черных, Кузьминых, 1986. С. 64-65, рис. 25; 26, 1.2; Дегтярева, 2010. С. 222-224, рис. 61, 1-7.</i></p>	
24	<p>Второй (синташтинский) вариант коршуновского типа (см. №17). Топоры-тесла этого варианта отличаются тем, что ширина их лезвия и обушка колеблется в средних значениях (соответственно 3-4 и 2-3 см). <i>Дегтярева, 2010. С. 92-94, рис. 37, 1-6; Бочкарев, 2016 (в печати).</i></p>	
25	<p>Браслеты с несомкнутыми концами, согнутыми из широкой (0,5 см и более) округло-желобчатой в сечении пластины. Тип браслетов широкожелобчатых. В зависимости от формы желобка браслеты делятся на два варианта: округло-желобчатые и плоско-желобчатые. <i>Аванесова, 1991. С. 67-68; Малов, 1992. С. 25-26, рис. 1, 12.15.</i></p>	
26	<p>Браслеты с несомкнутыми концами из толстого (до 0,5 см и более) круглого или овального в сечении прута (дрота). Тип покровск. Соответствуют разряду У-2 по классификации Е.Н. Черныха и С.В. Кузьминых. <i>Черных, Кузьминых, 1986. С. 132, рис. 73, 1-6; Малов, 1992. С. 26-28, рис. 1, 1-4. 9. 10. 14.</i></p>	

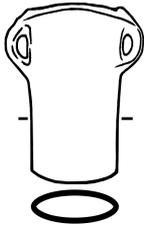
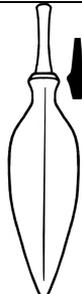
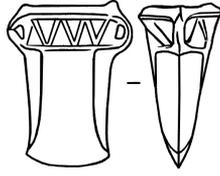
27	<p>Проушные топоры с удлиненным обухом, с небольшим скосом передней (верхней) стенки втулки, прямым клином с расширенным лезвием.</p> <p>Тип владимирский. По наличию или отсутствию бойка на обухе делятся на два культурно-территориальных варианта.</p> <p><i>Бочкарев, Кузьмина, 2015. С. 107–114, рис. 1, 2.</i></p>	
28	<p>Крупные (свыше 18 см длины) наконечники копий с длинным пером остролистной формы, цельнолитой втулкой, стержень которой имеет ромбическое или овально-ромбическое сечение.</p> <p>Тип сейменский. В зависимости от наличия или отсутствия ушка на втулке и характера оформления нижней части подразделяется на несколько разрядов: КД-28, 30, 32, 34, 36 по классификации Е.Н. Черныха и С.В. Кузьминых.</p> <p><i>Черных, Кузьминых, 1986. С. 73–81; Бочкарев, 2004. С. 391–398.</i></p>	
29	<p>Небольшие (длина 2–3 см) овальные в плане височные подвески в 1,5 оборота.</p> <p>В зависимости от формы сечения лопастей подразделяются на два территориальных варианта – желобчатые и прутковые. Тип 7 по С.А. Агапову и А.Ю. Иванову.</p> <p><i>Агапов, Иванов, 1976. С. 50.</i></p>	
30	<p>Группа разнообразных подвесок из сурьмы или их копии из других цветных металлов.</p> <p>По форме щитка разделяются на несколько типов: ромбические, треугольные, лапчатые и т. д.</p> <p><i>Литвиненко, 1996. С. 98–101; Луньков, Лунькова, 2005. С. 43–45; Гак и др., 2012. С. 189–197, рис. 7, 54–58; 60–80.</i></p>	
31	<p>Длинные (более 3 см) овальные в плане височные подвески в 1,5 оборота.</p> <p>В зависимости от формы сечения лопастей делятся на два территориальных варианта: желобчатые и прутковые. Подвески первого варианта часто плакированы золотом и украшены нарезным и пуансонным орнаментом. Частично соответствуют типу IV₂ по Н.А. Аванесовой.</p> <p><i>Аванесова, 1991. С. 51–56, рис. 47, 49. 59. 60. 62.</i></p>	

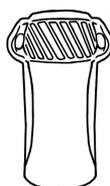
32	<p>Втульчатые крюки с несомкнутой (кованой) втулкой. Разряд Р-2 по Е.Н. Черныху. <i>Черных, 1976. С. 110, табл. XXXII, 1-4; Дегтярева, 2010. С. 112, рис. 57, 1.</i></p>	
33	<p>Плоские топоры-тесла с зауженным обушком (отношение ширины лезвия к ширине обушка равно 1,8/1,9-2,5/2,6). В плане имеют форму узко-вытянутой трапеции. Комаровский тип. Соответствуют I группе Б.Г. Тихонова и II группе Е.Н. Черныха. <i>Тихонов, 1960. С. 66-67; Черных, 1970. С. 106; Бочкарев, 2016 (в печати).</i></p>	
34	<p>Удлиненные (отношение длины орудия к ширине их лезвия 4,2-4,3 см) плоские топоры-тесла с боковыми выступами (цапфами). <i>Тихонов, 1960. С. 56, табл. VIII, 21; Черных, 1970. С. 106, рис. 32, 15, 16; Бочкарев, 2016 (в печати).</i></p>	
35	<p>Сравнительно сильно изогнутые серпы с невыделенным черенком и относительно широким клинком (3-3,2 см). Тип кундравенский (алакульский). <i>Тихонов, 1960. С. 69-70, табл. XX, 14; Черных, 1970. С. 63, рис. 54, 12-21; Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 43-47, рис. 5-7.</i></p>	
36	<p>Браслеты с несомкнутыми концами, согнутые из тонкого (диаметр менее 0,5 см) овального в сечении прута. <i>Шарафутдинова, Житников, 2011. С. 53, рис. 13, 8, 9, 26, 27; 16, 10; 23, 6, 7.</i></p>	
37	<p>Длинные (более 3 см в высоту) восьмерковидные в плане височные подвески в 1,5 оборота. Сечение их лопастей - округло-желобчатое. Часто они плакированы золотом и украшены нарезным или пуансоным орнаментом. Соответствуют типам 1-3 по классификации С.А. Агапова и А.Ю. Иванова. Частично совпадают с типом IV₂ по Н.А. Аванесовой. <i>Агапов, Иванов, 1976. С. 50; Аванесова, 1991. С. 54-56, рис. 47, 1-8; 43-51, 59.</i></p>	

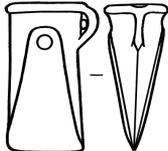
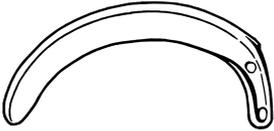
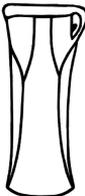
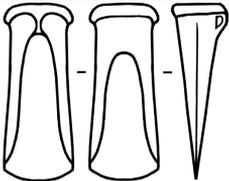
38	<p>Серпы с кованым крюком для крепления рукоятки, сравнительно сильно изогнутые (высота дуги 3–6 см) и узким (ширина 3–6 см) клинком.</p> <p>Ибракаевский тип. Подразделяется на ряд локальных вариантов. Под №38 фигурируют серпы приуральского и волго-донского вариантов.</p> <p><i>Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 59–73, рис. 14–20.</i></p>	
39	<p>Проушные топоры со сравнительно широким обухом, очень незначительным скосом передней (верхней) стенки втулки, прямым клином и с небольшим расширенным лезвием.</p> <p>Тип широкообуховых топоров. По метрическим данным разделяется на два культурно-территориальных варианта: срубный и алакульский. Соответствует IV и V группам по С.Н. Кореневскому.</p> <p><i>Кореневский, 1973. С. 47–52, рис. 7, 9; Бочкарев, 2013. С. 77–78, рис. 1, 15; 2, 18.</i></p>	
40	<p>Долота с разомкнутой (кованой) втулкой и поперечным лезвием.</p> <p>Тип копьевидных долот. Соответствует Т-24 по классификации Е.Н. Черных.</p> <p><i>Черных, 1976. С. 110, табл. XXXI, 5. 11–13.</i></p>	
41	<p>Цельнолитые, ассиметричные в профиле кельты-тесла со сквозной втулкой.</p> <p>Тип альдеряково.</p> <p><i>Черных, 1970. С. 58, рис. 48, 38.</i></p>	
42	<p>Криволезвийные (желобчатые) долота с литой втулкой без валикового утолщения ее края (гладковтульчатые). На лицевой стороне – арковидная фаска.</p> <p>Тип рэдени. Соответствует первому типу цельнолитых долот по классификации В.А. Дергачева.</p> <p><i>Дергачев, 2011. С. 218, рис. 136, 2. 9.</i></p>	

43	<p>Двулезвийные ножи и кинжалы с клинком остролистной формы, с четко выраженным перехватом и подромбическим плоским перехрестием на узком черенке. Соответствует каневскому типу по классификации И.Ж. Тутаевой. <i>Тутаева, 2014а. С. 24–27, табл. 1.</i></p>	
44	<p>Цельнолитые кинжалы с прорезной рукояткой подпрямоугольной формы и остролисным клинком. Рукоятка увенчана круглым в плане навершием (кнопкой) и отделена от клинка хорошо выраженным перехватом. Ее нижняя часть утолщена. Тип масловский. Соответствует типу VI-1 по классификации И.Ж. Тутаевой. <i>Тутаева, 2014а. С. 28, табл. 2.</i></p>	
45	<p>Цельнолитые гладковтульчатые долота-стамески с зауженным лезвием. Тип сафаалан. <i>Черных, 1978. С. 261, рис. 210, 2; Попандополо, 2001. С. 17, рис. 1, 2.</i></p>	
46	<p>Серпы с кованым крюком для крепления рукоятки, сравнительно сильно изогнутые (высота дуги 3–5 см) и широким (4–6 см) клинком. Перелобский тип. <i>Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 99–107, рис. 37, 488–495.</i></p>	
47	<p>Крупные (длиной свыше 18 см) длинноперые наконечники копий с пером остролистной формы и литой втулкой, украшенной орнаментом в виде трезубца с сильно выступающим вверх верхним зубом. Тип одаиле-подари. <i>Дергачев, 2011. С. 234–236, рис. 149, 1–4.</i></p>	

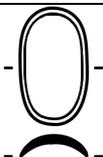
48	<p>Кельты с одним ушком, примыкающим к краю втулки, с трапецевидной фаской и орнаментальным пояском, опоясывающим орудие на уровне ушка. Обычно клин орудия суживается книзу, а лезвие иногда скошено в сторону ушка. Орнаментированный пояснок получил название дербеденовского.</p> <p>Тип дербедень. Соответствует первой группе дербеденовских кельтов по классификации Б.Г. Тихонова.</p> <p><i>Тихонов, 1960. С. 44, 45, табл. VIII, 6; Leskov, 1981. S. 37, taff. 4, B1.</i></p>	
49	<p>Серпы с откованным тонким стержнем для насадки рукоятки и равномерно изогнутой спинкой.</p> <p>Вторая группа позднекубанских серпов по классификации А.А. Иессена.</p> <p><i>Иессен, 1951. С. 110–111, рис. 48, 1. 2.</i></p>	
50	<p>Кельты средних пропорций (индекс отношения длины орудия к ширине его лезвия 2–3) с двумя ушками, примыкающими к краю втулки и трапецевидной фаской. Дополнительным признаком этого типа является наличие архаического вида орнамента («сейминская лесенка», вложенные углы и т.д.), ребра-гребни, отделяющие фаску, суживающийся к низу клин.</p> <p>Терешковский тип. Частично совпадает с разрядом К-52 по классификации Е.Н. Черныха.</p> <p><i>Черных, 1976. С. 83–84, табл. VII, 17.</i></p>	
51	<p>Небольшие (ср. длина около 13 см) длиннопереые наконечники копий и дротиков с одним или двумя ушками на литой втулке.</p> <p>Голоуоровский тип. Соответствует разряду П-23 по классификации Е.Н. Черныха.</p> <p><i>Черных, 1976. С. 103.</i></p>	
52	<p>Плоские топоры-гесла удлинненных пропорций (отношение длины орудия к ширине его лезвия – 4–5) с прямоугольным или трапецевидным сечением клина.</p> <p>Ульяновский тип. Частично совпадает с разрядом Т-8 по классификации Е.Н. Черныха.</p> <p><i>Черных, 1976. С. 108, табл. XXX, б. 7; Бочкарев, 2016 (в печати).</i></p>	

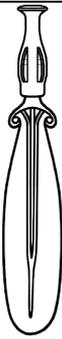
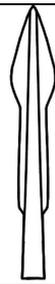
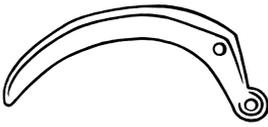
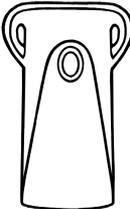
<p>53</p>	<p>Кельты с невыделенной фаской и двумя ушками, примыкающими к краю втулки. Лобойковский тип. Соответствует разряду К-54 по классификации Е.Н. Черныха. <i>Черных, 1976. С. 84, табл. VIII, 1-4; Leskov, 1981. S. 34-35. taff. 2, 1-3.</i></p>	
<p>54</p>	<p>Серпы с кованым крюком для крепления рукоятки, слабо изогнутым и широким клинком (высота дуги 0-2 см, max ширина клинка 5-8 см). Тип дербедень. Подразделяется на два территориальных варианта - дербеденовский и кабаковский.</p>	
<p>55</p>	<p>Бритвы с полукруглым или полуовальным вырезом в верхней части клинка и кольцевидным упором в основании черенка. Терешковский тип по классификации И.Ж. Гутаевой. <i>Гутаева, 2014b. С. 182, рис. 1, 4-13. 22.</i></p>	
<p>56</p>	<p>Ножи и кинжалы с клинком остролистной формы и кольцевидным упором в основании черенка. Кабаковский тип по классификации И.Ж. Гутаевой. <i>Гутаева, 2014a. С. 24-26, табл. 1.</i></p>	
<p>57</p>	<p>Кельты с двумя ушками, примыкающими к краю втулки, с трапецевидной фаской и орнаментальным «дербеденовским» пояском, опоясывающим орудие на уровне ушек. Может рассматриваться как двуушковый вариант кельтов дербеденовского типа (№48). Частично соответствует разряду К-52 по классификации Е.Н. Черныха. <i>Черных, 1976. С. 83-84, табл. VII, 14. 15. 19.</i></p>	

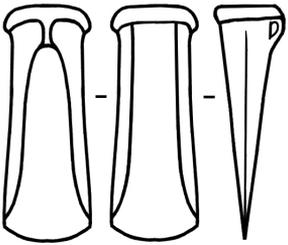
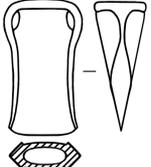
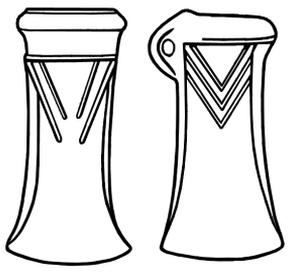
58	<p>Цельнолитые наконечники копий с широким прорезным пером остролистной формы. Все они имеют большие полуовальные прорезы, а втулка многих из них украшена таким же литым орнаментом, как у наконечников типа одаиле-подари (№47). Прохоровский тип по классификации И.Ж. Гутаевой. <i>Гутаева, 2016. С. 179, рис. 1, 1–3.</i></p>	
59	<p>Кельты с двумя ушками, примыкающими к краю втулки, и с так называемой кардашинской фаской, украшенные на уровне ушек архаическим видом орнамента («сейминский поясок», «дербеденовский поясок», вложенные углы и т. д.). «Кардашинская фаска» образована ребрами или гребнями, спускающимися от ушек к углам лезвия орудия. Частично соответствует разряду К-68 по классификации Е.Н. Черных. <i>Черных, 1976. С. 80–81, Табл. VII, 1–11.</i></p>	
60	<p>Ковано-литые булавки с головкой в виде плоского щитка ромбической формы. Верхний угол щитка раскован и свернут в трубочку. Многие булавки этого типа украшены штампованным и пуансонным орнаментом. Тип подразделяется на несколько вариантов. <i>Шарафутдинова, 1987. С. 73. рис. 2, 1–7. 17; Дергачев, 2011. С. 231–234, рис. 147–148.</i></p>	
61	<p>Ножи и кинжалы с клинком лавролистной формы и кольцевидным упором в основании черенка. Тип макеевский по классификации И.Ж. Гутаевой. <i>Гутаева, 2014а. С. 24–26, табл. 1.</i></p>	
62	<p>Криволезвийные (желобчатые) долота с литой втулкой, край которой укреплен одним валиком. На лицевой стороне – арковидная фаска. Частично соответствует разряду Т-22 по классификации Е.Н. Черных. <i>Черных, 1976. С. 109–110.</i></p>	

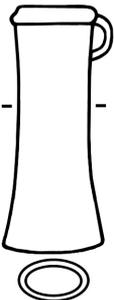
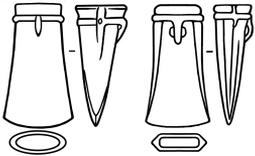
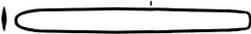
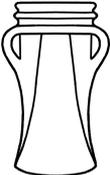
63	<p>Кельты с одним ушком, примыкающим к краю втулки, с фаской в форме арки с закругленным сводом и отверстием («пещеркой») под ним.</p> <p>Тип ришешти. В румынской литературе известен как восточно-трансильванский тип. Соответствует разряду К-34 по классификации Е.Н. Черныха и группе «А» В.А. Дергачева.</p> <p><i>Черных, 1976. С. 77-78, табл. VI, 2. 3; Дергачев, 2011. С. 34-36, табл. 1-7.</i></p>	
64	<p>Сравнительно узкие, дуговидно изогнутые серпы с выделенным черенком и двумя отверстиями на нем для крепления рукоятки.</p> <p>Тип и вариант хелештени. Соответствует разряду С-2/ С-4 по классификации Е.Н. Черныха.</p> <p><i>Черных, 1976. С. 89, табл. XII, 1-7. 9. 10. 12-18; Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 237-250, табл. 81-85.</i></p>	
65	<p>Серпы с литым крюком для крепления рукоятки, с изогнутым и сравнительно узким клинком.</p> <p>Тип гермэнешти. Подразделяется на несколько вариантов. Соответствует разряду С-24/С-26 по классификации Е.Н. Черныха.</p> <p><i>Черных, 1976. С. 96-97, табл. XX, 1-14; табл. XXIII-XXV; Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 188-237, табл. 61-77.</i></p>	
66	<p>Кельты с одним ушком, примыкающим к краю втулки, и с усложненной фасетированной фаской.</p> <p>В румынской и венгерской литературе их принято называть кельтами старшего трансильванского типа. Подразделяется на несколько вариантов. Соответствует разрядам К-42 и К-44 по классификации Е.Н. Черныха.</p> <p><i>Черных, 1976. С. 80-81, табл. VII, 1-11.</i></p>	
67	<p>Безушковые кельты с валиком, опоясывающим край втулки, и с трапецевидной фаской.</p> <p>Частично соответствует типам плоешти и касимча по классификации В.А. Дергачева.</p> <p><i>Дергачев, 2011. С. 116-120, рис. 68, 10; 69, 14-17.</i></p>	
68	<p>Цельнолитые кельты-тесла с симметричным профилем, с лобным ушком, примыкающим к краю втулки, и арковидными фасками на обеих сторонах орудия.</p> <p>Соответствует разряду К-28 по классификации Е.Н. Черныха.</p> <p><i>Черных, 1976. С. 76-77, табл. V, 9.</i></p>	

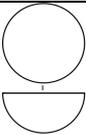
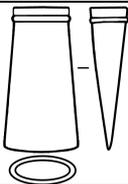
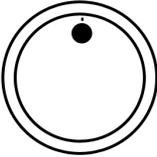
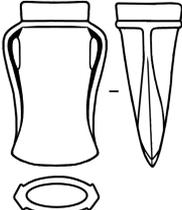
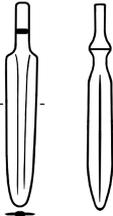
СТАТЬИ

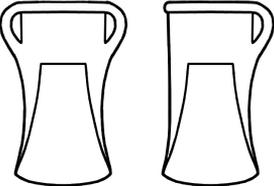
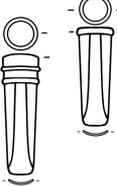
69	<p>Кельты с одним ушком, примыкающим к краю втулки, и с фаской в форме арки с закругленным сводом. Тип негрешти. Соответствует разряду К-32 по классификации Е.Н. Черных. <i>Черных, 1976. С. 77, табл. V, 11-18; Дергачев, 2010. С. 47-64, табл. 8-9.</i></p>	
70	<p>Кельты удлинённых пропорций (индекс отношения длины орудия к ширине его лезвия равен 3 или больше 3), с одним ушком, примыкающим к краю втулки, и трапецевидной фаской. Частично соответствует разряду К-38 по классификации Е.Н. Черных. <i>Черных, 1976. С. 79-80, табл. VI, 11.</i></p>	
71	<p>Крупные бляхи овальной формы. Тип андрова. <i>Писларий, Будылкина, 1982. С. 65, рис. 3, 2.</i></p>	
72	<p>Плоские подвески подтреугольной формы, верхний угол которых завершается тремя крестообразно размещенными кольцами. Эти изделия обычно являются частью более сложных составных подвесок, известных в литературе под названием подвески солонечного типа. Подразделяются на несколько вариантов. <i>Тереножкін, 1964. С. 204, рис. 2; Черных, 1978. С. 129, табл. XL, 26-27. 33-34. 36; Шарафутдинова, 1987. С. 75-78, рис. 4, 5. 1-12; Дергачев, 2012b. С. 166-168, илл. 7-8.</i></p>	
73	<p>Бритвы с полукруглым вырезом в верхней части клинка, круглым отверстием ниже выреза и кольцевидным упором на черенке. Наибольшее расширение клинка приходится на его верхнюю часть. Тип вязовок или С-6 по классификации И.Ж. Тутаевой. <i>Тутаева, 2014b. С. 162-184, рис. 1, 14. 15.</i></p>	
74	<p>Цельнолитые втульчатые долота с поперечным лезвием. Группа копьевидных долот. <i>Bočkarov, Leskov, 1980. S. 16. 57, taff. 4. 46a; Usureli, 2010. S. 15, fig. 4, 3. 6. 7. 10. 11; Дергачев, 2012a. С. 157, илл. III. 18.</i></p>	

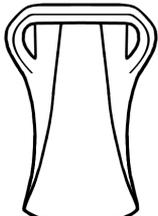
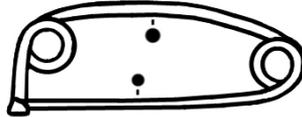
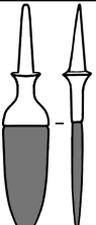
75	<p>Короткие мечи и кинжалы с широким клинком лавролистной формы, дуговидным перекрестием, концы которого загнуты в спиральные кольца, и массивным или овальным упором на черенке. Рукоятка может изготавливаться как из органических материалов, так и из металла.</p> <p>Красномаяцкий тип. Подразделяется на несколько вариантов. Соответствует четвертому типу по классификации И.Т. Черныкова и разряду Н-48/50 Е.Н. Черных.</p> <p><i>Черныков, 1964. С. 115–116, рис. 12, 1–2; Черных, 1976. С. 123, табл. XXXVII, 1–3. 5–7; Тутаева, 2014а. С. 24–26, табл. 1.</i></p>	
76	<p>Цельнолитые коротковтульчатые наконечники дротиков, у которых перо примерно на середине своей длины резко сужается и спускается вниз в виде двух узких, параллельно идущих крыльев.</p> <p>Красномаяцкий тип.</p> <p><i>Черныков, 1964. С. 116, рис. 13, 1. 3; Черных, 1976. С. 102, табл. XXVIII, 1. 3–8; Бочкарев, 2004. С. 391–393, рис. 5, 6.</i></p>	
77	<p>Цельнолитые коротковтульчатые наконечники копий и дротиков, у которых перо плавно сужается книзу.</p> <p>Частично соответствует типу дремайловка по классификации В.И. Клочко.</p> <p><i>Клочко, 1995. С. 89–94, abb. 5, 1. 3–4.</i></p>	
78	<p>Тип хелештени (см. №64). Вариант чут.</p> <p>Серпы этого варианта отличаются малыми размерами (длина по хорде 12–14 см), а также тем, что конец черенка у ряда экземпляров оформлен в виде полукольца.</p> <p><i>Дергачев, Бочкарев, 2002. С. 250–256, рис. 86, 1198–1204; 87, 1205–1208.</i></p>	
79	<p>Кельты с двумя ушками, примыкающими к краю втулки, с фаской в форме арки с закругленным сводом и отверстием («пещеркой») под ним.</p> <p>Соответствует разряду К-58 по классификации Е.Н. Черных.</p> <p><i>Черных, 1976. С. 84–85.</i></p>	

<p>80</p>	<p>Цельнолитые кельты-тесла с асимметричным или симметричным профилем, лобным ушком, примыкающим к краю втулки, и разноформатными фасками на передней и задней стенках орудия. Передняя стенка имеет трапецевидную фаску, а задняя (с ушком) – арковидную. Разделяется на два варианта, в зависимости от профиля орудия. <i>Тихонов, 1960. С. 46, табл. X. 9. 11.</i></p>	
<p>81</p>	<p>Кельты с двумя ушками, примыкающими к краю втулки, и с так называемой кардашинской фаской (см. №59). Могут быть орнаментированы. Частично соответствуют разрядам К-66 и К-68 по классификации Е.Н. Черныха. <i>Черных, 1976. С. 86-87, табл. VIII, 9-11. 13. 14.</i></p>	
<p>82</p>	<p>Плоские удлиненные тесла-стамески с кольцевидным ушком на одной из широких сторон. <i>Дергачев, 2012а. С. 159, илл. II, 18. 15.</i></p>	
<p>83</p>	<p>Булавки с биконической или круглой головкой, на которой есть косо расположенное отверстие. <i>Шарафутдинова, 1987. С. 74, 75, рис. 2, 11.</i></p>	
<p>84</p>	<p>Безушковые или одноушковые кельты с подпрямоугольной фаской, украшенные так называемым клиновидным орнаментом. Отличительным признаком орудий этой группы является массивный валик, идущий по краю втулки. От него может отходить ушко. Эти кельты характерны для средневропейских и карпато-дунайских материалов ступеней D и особенно NaA1. Тип Peterd по классификации В.А. Дергачева. <i>Brunn, 1968. S. 30. 37, abb. 1, 13; 2, 17; Dergachev, 2002. S. 174-175, taff. 37, A4; 126.</i></p>	

85	<p>Кельты стройных пропорций (индекс отношения длины орудия к ширине его лезвия более 3), с одним ушком, примыкающим к краю втулки и с невыделенной фаской. Частично соответствует разряду К-36 по классификации Е.Н. Черных. По мнению А. Можелич кельты этого типа появляются в горизонте <i>Aganuos</i> и продолжают существовать в следующем горизонте <i>Kurd</i>. <i>Черных, 1976. С. 78; Mozsolics, 1985. S. 36. taff. 1, 16. 18; 41, 10. 13.</i></p>	
86	<p>Цельнолитые наконечники копий со сравнительно узким пером и узкими прорезями. У них, как и у наконечников прохоровского типа (№58), выступающая часть втулки занимает около 1/3 длины изделия. Сабанчеевский тип по классификации И.Ж. Тутаевой. <i>Тутаева, 2016. С. 179, рис. 1, 7-9.</i></p>	
87	<p>Цельнолитые длинноперые наконечники копий или дротиков небольших размеров (средняя длина 12-13 см). Перо имеет остролистную форму. <i>Bočkarov, Leskov, 1980. S. 35, taff. 15a, 149b. 151a; Leskov, 1981. S. 45. 46, taff. 4. H. 1.</i></p>	
88	<p>Цельнолитые кельты-тесла с симметричным профилем, лобным ушком, опущенным ниже края втулки, с невыделенной или со слегка намеченной трапецевидной фаской. Тип мындрешти по классификации В.А. Дергачева. <i>Dergačev, 2002. S. 120, taff. 37A, 1. 2.</i></p>	
89	<p>Узкие бесчеренковые ножи-пилки с двумя параллельными лезвиями. У некоторых из них по лезвию идут насечки. <i>Черных, 1976. С. 115, табл. XXXV, 1-9; Dergačev, 2002. S. 179, taff. 51, 2-4.</i></p>	
90	<p>Кельты с двумя ушками, опущенными ниже края втулки и с фаской трапецевидной формы. Частично соответствует разряду К-50 по классификации Е.Н. Черных. <i>Черных, 1976. С. 87, Bočkarov, Leskov, 1980. S. 55; Leskov, 1981. S. 16; Bočkarov, 2008. С. 246-247, рис. 1, 3; 2, 2. 3.</i></p>	

91	<p>Круглые в плане и полуовальные в профиле небольшие чаши. <i>Leskov, 1981. S. 55–56, taff. 4E, 4; Iconomi, 1977. S. 217–218, fig. 19–20.</i></p>	
92	<p>Безушковые кельты-тесла, симметричные в профиле с невыделенной фаской. Соответствуют разряду К-4 по классификации Е.Н. Черныха. <i>Черных, 1976. С. 69–72, табл. II, 9; Dergachev, 2002. S. 120, taff. 68. A. 414.</i></p>	
93	<p>Цельнолитые массивные кольцообразные браслеты. Сечение браслетов – круглое, овальное или ромбическое. Иногда могут быть орнаментированы. Частично соответствуют разряду У-42 по классификации Е.Н. Черныха. <i>Черных, 1976. С. 131; Шарафутдинова, 1987. С. 82–83, рис. 1, 14; 7, 4.</i></p>	
94	<p>Кельты с двумя ушками, опущенными ниже края втулки и с «кардашинской» фаской (см. №59). Иногда бывают орнаментированные. Частично соответствуют разрядам К-70/72 Е.Н. Черныха и варианту б кардашинского типа по классификации В.А. Дергачева. <i>Черных, 1976. С. 87–89, табл. VIII, 15–19; Dergachev, 2002. S. 118–119, taff. 47B, 1. 2.</i></p>	
95	<p>Криволезвийные (желобчатые) долота с литой втулкой, ниже края которой проходит один или два горизонтальных валика. На лицевой стороне – арковидная фаска. Частично соответствует разряду Т-22 по классификации Е.Н. Черныха и второму типу В.А. Дергачева. <i>Черных, 1976. С. 109–110, табл. XXXI, 9; Dergachev, 2011. С. 218–221, рис. 136, 29–31.</i></p>	
96	<p>Черенковые ножи, клинки которых имеют параллельные лезвия. В эту группу вошли ножи как с кольцевидным упором на черенке, так и без него. Те и другие отличаются небольшими размерами. Известны бронзовые, железные и биметаллические изделия этой группы. <i>Leskov, 1967. С. 146–150, рис. 1, 11; 2, 10. 17. 18; 3, 10. 11; Черных, 1976. С. 117, табл. XXXV, 13. 14.</i></p>	

97	<p>Круглые в сечении небольшие пронизи с несколькими поперечными валиками. Изготавливались из металла, кости и пасты. <i>Гершкович и др., 1987. С. 211, рис. 2, 2. 6; Тоцев, 1984. С. 28, рис. 2, 8.</i></p>	
98	<p>Небольшие подвески воронковидной формы. Соответствуют разряду У-20 по классификации Е.Н. Черных. <i>Черных, 1976. С. 129-130, табл. XI. 30. 32; Der-gačev, 2002. S. 183-184, taff. 52. R. 1.</i></p>	
99	<p>Кельты укороченных (низких) пропорций (индекс отношения длины орудия к ширине его лезвия не превышает значения 2) с одним или двумя ушками, примыкающими к краю втулки, и с фаской в форме арки с прямым сводом. <i>Лесков, 1967. С. 149-154, рис. 2, 9. 11. 12; Воцкарев, Leskov, 1980. S. 52-53, taff. 9, 79; 10. 81, 82; Гершкович, Клочко, 1987. С. 103, 109, рис. 3, 1a. 1a.</i></p>	
100	<p>Небольшие (длиной 5-7 см) криволезвийные долота с трапецевидной фаской на обеих широких сторонах орудия. Горизонтальный валик может окаймлять край втулки или находиться немного ниже его. Завадовский тип. <i>Воцкарев, Leskov, 1980. S. 56-57, taff. 9, 78a,b.; Гершкович, Клочко, 1987. С. 103, рис. 1, а.в.з.ж; 2,б.</i></p>	
101	<p>Кельты укороченных (низких) пропорций (индекс отношения длины орудия к ширине его лезвия не превышает значения 2) с одним ушком, примыкающим к краю втулки и трапецевидной фаской. Частично соответствуют третьему типу одноушковых кельтов по классификации В.С. Бочкарева и А.М. Лескова. <i>Воцкарев, Leskov, 1980. S. 55, taff. 8, 71a; 10, 83a.</i></p>	
102	<p>Цельнолитые наконечники копий и дротиков с удлиненным и сравнительно узким пером с прорезями. Перо имеет остролиственную или пламевидную форму. Завадовский тип. <i>Тутаева, 2016. С. 179, рис. 1, 12.</i></p>	

<p>103</p>	<p>Длинные булавки с кольцевидной головкой сравнительно небольших размеров (диаметр 1–1,6 см). Соответствуют первому варианту второго типа булавок с кольцевидной головкой по классификации В.С. Бочкарева. <i>Бочкарев, 2009. С. 357–365, рис. 2. 3.</i></p>	
<p>104</p>	<p>Кельты укороченных (низких) пропорций (индекс отношения длины орудия к ширине его лезвия не превышает значения 2) с двумя ушками, примыкающими к краю втулки, и трапецевидной фаской. Частично соответствует разряду К-48 по классификации Е.Н. Черныха. <i>Черных, 1976. С. 81–83.</i></p>	
<p>105</p>	<p>Небольшие (диаметр 1–2,5 см) круглые в плане височные подвески в один или полтора оборота, согнутые из выпукло-вогнутой пластины. Иногда украшены пуансонным орнаментом. Изготавливались как из бронзы, так и из золота. Белозерский тип. <i>Ванчугов, 1990. С. 98; Ванчугов и др., 1992. С. 42–44, рис. 13, 4.</i></p>	 <p>Au</p>
<p>106</p>	<p>Проволочные двуспиральные фибулы с гладкой спинкой. Тип VBFПЗА по классификации северопонтийских фибул М.Т. Кашубы. <i>Kašuba, 2008. S. 208–214, abb. 13. 14.</i></p>	
<p>107</p>	<p>Биметаллические ножи с клинком листовидной формы, черенок которых имеет кольцевидный упор. Клиновья часть изготавливалась из железа, а его основание и черенок – из бронзы. <i>Березанская и др., 1986. С. 136, рис. 42, 5. 6.</i></p>	

Литература:

Bočkarev V.S., Leskov A.M. Jung- und spätbronzezeitliche Gussformenimnördlichen Schwarzmeergebiet. Prähistorische Bronzefunde, Ab. XIX, Bd. 1. München, 1980.

Brunn W.A. Mitteldeutsche Hortfunde der jüngeren Bronzezeit. Röm.-Germ. Forsch. 29. Berlin, 1968.

Dergacev V.A. Die aneolithischen und bronzezeitlichen Metallfunde aus Moldawien. Prähistorische Bronzefunde, Ab. XX, Bd. 9. Stuttgart, 2002.

Enachiuc V. Der Bronzefund von Dridu, Kr. Ialomita // Bronzefunde aus Rumänien. Prähistorische Archäologie in Südosteuropa 10, Berlin: Wiss.-Verl. Spiess, 1995, 279–331.

Hänsel B. Das Gießepfer – zu einer Hortfundgruppe der Bronzezeit in Südosteuropa // Scripta praehistorica in honorem Biba Teržan. Ljubljana: Narodni Muzej Slovenije, 2007, 169–181.

Hansen S. Studien zu den Metalldeponierungen während der älteren Urnenfelderzeit zwischen. Rhônetal und Karpatenbecken 1–2. Bonn: Habelt, 1994.

Iconomu C. Depozitul de bronzuri de la Tătărăni (comuna Dănești, jud. Vaslui). Cercetări Istorice 8 (1977), 213–229.

Kašuba M.T. Die ältesten Fibeln im Nordpontus. Versuch einer Typologie der einfachen Violinbogenfibeln im südlichen Mittel-, Süd- und Südosteuropa. Eurasia Antiqua 14 (2008), 193–231.

Kločko V. Zur bronzezeitlichen Bewaffnung in der Ukraine. Die Metallwaffen des 17 – 10 Jhs. v. Chr. Eurasia Antiqua 1 (1995), 81–163.

Leskov A.M. Jung- und spätbronzezeitliche Depotfunde im nördlichen Schwarzmeergebiet I (Depots mit einheimischen Formen). Prähistorische Bronzefunde, Ab. XX, Bd. 5. München, 1981.

Mozsolics A. Bronzefunde aus Ungarn. Depotfundhorizonte von Aranyos, Kurd und Gyermely. Budapest: Akademiai Kiadó, 1985.

Müller-Karpe H. Beiträge zur Chronologie der Urnenfelderzeit nördlich und südlich der Alpen. Römisch-Germanische Forschungen, Band 22. Berlin, 1959.

Petrescu-Dîmbovița M. Depozitele de bronzuri din România. București: Editura Academiei Republicii Socialiste România. 1977.

Ușurelu E. Apariția și evoluția dălților cu toc de înmănușare longitudinal în epoca bronzului din Europa de Est. Revista Arheologică Vol. VI, №2 (2010), 5–23.

Vinogradov V., Dudarev S. Spätbronzezeitliche Gräberfelder bei Majrtup in Čečenien. Eurasia Antiqua 6 (Zeitschrift für Archäologie Eurasien), 2000, 361–403.

Аванесова Н.А. Культура пастушеских племен эпохи бронзы Азиатской части СССР. Ташкент: Изд-во «Фан», 1991.

Агапов С.А., Иванов А.Ю. Об одном типе украшений срубной культурно-исторической общности Среднего Поволжья // Древние культуры Поволжья и Приуралья 221. Куйбышев: Гос. пед. ин-т им. В.В. Куйбышева, 1978, 49–51.

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чердниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова думка, 1986.

Бочкарев В.С. Развитие металлопроизводства в эпоху поздней бронзы (по материалам южной половины Восточной Европы) // Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н. э.). Самара: Самарский гос. пед. ун-т, 1995, 114–123.

Бочкарев В.С. Новые данные о прикубанском очаге металлургии и металлообработки эпохи поздней бронзы // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–V тыс. до н. э. К 100-летию со дня рождения А.А. Йессена. СПб: Гос. Эрмитаж, 1996, 96–97.

Бочкарев В.С. О функциональном назначении петель-ушек у наконечников копий эпохи поздней бронзы Восточной Европы и Сибири // Археолог: детектив и мыслитель: Сборник статей, посвящённый 77-летию Льва Самойловича Клейна, СПб: Изд-во СПбГУ, 2004, 385–408.

Бочкарев В.С. Северопонтийское металлопроизводство эпохи поздней бронзы. Производственные центры // Источники, «дороги», ареал распространения. Материалы тематической научной конференции, СПб., 18–21 декабря 2006 г., СПб: СПбГУ, 2006, 53–65.

Бочкарев В.С. Знаменская находка // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008. С. 245–252.

Бочкарев В.С. Металлические булавки с кольцевидной головкой эпохи поздней бронзы из юго-западного региона Восточной Европы // С.Н. Бибииков и первобытная археология. СПб: ИИМК РАН, 2009, 357–365.

Бочкарев В.С. Культурогенез и древнее металлопроизводство Восточной Европы. СПб: «Инфо Ол», 2010.

Бочкарев В.С. К вопросу об использовании металлических серпов и серповидных орудий в степных (скотоводческих) культурах эпохи поздней бронзы Восточной Европы. Российский археологический ежегодник 2 (2012), 194–214.

Бочкарев В.С. «Радиоуглеродная революция» и проблема периодизации памятников эпохи бронзы южной половины Восточной Европы // Принципы датирования памятников эпохи бронзы, железного века и средневековья: Материалы российско-германского colloquium. СПб: ИИМК РАН; СПбГУ, 2013, 59–77.

Бочкарев В.С. Срубно-алакульская зона металлопроизводства эпохи поздней бронзы // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 10. Саратов, 2013. С. 75–83.

Бочкарев В.С., Кузьмина О.В. О новом типе проушных топоров начальной поры эпохи поздней бронзы Донно-Волго-Уралья // Самарский край в истории России. Вып. 5. Материалы межрегиональной научной конференции. Самара: АНО «Издательство СНЦ», 2015, 107–114.

Бочкарев В.С. Плоские металлические топоры-гесла эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы (в печати).

Ванчугов В.П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Киев: Наукова думка, 1990.

Ванчугов В.П., Субботин Л.В., Дзиговский А.Н. Курганы приморской части Днестро-Дунайского междуречья. Киев: Наукова думка, 1992.

Васильев И.Б., Кузьмина О.В., Семенова А.П. Периодизация памятников срубной культуры лесостепного Поволжья // Срубная культурно-историческая общность (Пробл. формирования и периодизации). Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1985, 60–94.

Гак Е.И., Мимоход Р.А., Калмыков А.А. Сурьма в бронзовом веке Кавказа и юга Восточной Европы // Археологические вести. Вып. 18 (2012), 174–203.

Гершкович Я.П., Клочко В.И. Связи племен Нижнего Поднепровья в эпоху поздней бронзы (по материалам Завадовской литейной мастерской) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 1987, 101–114.

Гершкович Я.П., Клочко В.И., Оленковский Н.П. Литейная форма эпохи поздней бронзы из Нижнего Поднепровья // Советская археология, №3 (1987), 211–213.

Горбунов В.С. Бронзовый век Волго-Уральской лесостепи. Уфа: Башк. гос. пед. ин-т., 1992.

Горбунов В.С., Морозов Ю.А. Периодизация срубной культуры Приуралья // Срубная культурно-историческая общность (Пробл. формирования и периодизации). Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ин-т, 1985, 95–118.

Дегтярева А.Д. История металлопроизводства Южного Зауралья в эпоху бронзы. Новосибирск: Наука, 2010.

Дергачев В.А. Бронзовые предметы XII–VIII вв. до н. э. из Днестровско-Прутского Междуречья. Кишинев: Штиинца, 1975.

Дергачев В.А. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы. Кишинев: Штиинца, 1986.

Дергачёв В.А., Бочкарёв В.С. Металлические серпы поздней бронзы Восточной Европы. Кишинев: «Высшая Антропологическая Школа», 2002.

Дергачев В.А. Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 1: Одноушковые кельты с арковидными фасками. Кишинев: Изд. Полигр. Фирма «Центральная Типография», 2010.

Дергачев В.А. Топоры-кельты поздней бронзы Карпато-Подунавья. Вып. 2: Кельты и серпы Нижнего Подунавья. Кишинев: Изд. Полигр. Фирма «Центральная Типография», 2011.

Дергачев В.А. Клад поздней бронзы из села Баху в Республике Молдова. *Revista Arheologică* Vol. VIII, №1–2 (2012), 154–160.

Дергачев В.А. Новые комплексы и единичные находки металлических предметов поздней бронзы – раннего гальштата на территории Республики Молдова. *Revista Arheologică* Vol. VIII, №1–2 (2012), 161–181.

Дударев С.Л. Из истории связей населения Кавказа с киммерийско-скифским миром. Грозный: Чечено-Ингушский гос. ун-т, 1991.

Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей (основы периодизации). Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1998.

Иессен А.А. Прикубанский очаг металлургии и металлообработки в конце медно-бронзового века. Мат. и Исслед. Арх. СССР 23. Москва: Наука, 1951, 75–124.

История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. Бронзовый век. Самара: Изд-во СНЦ РАН, 2000.

Козенкова В.И. У истоков горского менталитета. Могильник эпохи поздней бронзы – раннего железа у аула Сержень-Юрт, Чечня. // *Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа 3.* Москва: Памятники исторической мысли, 2002.

Корневский С.Н. Металлические втульчатые топоры уральской горно-металлургической области // *Советская археология*, №1 (1973), 39–53.

Кузьмина О.В. Абашевская культура в лесостепном Волго-Уралье. Самара, 1992.

Кузьмина О.В. О соотношении абашевской и покровской культур // *Конвергенция и дивергенция в развитии культур эпохи энеолита-бронзы Средней и Восточной Европы (материалы конференции, часть II)*, СПб, 1995, 27–51.

Кузьмина О.В. Металлические изделия и вопросы относительной хронологии абашевской культуры // *Древние общества Юга Восточной Европы в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации)*, СПб: ИИМК РАН, 2000, 65–134.

Лесков А.М. О северо-причерноморском очаге металлообработки в эпоху поздней бронзы // *Памятники эпохи бронзы юга Европейской части СССР.* Киев: Наукова думка, 1967, 143–178.

Литвиненко Р.А. Сурьмяные подвески в памятниках степной бронзы и их кавказские аналогии // *Между Азией и Европой. Кавказ в IV–V тыс. до н. э. К 100-летию со дня рождения А.А. Иессена.* СПб: Гос.Эрмитаж, 1996, 98–101.

Литвиненко Р.А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк: Украинский культурологический центр, 1999, 4–23.

Луныков В.Ю., Луныкова Ю.В. Погребальные комплексы с сурьмяными подвесками эпохи поздней бронзы юга Восточной Европы // Пастушеские скотоводы Восточноевропейской степи и лесостепи эпохи бронзы (историография, публикации). Археология Восточно-Европейской лесостепи 19. Воронеж: Изд. Воронежского ун-та, 2005, 43–65.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992. С. 22–54.

Малов Н.М. Культурогенез в эпоху поздней бронзы Нижнего Поволжья // Известия СГУ. Новая серия. Серия История. Международные отношения. Т. 12, Вып. 1. 2012, С. 95–100.

Мерперт Н.Я. Сабанчеевский клад // Новое в советской археологии. Памяти Сергея Владимировича Киселёва. К 60-летию со дня рождения. Мат. и Исслед. Арх. СССР 130. Москва: Наука, 1965, 149–155.

Моргунова Н.Л., Халяпин М.В. Новые исследования памятников эпохи бронзы в Центральном Оренбуржье // Абашевская культурно-историческая общность: истоки, развитие, наследие. Чебоксары: ЧГИГН, 2003, 225–229.

Обыденнов М.Ф. Археологические культуры конца бронзового века Прикамья. Уфа: БЭК, 1998.

Обыденнов М.Ф., Шорин А.Ф. Археологические культуры бронзового века древних уральцев (черкаскульская и межовская культуры). Екатеринбург: Изд-во Урал. ист-та, 1995.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурностратиграфічні зіставлення). Київ: ІА НАНУ, 2001.

Писларий И.А., Будылкина Г.Н. Клад литейщика эпохи бронзы из с. Андово // Материалы по хронологии археологических памятников Украины: сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 1982, 61–67.

Попандопуло З.Х. Клады бронзовых изделий из коллекции Запорожского краеведческого музея // Музейний вісник, 1 (2001), 10–20.

Пряхин А.Д. Поселения абашевской общности. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1976.

Ромашко В.А. Заключительный этап позднего бронзового века Левобережной Украины (по материалам богуславско-белозерской культуры). Киев: Видавничий Дім «Скіф», 2013.

Сальников К.В. К истории древней металлургии на Южном Урале (металлургия абашевских племен). Археология и этнография Башкирии 1 (1962), 62–74.

Сериков Ю.Б., Корочкова О.Н., Кузьминых С.В., Стефанов В.И. Шайтанское озеро II: Новые сюжеты в изучении бронзового века Урала // Археология, этнография и антропология Евразии, 2 (38), 67–78.

Синюк А.Т. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж: Изд-во ВГПУ, 1996.

Тереножкін О.І. Поховання епохи бронзи біля с.Солонець. Археологія XVI (1964), 202–207.

Тереножкін А.И. Основы археологии предскифского периода // Советская Археология, №1 (1965), 63–85.

Тихонов Б.Г. Металлические изделия эпохи бронзы на Среднем Урале и в Приуралье. Очерки по истории производства в Приуралье и Южной Сибири в эпоху бронзы и раннего железа. Мат. и Исслед. Арх. СССР 90 (1960), 5–115.

Ткачев В.В. Степи Южного Приуралья и Западного Казахстана на рубеже эпох средней и поздней бронзы. Актобе: АОЦ ИЭА, 2007.

Тощев Г.Н. Памятники белозерского периода у с. Струмок Одесской области // Ранний железный век Северо-Западного Причерноморья. Киев: Наукова Думка, 1984, 24–32.

Тутаева И.Ж. Металлическое клинковое оружие эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья // Материалы IX Международной археологической конференции студентов и аспирантов «Проблемы археологии Восточной Европы» (материалы конференции). Ростов-на-Дону: Изд-во Южного федерального ун-та, 2014, 23–30.

Тутаева И.Ж. Металлические бритвы эпохи поздней бронзы Восточной Европы // Российский археологический ежегодник, 4 (2014), 178–193.

Тутаева И.Ж. Прорезные наконечники копий эпохи поздней бронзы Северного Причерноморья // Актуальная археология, 3. Новые интерпретации археологических данных. Тезисы международной научной конференции молодых ученых Санкт-Петербург, 25–28 апреля 2016 г. СПб: ИИМК РАН, 2016, 176–183.

Халиков А.Х. Приказанская культура // Свод археологических источников, В1-24. Москва: Наука, 1980.

Черных Е.Н. История древнейшей металлургии Восточной Европы // Мат. и Исслед. Арх. СССР, 132. Москва: Наука, 1966.

Черных Е.Н. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья // Мат. и Исслед. Арх. СССР 172. Москва: Наука, 1970.

Черных Е.Н. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. Москва: Наука, 1976.

Черных Е.Н. Горное дело и металлургия в древнейшей Болгарии. София: Болгарская Академия Наук, 1978.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В. Древняя металлургия Северной Евразии (сейминско-турбинский феномен). Москва: Наука, 1989.

Черняков И.Т. Красномаяцкий клад литейщика // Краткие сообщения о полевых и археологических исследованиях Одесского археологического музея за 1963 г. Одесса: Маяк, 1965, 87–123.

Шарафутдинова Э.С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобаковская культура) // Свод археологических источников, В1-11. Москва: Наука, 1980.

Шарафутдинова И.Н. Степное Поднепровье в эпоху поздней бронзы. Киев: Наукова думка, 1982.

Шарафутдинова Э.С. Периодизация срубной культуры Нижнего Подонья // Срубная культурно-историческая общность. Куйбышев: Куйбышев. гос. пед. ун-т, 1985, 146–183.

Шарафутдинова И.Н. Бронзовые украшения сабакинской культуры (К вопросу о контактах) // Межплеменные связи эпохи бронзы на территории Украины. Сборник научных трудов. Киев: Наукова думка, 1987, 68–86.

Шарафутдинова Э.С., Житников В.Г. Курганные могильники раннесрубной культуры на Верхнем Чире. (юг Среднего Подонья). СПб: Филологический факультет СПбГУ, Нестор-История, 2011.

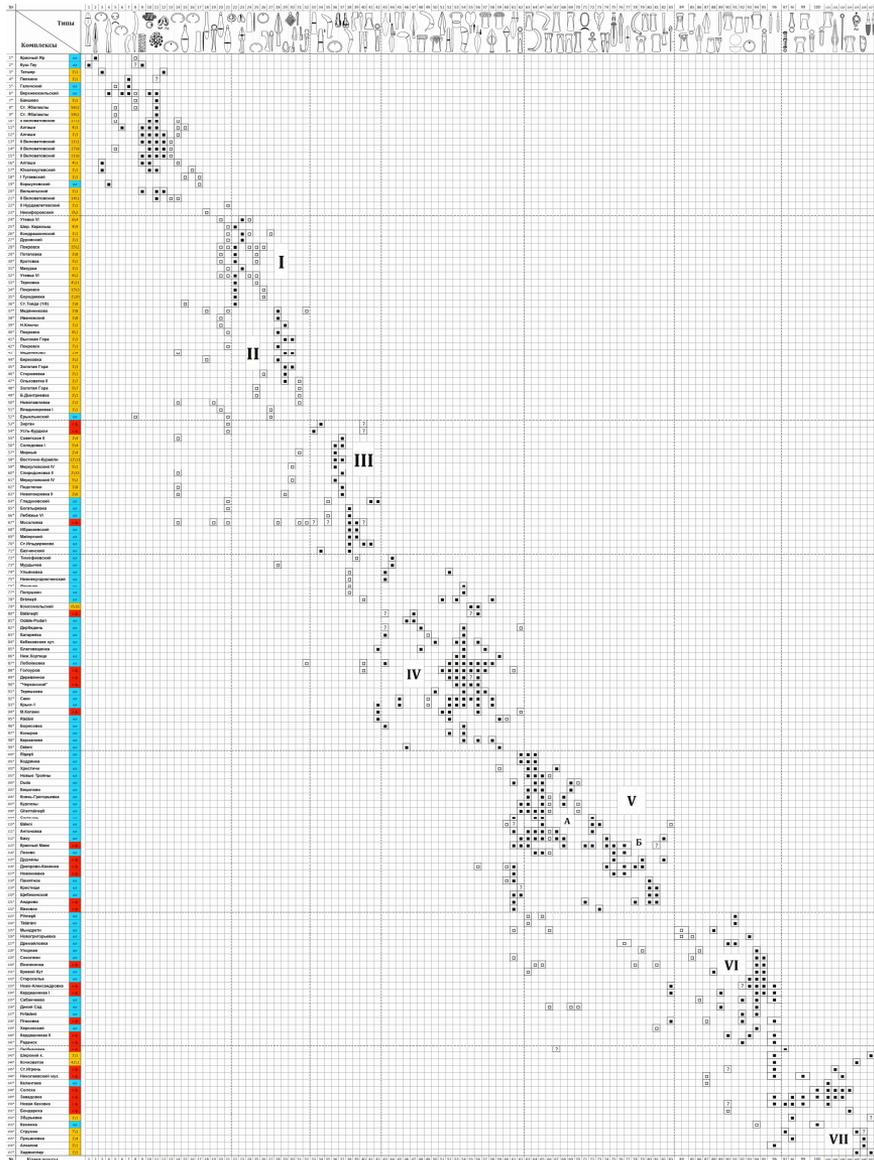

Таблица I. Таблица сопряженности типов и других типологических подразделений металлических изделий в замкнутых комплексах эпохи поздней бронзы южной половины Восточной Европы: I-VII – хронологические группы; А, В – подгруппы V группы; затемненными квадратами (■) обозначены ведущие типы; кл. – клады; 1/1 – могильники/погребения; л.ф. – литейные формы.

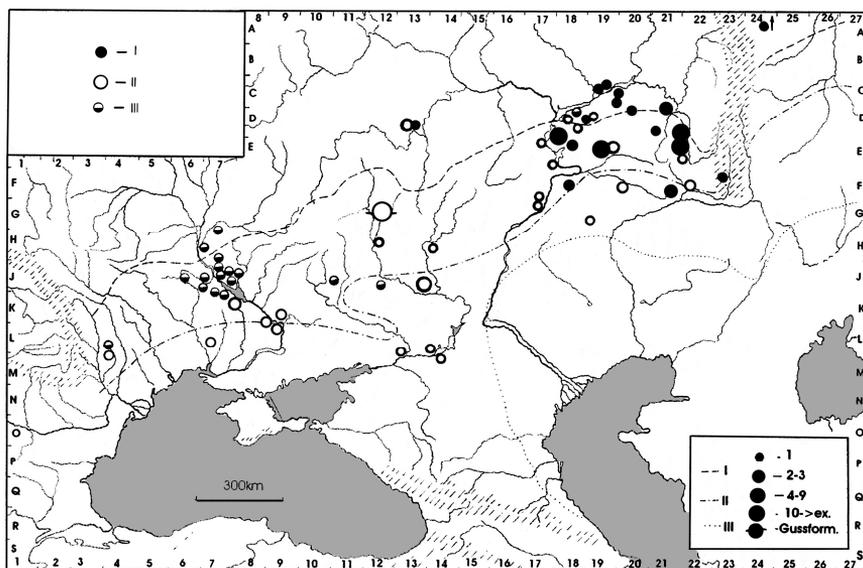

Рис. 1. Карта распространения серпов ибраевского типа (Дергачев/Бочкарев 2002, 61).

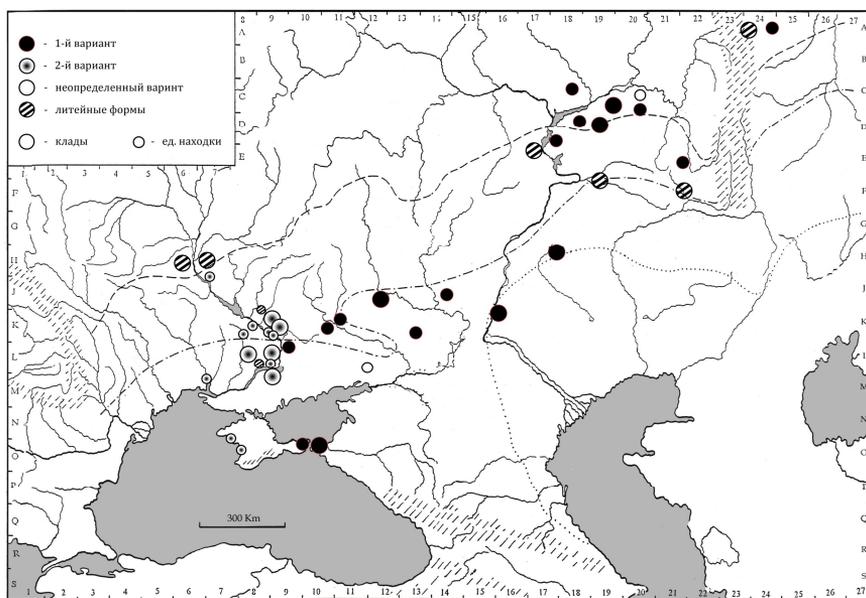

Рис. 2. Карта распространения серпов кабаковско-дербеденовского типа.

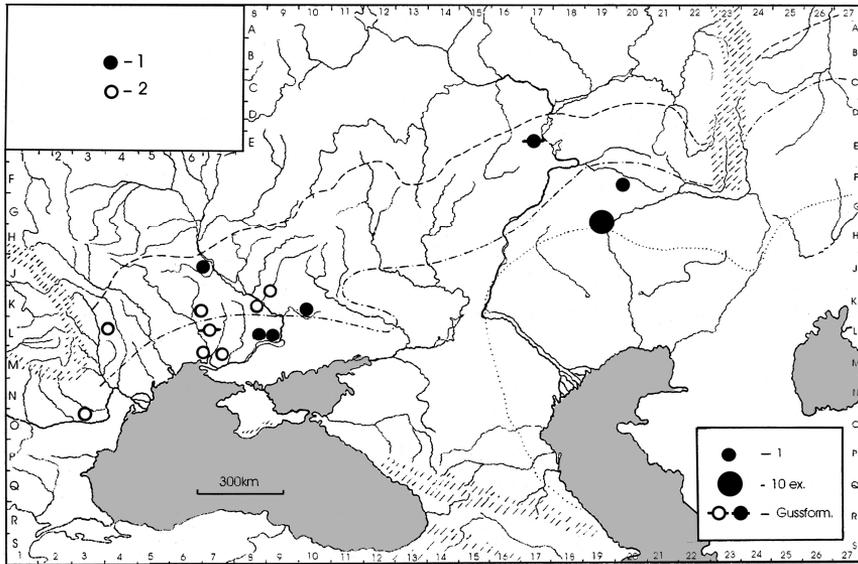

Рис. 3. Карта распространения серпов перелубского типа (Дергачев/Бочкарев 2002, 100).

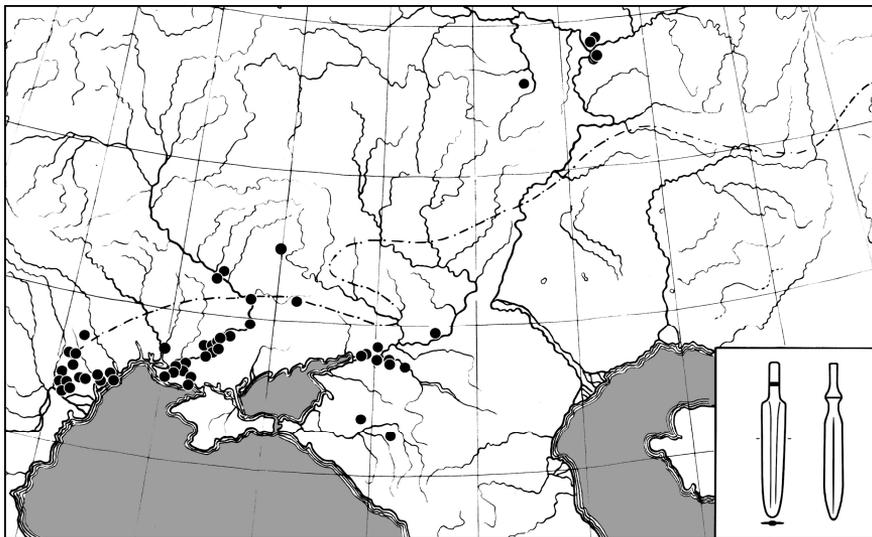

Рис. 4. Карта распространения ножей с параллельными лезвиями.

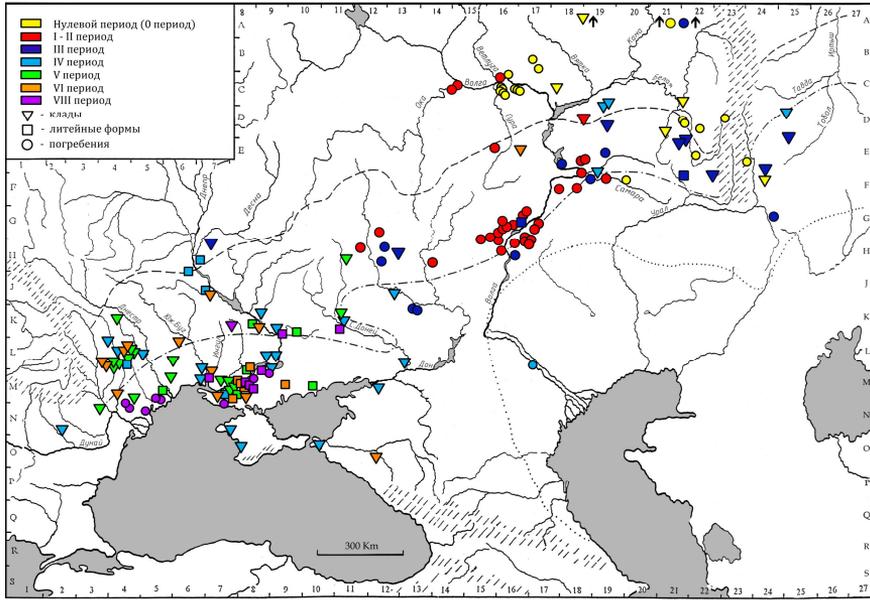

Рис. 5. Карта распространения замкнутых комплексов, использованных в Таблице I.

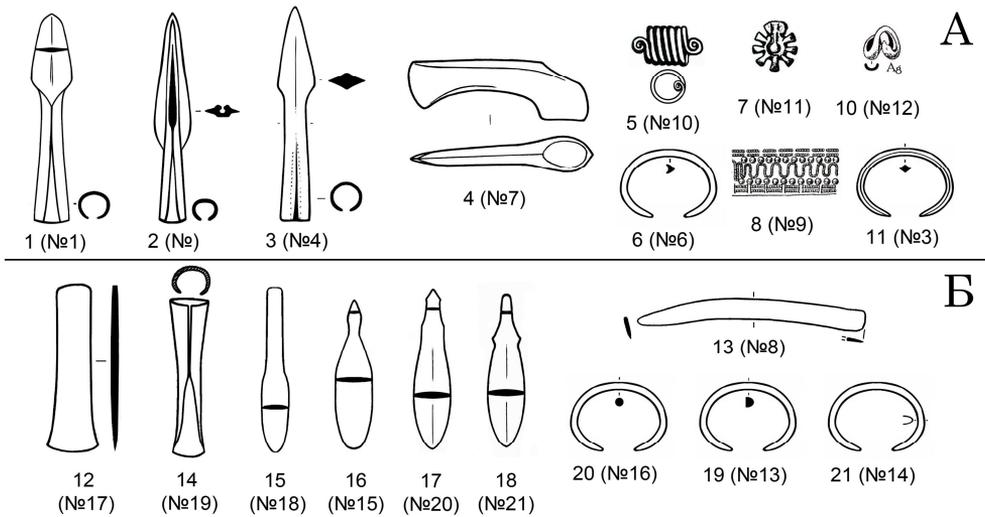

Рис. 6. Типы абашевской группы. А - эксклюзивно абашевские типы; Б - типы, перешедшие в следующие группы (масштаб разный).

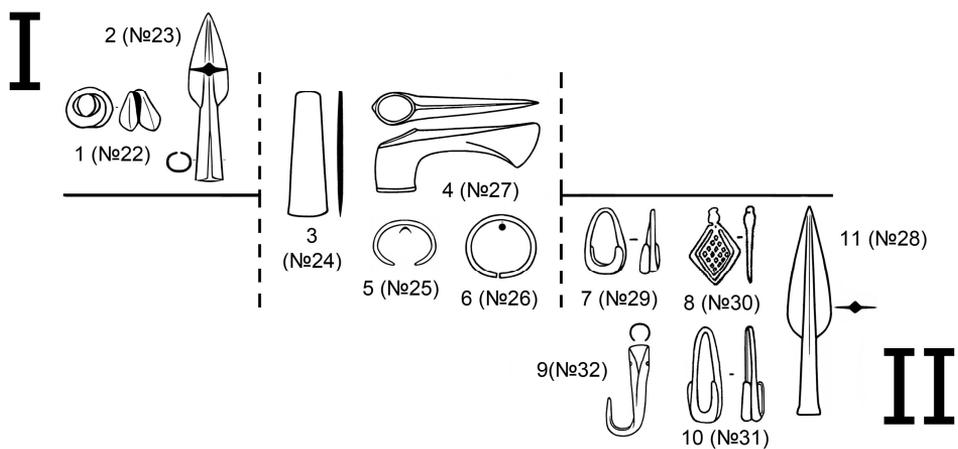

Рис. 7. 1-2 - типы, характерные для I группы; 7-11 - типы, характерные для II группы; 3-6 - общие типы, характерные для I и II групп (масштаб разный).

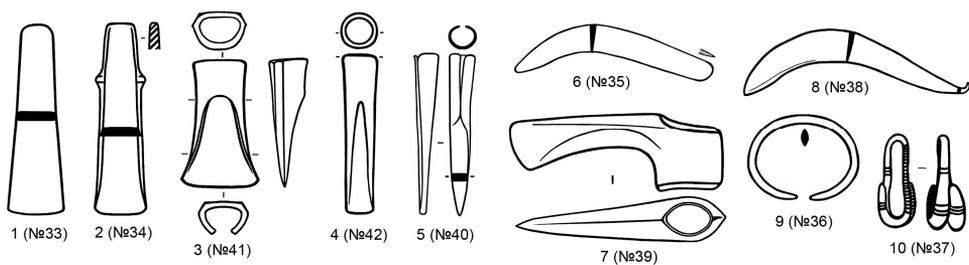

Рис. 8. Типы изделий, характерные для III группы (масштаб разный).

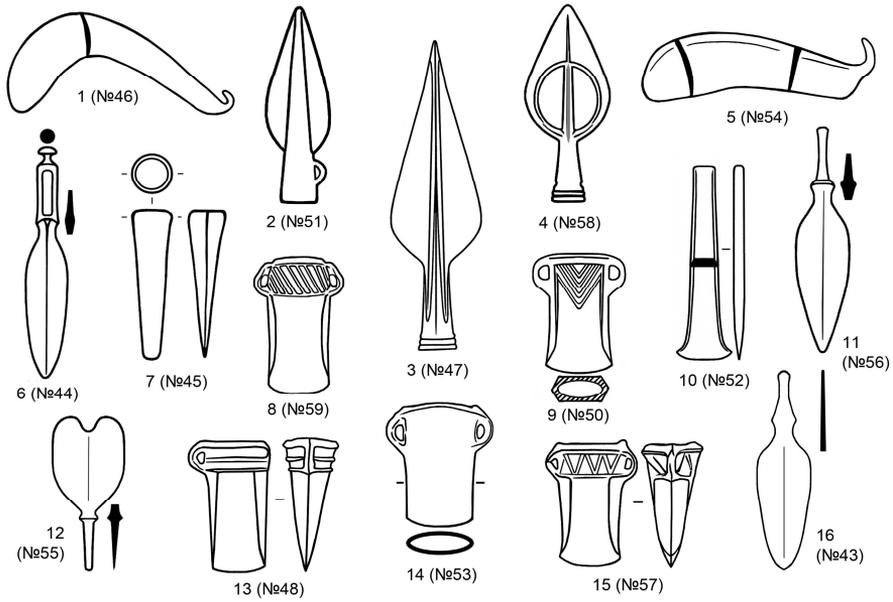

Рис. 9. Типы изделий, характерные для IV группы (масштаб разный).

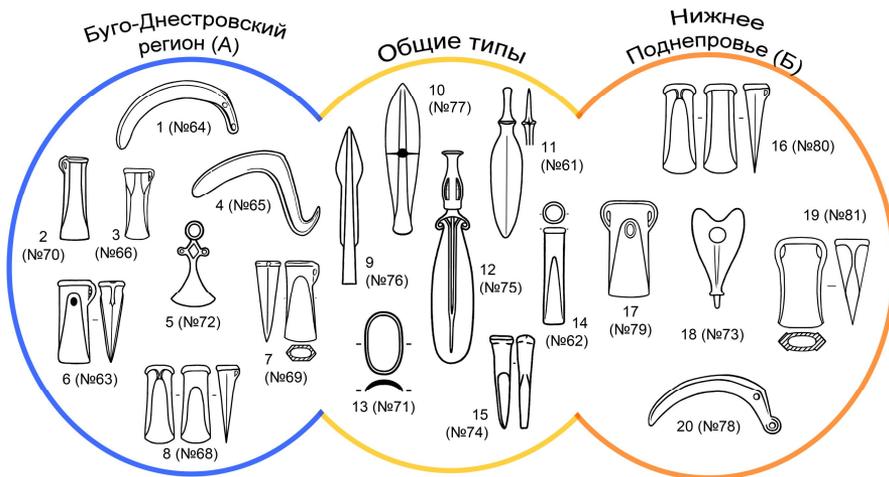

Рис. 10. Типы изделий, характерные для V группы (масштаб разный).

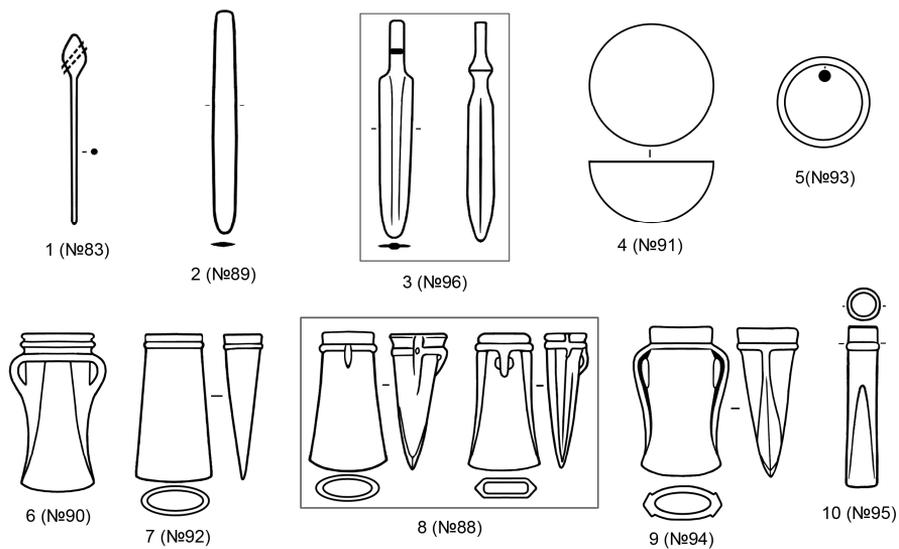

Рис. 11. Типы изделий, характерные для VI группы (масштаб разный).

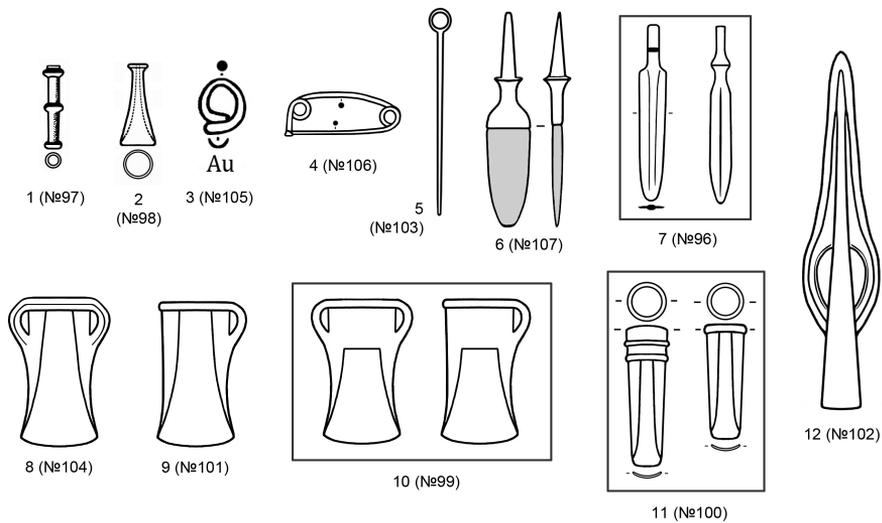

Рис. 12. Типы изделий, характерные для VII группы (масштаб разный).

ПУБЛИКАЦИИ

*Жемков А.И., Жуклов А.А.,
Ким М.Г., Лопатин В.А.*

РАСКОПКИ КУРГАНОВ БЛИЗ С. ЗЕЛЕНАЯ РОЩА В РОСТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В публикации анализируются курганные материалы из погребений эпохи средней и поздней бронзы, полученные в 2016 г. около с. Зеленая Роща Ростовской области. Первые погребальные комплексы появляются здесь на рубеже эпох средней и поздней бронзы. В этот период на границе степи и лесостепи Восточной Европы наблюдаются активные контакты степных посткатакомбных культур (бабинская, криволукская) с носителями колесничных лесостепных традиций (памятники покровского типа). Включение этих новых традиций в культурогенез и первые результаты взаимодействия отражены в материалах одного покровского комплекса и ярких раннесрубных погребений с покровской генетикой. Дальнейшая нивелировка результатов взаимодействия привела к формированию в доно-донецком регионе двух вариантов памятников развитого срубного типа: покровско-мосоловской лесостепной срубной культуры и бережновско-маевской степной срубной культуры.

Ключевые слова: погребения эпохи средней и поздней бронзы, посткатакомбные культуры, памятников покровского типа, срубная культура, Доно-Донецкий регион, Ростовская область

*Kim M.G., Zhemkov A.I.,
Zhuklov A.A., Lopatin V.A.*

MOUND EXCAVATIONS NEAR THE VILLAGE
OF ZELYONAYA ROSHCHA IN THE ROSTOV REGION

The paper deals with analyzing the mound materials from the burials of the Middle and the Late Bronze epochs. Those were acquired in 2016 near the village of Zelyonaya Roshcha in the Rostov Region. The earliest burial complexes from that area date back to the boundary between the Middle and the Late Bronze epochs. At that period, active contacts among the steppe post-catacomb cultures (Babye, Krivolukskaya) and bearers of the chariot forest-steppe traditions (Pokrovsk type monuments) are observed at the boundary between the East Europe steppe and forest-steppe. Involvement of those new traditions into the culture genesis and the first interaction results are reflected in the materials from a Pokrovsk complex and the spectacular Early timber-grave burials peculiar for the Pokrovsk genetics. Further levelling of the interaction results has led to formation of two variants of advanced timber-grave type monuments in the Don-Donets region: the Pokrovsk-Maslovka forest-steppe timber-grave culture and the Berezhnovka-Maevka steppe timber-grave culture.

Key words: burials from the Middle and the Late Bronze epoch, post-catacomb cultures, Pokrovsk type monuments, the Don-Donets region, Rostov Region

Весной 2016 г. в Миллеровском районе Ростовской области экспедиция под руководством М.Г. Кима исследовала два курганных могильника «Зеленая Роща 2» и «Зеленая Роща 3». Они располагались на пахотном поле, вдоль лесополосы, расстояние между группами 1,5 км. В обеих группах зафиксировано по три кургана, все они раскопаны при помощи землеройной техники.

Зеленая Роща 2 (рис. 1). Три земляные насыпи, сильно уплощенные распашкой, расположены неровной цепочкой в меридиональном направлении, на слабом всхолмлении водораздела. Наиболее крупный из них – курган №2, находился в центре группы. Курган №1 почти вплотную примыкает своей южной полкой к центральной насыпи кургана №2, а северным краем смыкается с опашкой лесонасаждений. Третий курган, наименьший по размерам, находится в 25 м к ЮЮВ от кургана №2. Формы насыпей округлые в плане, с видоизмененными границами, слабополусферические в профиле и малозаметные на дневной поверхности из-за многолетней распашки. Насыпи кургана №2 особенно сильно растащена распашкой в западную сторону, что хорошо видно на профилях кургана.

Курган №1 (рис. 2–4) стоял на северном краю группы. Его насыпь была заметно деформирована (меридиональная ось длиннее широтной, восточная пола по данным микронивелировки имела очертания вогнутой полусферы). Диаметр насыпи по линии «север-юг» 30 м, по линии «восток-запад» 25 м. Высота кургана над дневной поверхностью 0,3 м. Здесь были обнаружены остатки трех захоронений, общей особенностью которых является отсутствие признаков грунтовых могил, углубленных в материк, что объясняется интенсивной распашкой.

Погребение 1 зафиксировано в юго-западном секторе подкурганного пространства, в 10 м к ЮЮЗ от условного 0R, на глубине 0,5 м от вершины насыпи. Умерший был положен на уровень древнего горизонта, или в неглубокую яму, открытую в толще гумуса. Скелет взрослого человека значительно переложен землероями, но, судя по планиграфическому соотношению фрагментов черепа и костей конечностей, скорее всего, лежал в левобочной позе адорации, головой к северу (рис. 3, 1). Около черепа найден небольшой и сильно окислившийся фрагмент бронзового предмета, форма которого не установлена. Не исключено, что это обломок украшения. Предположительно, это основное захоронение первого кургана.

Погребение 2 выявлено в южной половине подкурганного пространства, в 10,5 м к югу от условного 0R и в 5 м восточнее погребения 1, на глубине 0,35 м от вершины насыпи. Вполне возможно, что оно было впущено в готовую насыпь. Скелет взрослого человека также сильно поврежден деятельностью землеройных животных и распашкой, и только положение костей нижних конечностей косвенно указывает на левобочную скорченность и северную ориентировку умершего (рис. 3, 2).

Возле обломков тазовых костей (ориентировочно у пояса), вдоль левой бедренной кости умершего, острием к юго-востоку, лежал бронзовый обоюдоострый нож с перехватом и перекрестьем, длиной 16 см (рис. 3, 4).

Форма клинка, листовидно-коническая, а также округлая расковка пятки черешка могут рассматриваться как «бабинская» реминисценция в развитии одной из линий ножей эпохи поздней бронзы. Классические образцы ножей с подобным оформлением стержня рукояти появляются в конце эпохи средней бронзы в ходе деструкции катакомбных культур. Они были выявлены в памятниках юго-западного ареала культуры многоваликовой керамики в Даумянах [Березанская и др., 1986. С. 11, рис. 3], а также известны в «бабинских» комплексах Северного Приазовья, где встречены вместе с фрагментом топора бородинского типа и двухрожковым бисером кавказского происхождения [Братченко, 1976. Рис. 72, IV–13]. В дальнейшем размеры таких ножей и формы их клинков меняются, а наиболее устойчивым признаком остается округлая расковка черешка. Эта технологическая особенность оказалась уди-

вительно устойчивой во времени. В Нижнем Поволжье ножи с округло раскованной концевкой рукояти известны в покровских, а также в раннесрубных комплексах. В данном контексте отметим богатый покровский комплекс из Золотой Горы, где подобный нож найден вместе с дисковидным псалием старорюрьевского типа, а также срубные кенотафы из Кочетного, где обнаружены два экземпляра ножей подобного типа [Юдин, Матюхин, 2006. С. 91, рис. 6, 2; С. 93, рис. 8, 1; С. 103, рис. 18, 1]. Такая широкая (пространственно) и глубокая (хронологически) интегрированность указанной технической характеристики косвенно отражает историческую активность, на определенном этапе, западных групп населения (носители КМК) и движение этих культуртрегеров в северо-восточном направлении. Отдельные инновации проникают в арсеналы лбищенской и покровской культур, сосуществуют с абашевской технологией (ножи с ромбической формой черешка) и находят продолжение в срубной традиции [Лопатин, 2012. С. 66].

Кроме ножа во втором погребении обнаружен лепной керамический сосуд. Его неполный развал расчищен возле коленных сочленений. Он имеет биконическое расширение тулова, прямое плечико и плоское днище (рис. 3, 3). Точное определение формы этого горшка затруднительно, поскольку венчиковая часть отсутствует, но не исключено, что это был остроресберный прямоплечий вариант с коротким венцом. В примеси заметны включения песка и шамота. Максимальное расширение по реберчатому тулову 26 см, диаметр днища 11 см. Высота сохранившейся части сосуда 20 см.

Погребение 3 зафиксировано в юго-восточном секторе подкурганного пространства, в 5 м к ЮЮВ от условного центра. Умерший был положен в неглубокую яму, отрытую в толще гумуса. Скелет взрослого человека очень сильно переотложен землероями, его положение и ориентировка не ясны (рис. 4, 1). Среди разрозненных костей человека обнаружены кости животных и несколько фрагментов лепного сосуда баночной формы. Это неорнаментированная банка слабоприкрытого профиля, с плоским днищем, средних пропорций (рис. 4, 3). Примерные параметры горшка: диаметр устья 17,3 см, диаметр днища 11,7 см, общая высота 17 см. В примеси заметны песок и шамот.

Тризна (скопление битой керамики) зафиксирована в северо-восточном секторе насыпи, на удалении 6 м к СВ от условного 0 R, на глубине 0,5 м от вершины насыпи. Тризна косвенно указывает на возможную культурную принадлежность основного комплекса, (точно установить который вряд ли возможно) к бабинскому типу (КМК), поскольку здесь зафиксированы фрагменты сосудов с налепными треугольными в сечении валиками. Валики представлены в горизонтальном построении и «елочном со стеблем», некоторые покрыты округлыми наколами (рис. 4, 2).

Курган 2 (рис. 1; 5–9) занимает центральное положение в группе Зеленая Роща 2, и это самая крупная насыпь диаметром 42 м и высотой 1,4 м. Во втором кургане планиграфической особенностью является обилие тризн и наличие признаков каменной конструкции, которая была в значительной мере повреждена, отчего характер ее неясен. Тризны размещались вокруг центра подкурганного пространства. Они устроены в ямах (целые туши крупного и мелкого рогатого скота) а также на древнем горизонте (отдельные части и черепа жертвенных животных). Отмечено также ритуальное кострище. Зафиксированы 9 захоронений (рис. 5).

Погребение 1 выявлено в юго-западном секторе, на расстоянии 7,5 м к ЮЮЗ от условного центра. Оно устроено в большой прямоугольной яме с бревенчатым перекрытием, где расчищен скелет взрослого человека, похороненного по срубному обряду на левом боку, в позе адорации, но ближе к западной стенке могилы, что расценивается как покровский признак (рис. 6, 1). При умершем находились три лепных сосуда, каменное навершие булавы дисковидной формы и архаичного типа бронзовый листовидный нож без перекрестья и перехвата, с длинным узким черешком.

Горшки из первого погребения кургана №2 безусловно представляют раннесрубный керамический комплекс (рис. 6, 4–6). У них округлые формы тулова, короткие венцы, орнамент беден (короткие отпечатки по обрезу устья на одном экземпляре), либо совсем отсутствует. Особенно архаичен сосуд с коротким уступчатым плечиком, коротким вертикальным венцом и вертикальными расчесами на внешней поверхности тулова (рис. 6, 4).

Бронзовый обоюдоострый нож имеет простую и весьма архаичную конструкцию – лезвие листовидно-конической формы, плавно переходящее в узкий длинный черешок прямоугольного сечения, без перекрестья и перехвата (рис. 6, 2). Длина ножа 16,5 см, наибольшая ширина лезвия у основания 3 см. Нож имеет неплохую сохранность, и его цветовые характеристики позволяют предполагать, что он изготовлен из высоколегированного бронзового сплава.

Тип данного ножа настолько архаичен, что он выглядит как репликант на очень ранние катакомбные прообразы. Удивительно, но подобные варианты бытовали в позднем бронзовом веке. По этому поводу уместно привести пример известного покровского комплекса из Идолги, где в одном погребении обнаружены дисковидный псалий, кремневые стрелы сейминского типа и подобный нашему нож с листовидным лезвием и узким длинным черешком, без перекрестья [Малов, 2003. С. 219, рис. 13].

Каменное дисковидное навершие булавы изготовлено из твердого магматического минерала светло-серого цвета с черными вкраплениями, тща-

тельно заполировано по всей поверхности (рис. 6, 3). В середине диска просверлено отверстие для рукояти.

Булавы простых дисковидных форм появляются в эпоху средней бронзы. Абсолютно аналогичное по форме, но изготовленное из непрочного кальцита, навершие известно в материалах второго погребения кургана №7 из заволжского Светлого Озера, в одном комплексе с сосудом и многовитковыми бронзовыми подвесками донецкого типа [Жемков, Лопатин, 2008. С. 189, рис. 7, 5]. В дальнейшем они присутствуют в покровских и раннесрубных комплексах, всегда отмечая престижные статусы погребенных, относительно одновременны с крестовидными и грушевидными булавами бородинского типа. В своей классификации каменных и металлических булав срубной культуры Н.М. Малов относит их к варианту «Б» дисковидных наверший «с уплощенным основанием и верхом» [Малов, 1991. С. 36, 37, рис. 7, 3]. Они не всегда являлись предметами вооружения, очевидно, уже в эпоху поздней бронзы, в срубных захоронениях булавы, как знаки власти, чаще маркируют не военачальников, а родовых старейшин [Малов, 1991. С. 36, 38; Цимиданов, Евглевский, 1993. С. 99-112; Лопатин, Четвериков, 2006. С. 121].

Погребение 2, очевидно, относительно синхронно первому, но оно было впущено в качестве подхоронения в сооруженный курган на уровень древнего горизонта. Второе погребение выявлено в 8 м восточнее первой могилы. Здесь на органической подстилке, посыпанной охрой, расчищен скелет взрослого человека (рис. 7, 1), возле которого зафиксированы развалы четырех сосудов – две крупные подреберчатые корчаги с чеканным орнаментом и две малые чаши (рис. 7, 2-5).

Все сосуды из второго погребения, вне всяких сомнений, являются предметами единого ритуального «сервиза». Обе малые чаши приблизительно одинаковых параметров и приземистых пропорций, не орнаментированы, у них открытые баночные профилировки. А две крупные корчаги, к которым полагались малые чаши, также одинаковы, не только по размерам и профилям, но и по орнаментации «паркетного» типа. *Погребения 1 и 2* сопровождались тризнами.

Погребения 3-6 были начисто ограблены или разрушены землероями, в *погребениях 7 и 8* зафиксированы лепные сосуды срубного типа, но скелетный материал оказался в крайне неудовлетворительном состоянии (рис. 8). Сосуды из погребений 7 и 8 это типичные для срубной культуры слабопрофилированные формы с короткими венцами, отогнутыми наружу, или вертикальной профилировки (рис. 8, 4, 5). Как правило, они бедны декором или вовсе не орнаментированы. Это посуда развитого срубного этапа. В примеси горшков заметны включения песка и шамота.

Погребение 9 (основное) выявлено в центре подкурганного пространства, в сложной яме предположительно катакомбного типа (рис. 9, 1). Входной тамбур отделен от погребальной камеры невысокой ступенькой, глубина основной части могилы 2,6 м от 0R. Скелет взрослого человека, захороненного на левом боку в позе «скачущего всадника», головой ориентирован к северо-западу. Перед с умершим, на уровне пояса, лежал массивный полированный пест, предположительно изготовленный из диорита. Это орудие ударного действия явно было в работе, на нижнем торцевом краю «молотка» имеется каверна.

Данный комплекс отнесен к посткатакомбному времени, а по культурно-обрядовым показателям он близок памятникам круга Кривой Луки, Лолы и Бабино.

По данным стратиграфических наблюдений, в кургане фиксировались две разновременных насыпи. Интересна форма более ранней 1-й насыпи, напоминающая микенский щит – «восьмёрку». Сейчас сложно судить, была ли такая форма придана насыпи первоначально или же является следствием действий, совершённых при строительстве второй насыпи. Первая насыпь перекрывала *погребение 9*, а также *яму 2*. Последняя могла содержать центральное погребение, впоследствии ограбленное (при её расчистке был найден фрагмент трубчатой кости человека). Сама яма залегает под довольно мощным (до 0,9 м) слоем прокаленного грунта и частично заполнена этим грунтом. *Погребение 9*, *яма 2* и сопутствующее ей ритуальное кострище расположены в северной части первой насыпи.

Ко времени устройства первой насыпи следует отнести и расположенные к западу и северо-западу от ритуального кострища очаг, тризну 3 и оружие из камня, расположенные на древнем горизонте под первой насыпью. Скопления камней, встреченные на разной глубине в восточной части второй насыпи могли быть перемещены туда при её насыпке и сломя неких более старых конструкций.

Остаётся неясным хронологическое положение тризн 1, 2 и 4, которые располагаются за пределами обеих насыпей кургана.

Курган №3 занимал в группе крайнее северное положение (рис. 1). Диаметр округлой в плане насыпи 25 м, высота 0,25 м. Он содержал два одновременных захоронения в простых ямах под закладами из каменных плит.

Погребение 1 выявлено в юго-западном секторе подкурганного пространства, на удалении 4 м от его условного центра. Грунтовая могила округло-овальной формы была перекрыта на уровне погребенной почвы разновеликими каменными плитами, продольная ось перекрытия ориентирована с юго-запада на северо-восток (рис. 11, 1). На дне могилы обнаружены остатки скелета взрослого человека, обряд неясен, поскольку кости сильно переме-

шаны землероями (рис. 11, 2), а также развал лепного сосуда срубного типа (рис. 11, 3). Сосуд имеет округлобокую форму с коротким, отогнутым наружу венчиком и плоским днищем, не орнаментирован. На шейке и пологом плечике заметны слабые вертикальные расчесы.

Погребение 2 находилось непосредственно в центре кургана (рис. 10). Оно также было перекрыто каменным закладом и ориентировано на СВ. Вторая яма оказалась пуста вследствие сильных разрушений землероями, найден лишь фрагмент лепного сосуда.

Предположительно комплексы третьего кургана отнесены к развитому этапу срубной культуры доно-донецкого региона, в настоящее время определяемой как бережновско-маевский горизонт эпохи поздней бронзы.

Зеленая Роца 3. Вторая группа курганов также расположена на слабом всхолмлении водораздельной террасы (рис. 12). Три земляные насыпи построены в линию, ориентированную в широтном направлении. Памятник соседствует с широкой лесополосой искусственного происхождения, более половины насыпи первого кургана и пола второго заняты насаждениями.

Курган №1 занимает крайнее восточное положение в группе. При вскрытии в ее центре выявлена локальная каменная наброска.

Погребения 1 и 2 устроены в узких прямоугольных ямах с заплечиками, в деревянных гробовищах, скрепленных железными гвоздями. Умершие похоронены по христианскому обряду (есть фрагменты православного нательного креста), ориентированы к юго-западу. По находкам медных монет эти комплексы отнесены ко второй половине XIX в.

Погребение 3, вероятно основное, в обширной яме с округленными углами, оказалось полностью разрушенным землеройными животными. На дне могилы отмечена одна кость человека.

Курган №2, самый крупный в группе, занимал здесь центральное положение, в нем выявлены 4 захоронения (рис. 13).

Погребение 1 устроено на уровне древнего горизонта, здесь расчищен скелет взрослого человека, погребенного в скорченной позе адорации, на правом боку, головой к юго-востоку (рис. 14, 1). Перед умершим, под резко согнутыми локтевыми сочленениями рук, стояла малая баночная площадка открытого профиля с несколько выпуклым доньшком и двумя рядами частых вертикальных ногтевых насечек под краем скошенного наружу устья (рис. 14, 2).

Для срубной культуры отмеченная в данном комплексе погребальная обрядность нетипична, прежде всего, правобочной позой и юго-восточной ориентировкой. Скорее всего, это основное захоронение во втором кургане, устроенное на уровне древнего горизонта, или в слое погребенной почвы. Предположительно его следует отнести к рубежу средней и поздней бронзы.

Захоронения этого периода известны своей безынвентарностью, и устойчивых серий керамических сосудов этот культурный блок не имеет. Немногочисленные сосуды, выявленные, к примеру, в комплексах криволукского типа, преимущественно баночных форм, без орнаментации, иногда это репликаны бабинских горшков с рельефным декором [Мимоход, 2004. С. 114, рис. 1–4]. Поэтому наша плошка с двумя неполными рядами тонких нарезок также, скорее всего, может быть отнесена к данной неустойчивой категории керамики переходного периода.

Погребение 2 – скелет взрослого человека, погребенного на уровне древнего горизонта, в позе адорации на левом боку, головой к северо-востоку, – относится к покровскому культурному типу начала эпохи поздней бронзы (рис. 15, 1). Над данным погребением была совершена досыпка курганной насыпи. Здесь найдены фрагменты колоколовидного сосуда с желобчатым венчиком и внутренним ребром, украшенного на пологом плечике чеканным однорядным зигзагом (рис. 15, 3).

Соотношение широтных параметров этого горшка (диаметр устья меньше максимального расширения тулова), а также отсутствие ракушечной примеси, указывает на позднепокровский характер второго погребения.

На уровне пояса лежала костяная кольцевидная пряжка с большим центральным и малым боковым отверстиями (рис. 15, 2). Традиция изготовления такой фурнитуры восходит к культуре моговаликовой керамики (бабинской). В эпоху поздней бронзы пряжки, подобные нашей, без бортиков, округлых и ромбовидных форм, иногда с выделенными слабовыступающими планками для малых отверстий, типичны для позднепокровских и раннесрубных захоронений [Малов, 1992. С. 42–44; Лопатин, Малов, 2014. С. 75–81].

Сам факт открытия позднепокровского погребения на северо-западе Ростовской области весьма важен, поскольку косвенно он подтверждает выводы исследователей о продвижении в начале эпохи поздней бронзы позднепокровского и раннесрубного населения из Волго-Донского междуречья в западном направлении, в Северное Приазовье и Донецко-Донской бассейн. Ранее ареал распространения срубных комплексов с покровскими чертами был установлен на юге Украины [Литвиненко, 1999. С. 15].

Погребение 3 – скелет взрослого человека, захороненного в простой овальной яме, на правом боку с завалом на спину, головой к востоку. В головах стоял лепной сосуд срубного типа. Это закрытая баночная форма, с плоским дном, без орнамента. Планиграфически интересен факт совершения данного захоронения практически за пределами южного края курганной насыпи.

Погребение 4 – парное, взрослого человека и ребенка, похороненных в прямоугольной могиле по срубному обряду, с северной ориентировкой, на левом боку в позе адорации (рис. 17, 1). Около детского черепа обнаружена

первая конская фаланга (Ph I), а в ногах взрослого человека расчищены развалы двух лепных сосудов. Первый сосуд – малая приземистая банка с вертикальной стенкой и плоским дном, без орнамента (рис. 17, 2).

Второй сосуд – более крупный размерами, это слабопрофилированная форма вертикальных пропорций с коротким, слабо отогнутым наружу венчиком (рис. 17, 3). В верхней части этого горшка имеется гравированная пиктограмма, смысл которой не вполне ясен. Различаются ряды насечек, ромбовидные символы, а также змеевидные фигуры – зигзагообразные и спиралевидная (рис. 17, 4).

Особенностью данной пиктограммы является то, что ее символика не образует единого изобразительного ряда, фигуры обособлены и выглядят одиночными, имеющими смысл в самих себе. Прежде всего, таковыми являются два зигзага и спираль, которые в первобытном сознании соответствовали некоторым природным стихиям (гром, молния, земля, вода), а также хтоническому образу змеи [Мифы., 1991. С. 272]. Один змеевидный символ (простой зигзаг) абсолютно геометричен, а два других (спираль и извилистая фигура) условно реалистичны. В центре композиции размещаются два вертикальных ромба с выступающими вниз короткими отрезками, над которыми построен горизонтальный ряд из множества коротких насечек, и возникает впечатление, что они связаны некоей единой идеей.

Помещение в погребальные комплексы путовых костей лошади (т. н. «бабки») и бараньих альчиков традиционно воспринимается как перевод в сакральную плоскость предметов детской игровой повседневности. С одной стороны это так, но только в отношении альчиков, игровые наборы которых нередко встречаются в погребениях детей и подростков. Версия о культовом (гадательном) значении инвентарных наборов с альчиками, как в детских, так и в единичных взрослых захоронениях [Юдин, 2009. С. 146–170], представляется неудачной.

Детские захоронения с Ph I, напротив, имеют крайне сакрализованное наполнение, поскольку выполняют специфические функции трансферной коммуникации, сообщения живых с умершими предками. Одна, две и крайне редко большее количество путовых костей лошади – это особая категория инвентаря, направленная на установление контакта посланника (это чаще всего дети) с конкретным предковым персонажем. Поставленная на проксимальную торцевую поверхность первая фаланга отдаленно напоминает сидящую фигурку, что, несомненно, было замечено в древности. В энеолите они олицетворялись с женскими божествами, известны сложно украшенные гравировкой и антропоморфными признаками фигурки из Варфоломеевки, Ботая, Ракушечного Яра, Алтаты [Лопатин, Порхунова, 2011. С. 12–29]. В эпоху бронзы, особенно в материалах покровских и раннесрубных захоронений,

путовые кости лошади, напоминающие сидящие фигурки, выполняют в обряде перехода сложную сакральную функцию (пропуска, визитной карточки посланника), направленную на культы предков. Такая концепция изложена на основании анализа выборки захоронений с «бабками» лошади на широкой территории степной Евразии, где наиболее крупной группой являются детские погребения Смеловского грунтового могильника, исследованного в Саратовском Заволжье [Лопатин, 2010. С. 130–148].

Возможно, пиктограмма со змеиной символикой на сосуде из этого же погребения также не случайна, а весьма недвусмысленно сообразна идее посланничества из мира живых в мир мертвых. Змеевидные стражи у входа в хтонические сферы, где обитают души умерших, представлены практически во всех мировых космогонических моделях, поэтому геометрические коды этих образов (стражей и проводников загробного мира) нередко присутствуют в пиктограммах на погребальных сосудах [Игнатова, Лопатин, 2005. С. 66–70].

Курган №3 находился на западном краю группы, он содержал одно ограбленное погребение (рис. 18) в продолговатой могиле овальной формы, которое относится к раннему железному веку (рис. 19, 1). Здесь удалось обнаружить несколько разрозненных человеческих костей, острие обоюдоострого железного клинка (рис. 19, 3) и фрагмент костяной накладки с циркульным орнаментом, назначение которой неясно (рис. 19, 2). Судя по широтной ориентировке могилы, захоронение предположительно может быть связано со скифо-савроматским временем.

* * *

Две условные группы близ с. Зеленая Роща, вне всякого сомнения, являются остаточными фрагментами некогда обширного курганного поля, практически полностью уничтоженного в настоящее время сплошной распашкой. Материалы, полученные раскопками 2016 г., представляют большую научную ценность, особенно комплексы бронзового века, поскольку они отражают сложные процессы культурно-генетического характера, связанные с формированием локальных вариантов срубной археологической культуры.

Первые погребальные комплексы появляются здесь в посткатакомбное время на рубеже эпох средней и поздней бронзы (ЗР 2, курган 1, тризна; ЗР 2, курган 2, погр. 9; ЗР 3, курган 2, погр. 1). В этот период на границе степи и лесостепи Восточной Европы наблюдаются активные контакты степных посткатакомбных культур (бабинская, лолинская, криволукская) с носителями колесничных лесостепных традиций (абашевская, покровская, синташтинская, потаповская). Включение этих постшнуровых традиций в культуругенез и первые результаты взаимодействия отражены в материалах одного покров-

ского комплекса (ЗР 3, курган 2, погр. 2) и ярких раннесрубных погребений с покровской генетикой (ЗР 2, курган 1, погр. 2; ЗР 2, курган 2, погребения 1, 2).

Дальнейшая нивелировка результатов взаимодействия привела к формированию в доно-донецком регионе двух вариантов памятников развитого срубного типа, которые наиболее полно обоснованы в трудах В.В. Отрощенко в конце XX – начале XXI вв. [Отрощенко, 1994; он же, 2001; он же, 2003]. Первый – так называемая покровско-мосоловская лесостепная срубная культура (у нас это ЗР 2, курган 2, погребения 3–8; ЗР 3, курган 2, погр. 4). Второй – бережновско-маевская степная срубная культура (ЗР 2, курган 3, погребения 1, 2; ЗР 3, курган 2, погр. 3).

Подобные процессы имели место на широкой территории от Южного Урала до Северного Причерноморья, поэтому исследования по локализации культурно-генетических явлений на юго-востоке Европы в эпоху поздней бронзы чрезвычайно актуальны.

Литература:

Березанская С.С., Отрощенко В.В., Чередниченко Н.Н., Шарафутдинова И.Н. Культуры эпохи бронзы на территории Украины. Киев: Наукова Думка, 1986.

Братченко С.Н. Нижнее Подонье в эпоху средней бронзы. Киев, 1976.

Жемков А.И., Лопатин В.А. Курганный могильник у с. Светлое Озеро в степном Заволжье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 6. Саратов, 2008.

Игнатова М.Е., Лопатин В.А. Пиктограмма с хтонической мифологемой на керамическом сосуде из Смеловки // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 6. Саратов: «Научная книга», 2005.

Литвиненко Р.А. Периодизация срубных могильников Северо-Восточного Приазовья // Древности Северо-Восточного Приазовья. Донецк, 1999.

Лопатин В.А., Четвериков С.И. Родовой некрополь Песковатского поселения // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 4. Саратов, 2006.

Лопатин В.А. Смеловский могильник: модель локального культурогенеза в степном Заволжье (середина II тыс. до н. э.). Саратов, 2010.

Лопатин В.А., Порхунцова А.С. Орнаментированные путовые кости лошади в искусстве неолита-энеолита степной Евразии // Археологические памятники Оренбуржья. Вып. 9. Оренбург: ОГПУ, 2011.

Лопатин В.А. Вольско-лбищенский вектор культурогенеза // Археологическое наследие Саратовского края. Вып. 10. Саратов, 2012.

Лопатин В.А., Малов Н.М. Костяные пряжки ромбовидной формы на археологических памятниках эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья

// Процесс культурогенеза начальной поры позднего бронзового века Волго-Уральского региона (вопросы хронологии, периодизации, историографии): мат-лы межд. науч. конференции. 12–14 мая 2014 г. Самара: ПГСГА, 2014.

Малов Н.М. Погребения с булавами и втоками из Натальинского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 2. Саратов, 1991.

Малов Н.М. Покровско-абашевские украшения Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.

Малов Н.М. Погребения покровской культуры с наконечниками копий из Саратовского Поволжья // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001 году. Вып. 5. Саратов, 2003.

Мимоход Р.А. Погребения финала средней бронзы Нижнего Поволжья // Проблемы археологии Нижнего Поволжья: мат-лы I межд. нижеволж. археол. конференции. 1–5 ноября 2004 г. Волгоград, 2004.

Мифы народов мира. Энциклопедия. Том 1. М.: «Советская энциклопедия», 1991.

Отрощенко В.В. О двух линиях развития культур племен срубной общности // Проблемы скифо-сарматской археологии Северного Причерноморья. Запорожье, 1994.

Отрощенко В.В. Проблеми періодизації культур середньої та пізньої бронзи півдня Східної Європи (культурно-стратиграфічні зіставлення). Київ, 2001.

Отрощенко В.В. К истории племен срубной общности // Доно-Донецкий регион в эпоху бронзы. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Вып. 17. Воронеж, 2003.

Цимиданов В.В., Евглевский А.В. Классификация погребений с инсигниями власти срубной общности // Археологический альманах. №2. Донецк, 1993.

Юдин А.И., Матюхин А.Д. Раннесрубные курганные могильники Золотая Гора и Кочегное. Саратов, 2006.

Юдин А.И. Погребения с астрагалами из Новопокровки-II: служители культа или «игроки»? // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 7. Саратов, 2009.

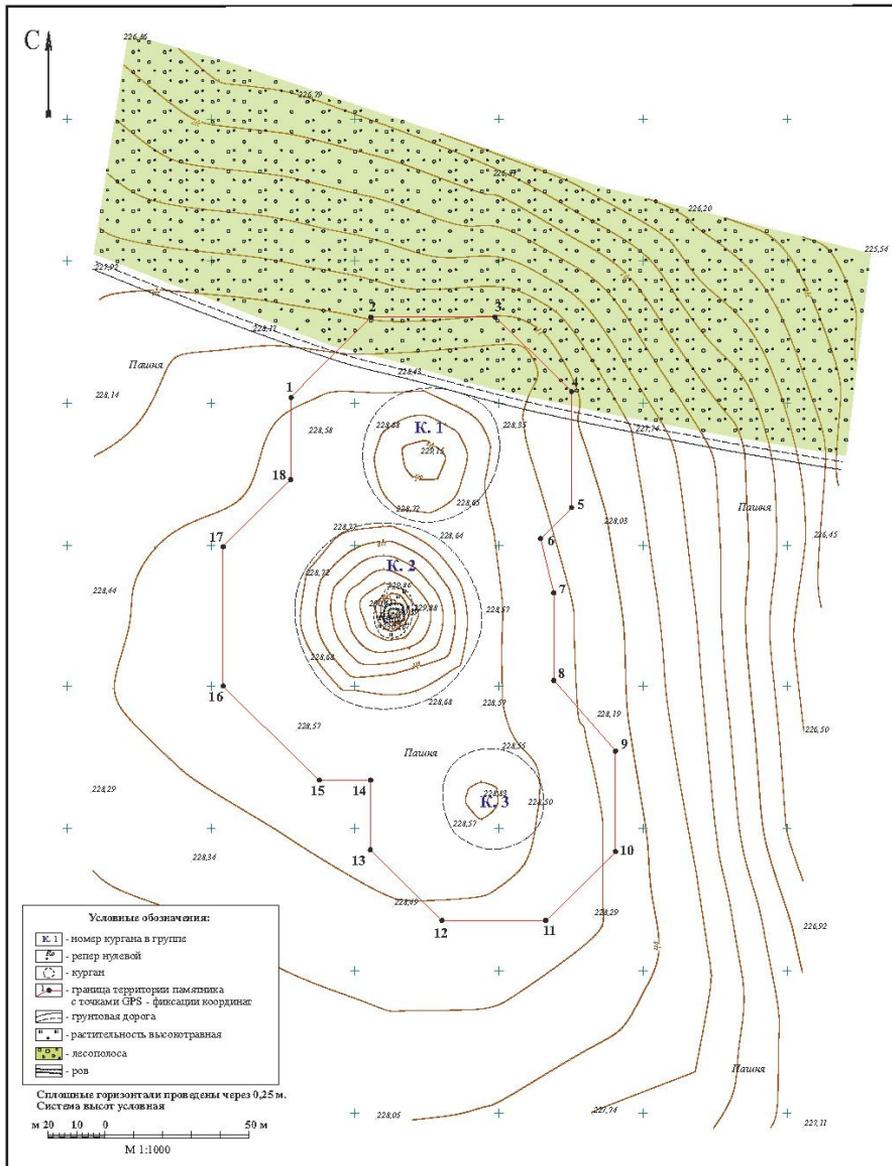

Рис. 1. Курганный могильник Зеленая Роща 2.

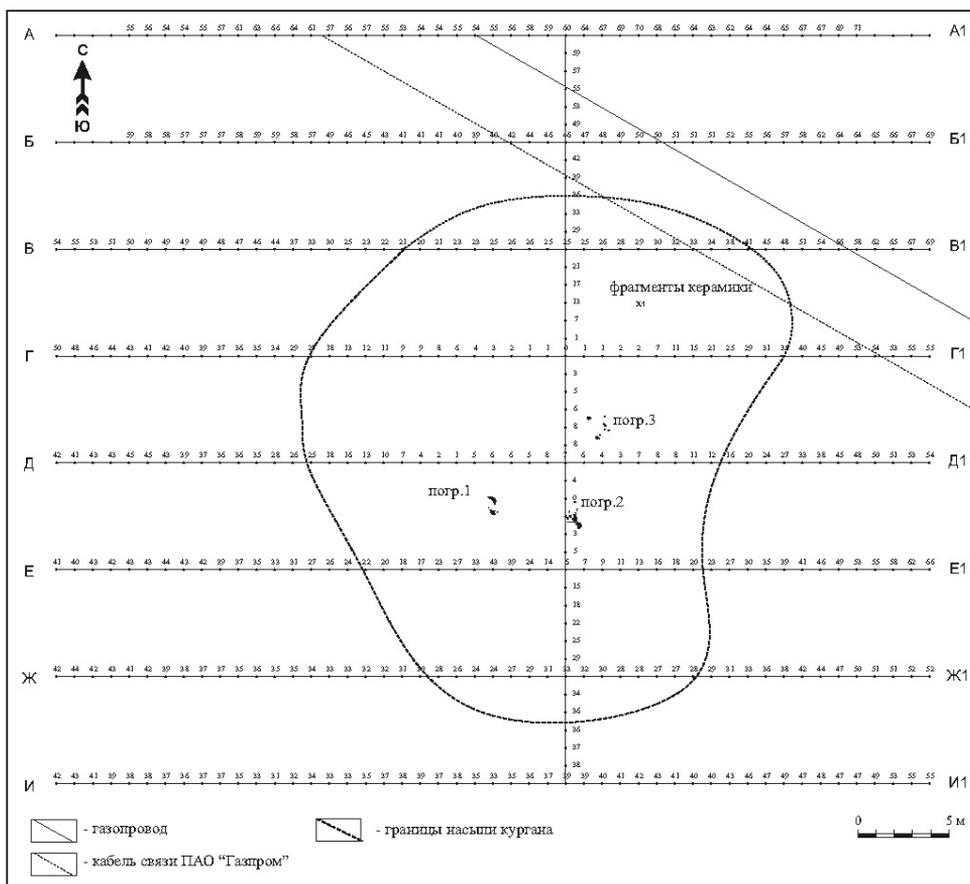

Рис. 2. Зеленая Роща 2, курган 1.

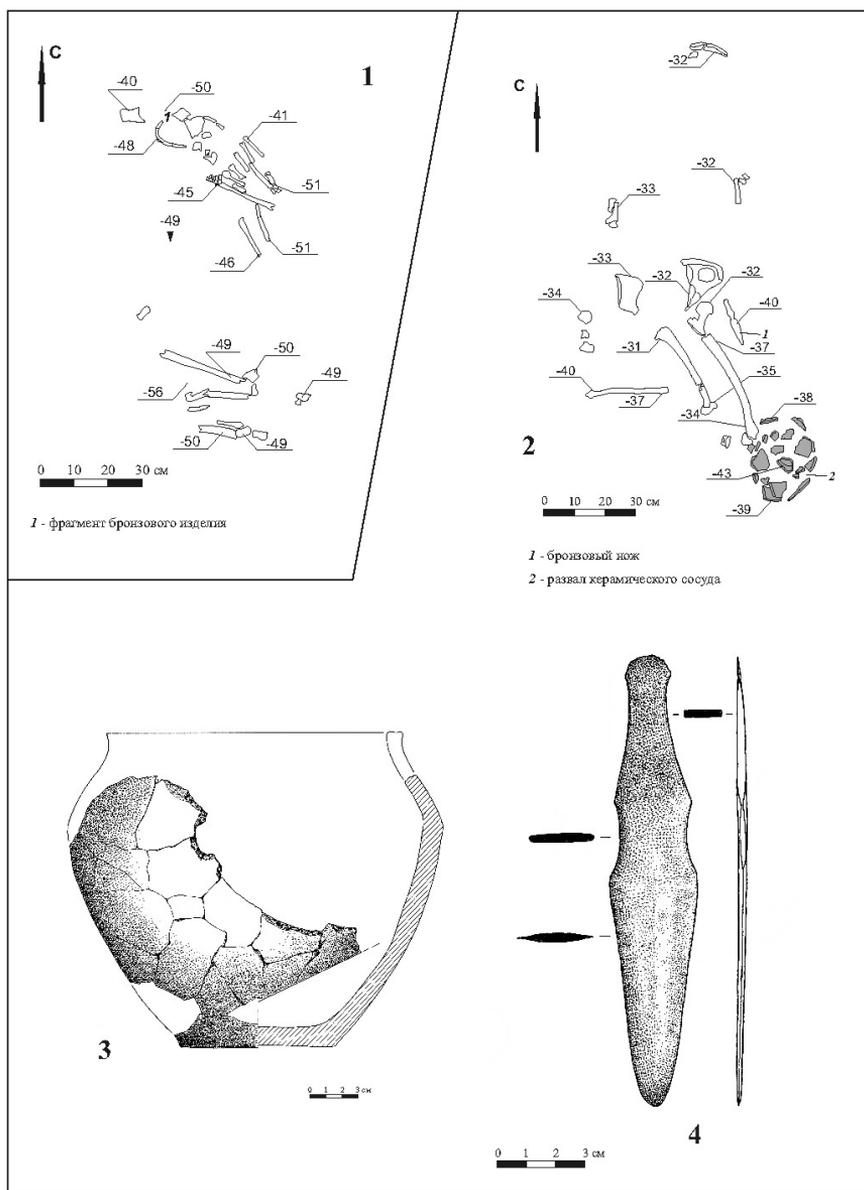

Рис. 3. Зеленая Роща 2, курган 1, материалы: 1 - погребение 1; 2 - погребение 2; 3 - сосуд из п. 2; 4 - нож из п. 2. 3 - глина; 4 - бронза.

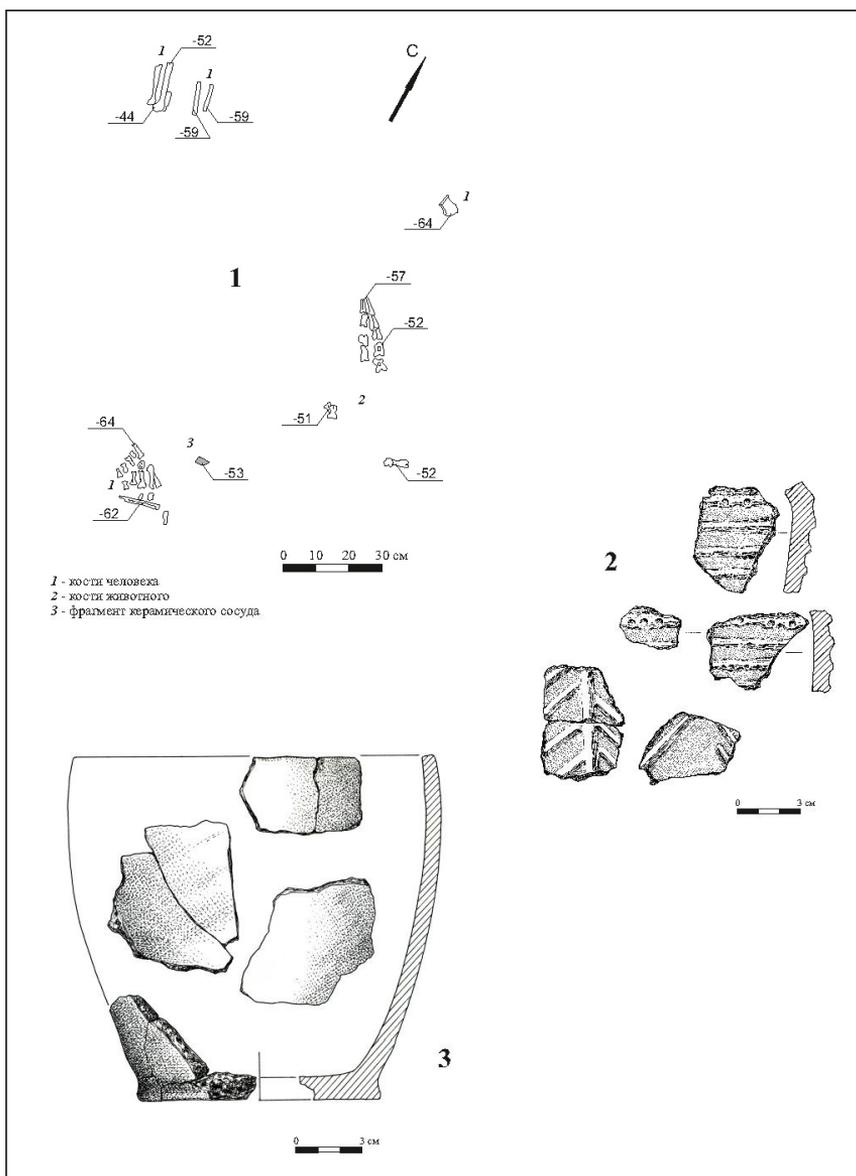

Рис. 4. Зеленая Роща 2, курган 1, материалы: 1 - погребение 3;
2 - фрагменты сосуда из тризны; 3 - сосуд из п. 3. 2, 3 - глина.

ПУБЛИКАЦИИ

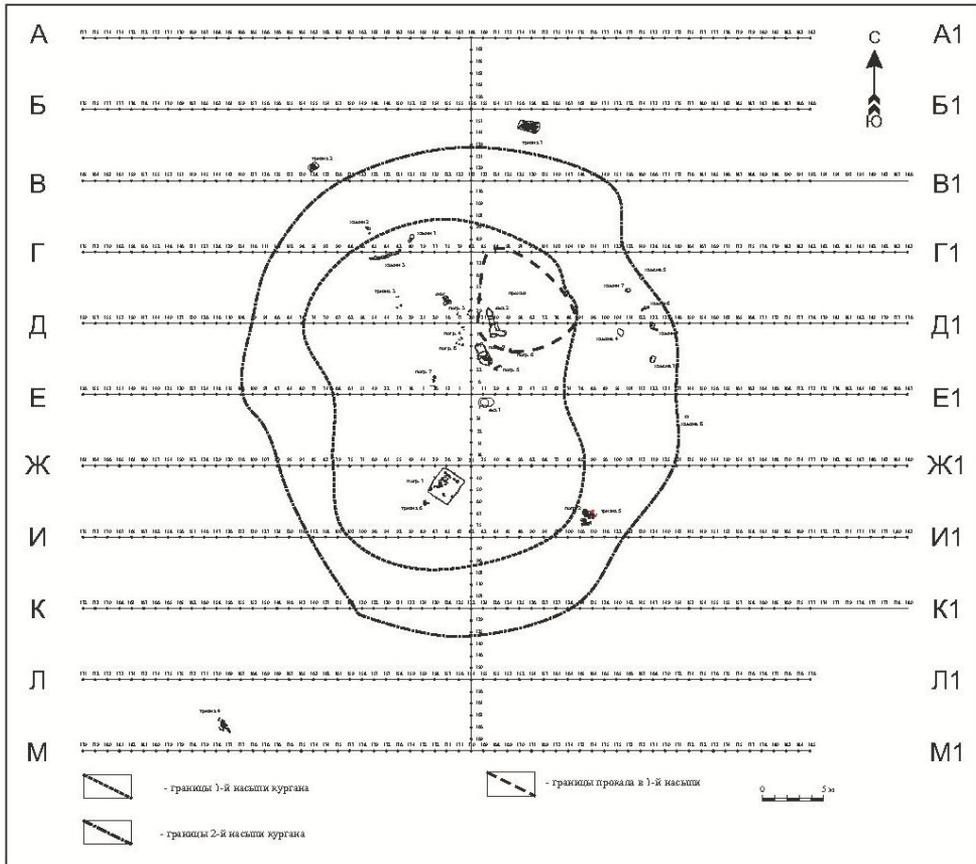

Рис. 5. Зеленая Роща 2, курган 2.

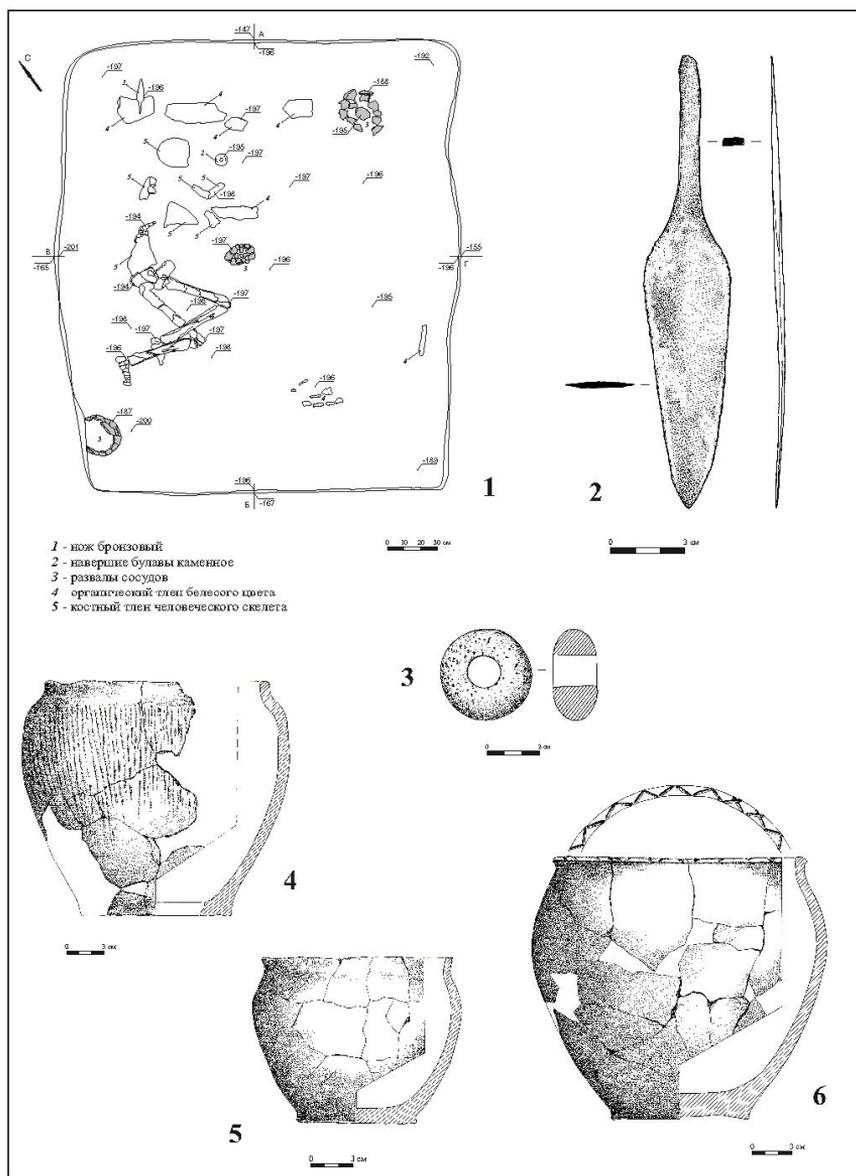

Рис. 6. Зеленая Роща 2, курган 2, материалы: 1 - погребение 1; 2 - нож из п. 1; 3 - навершие булавы из п. 1; 4-6 - сосуды из п. 1. 2 - бронза; 3 - камень; 4-6 - глина.

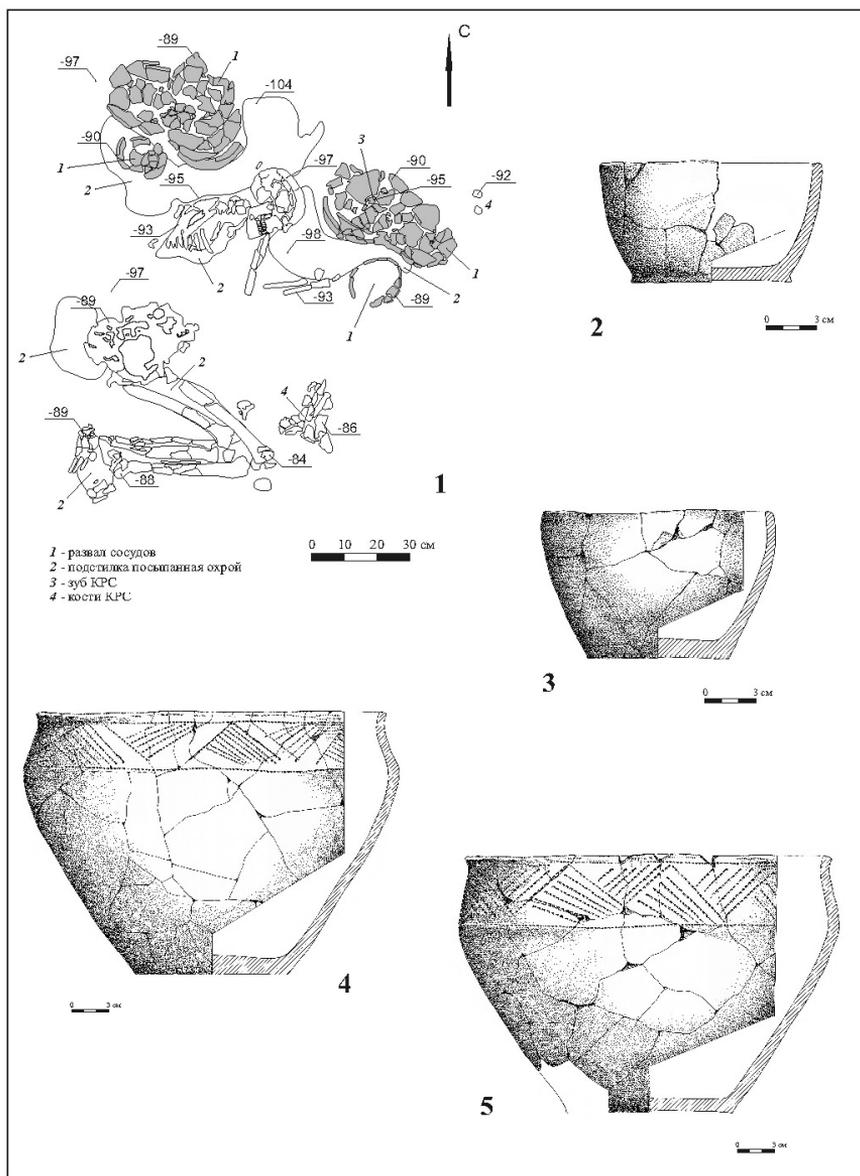

Рис. 7. Зеленая Роща 2, курган 2, материалы: 1 - погребение 2; 2-5 - сосуды из п. 2 (глина).

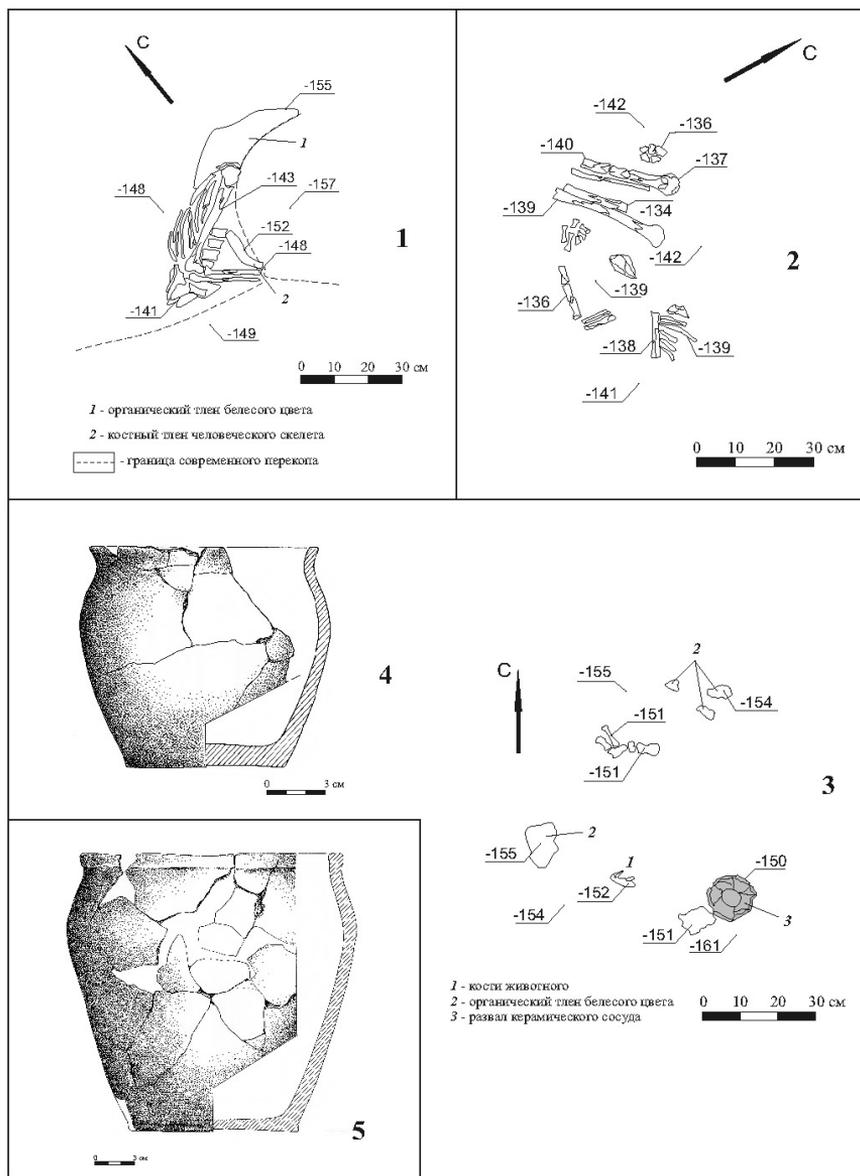

Рис. 8. Зеленая Роща 2, курган 2, материалы: 1 - погребение 5; 2 - погребение 6; 3 - погребение 8; 4 - сосуд из п. 8; 5 - сосуд из п. 7. 4, 5 - глина.

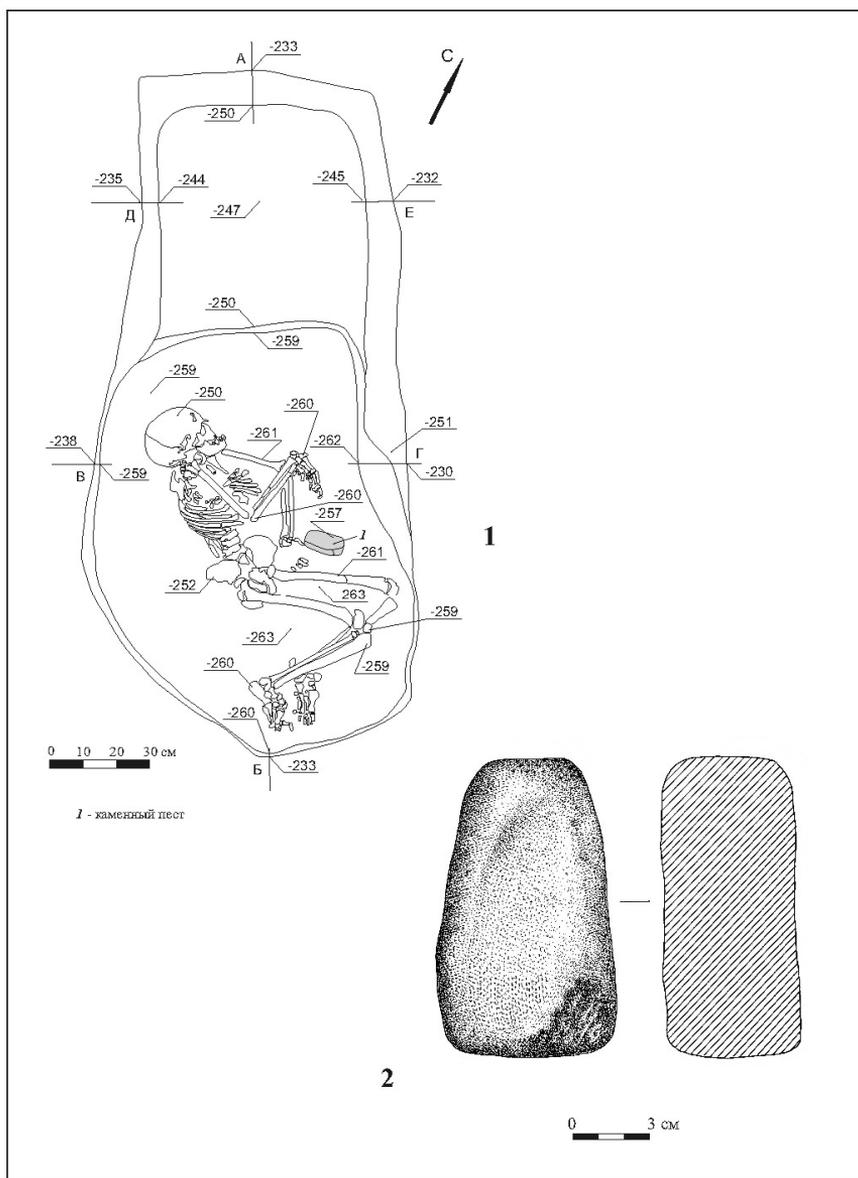

Рис. 9. Зеленая Роща 2, курган 2, материалы: 1 – погребение 9; 2 – каменный пест из п. 9.

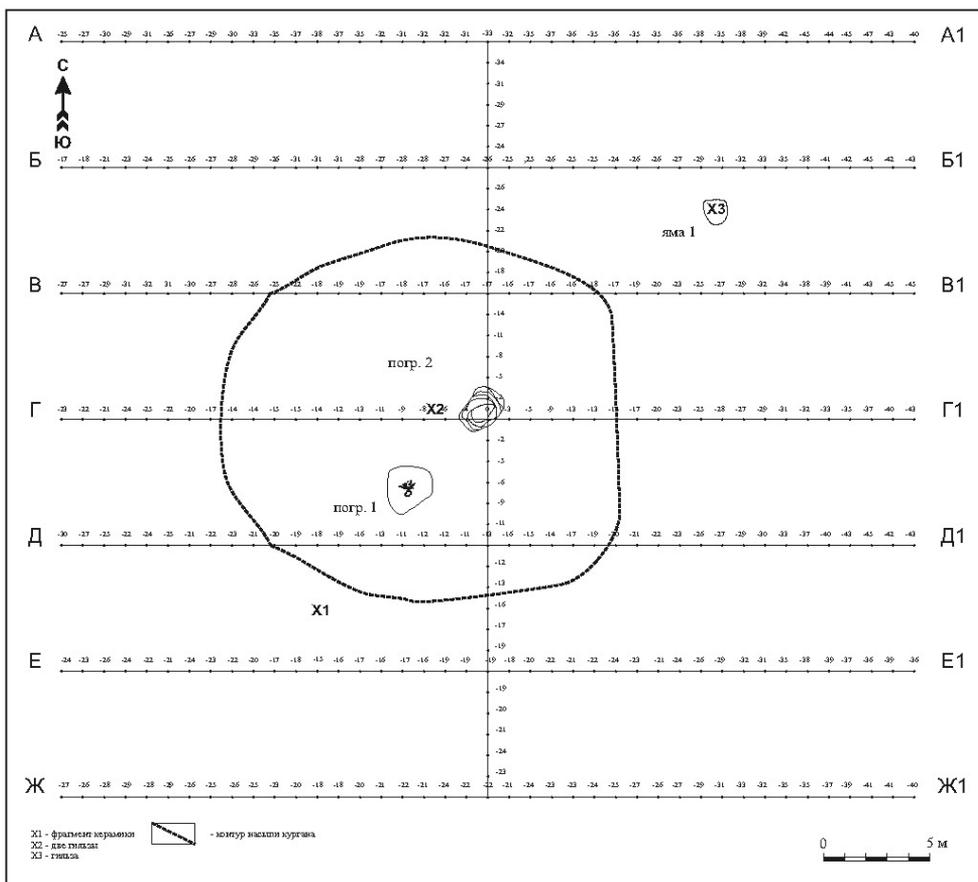

Рис. 10. Зеленая Роща 2, курган 3.

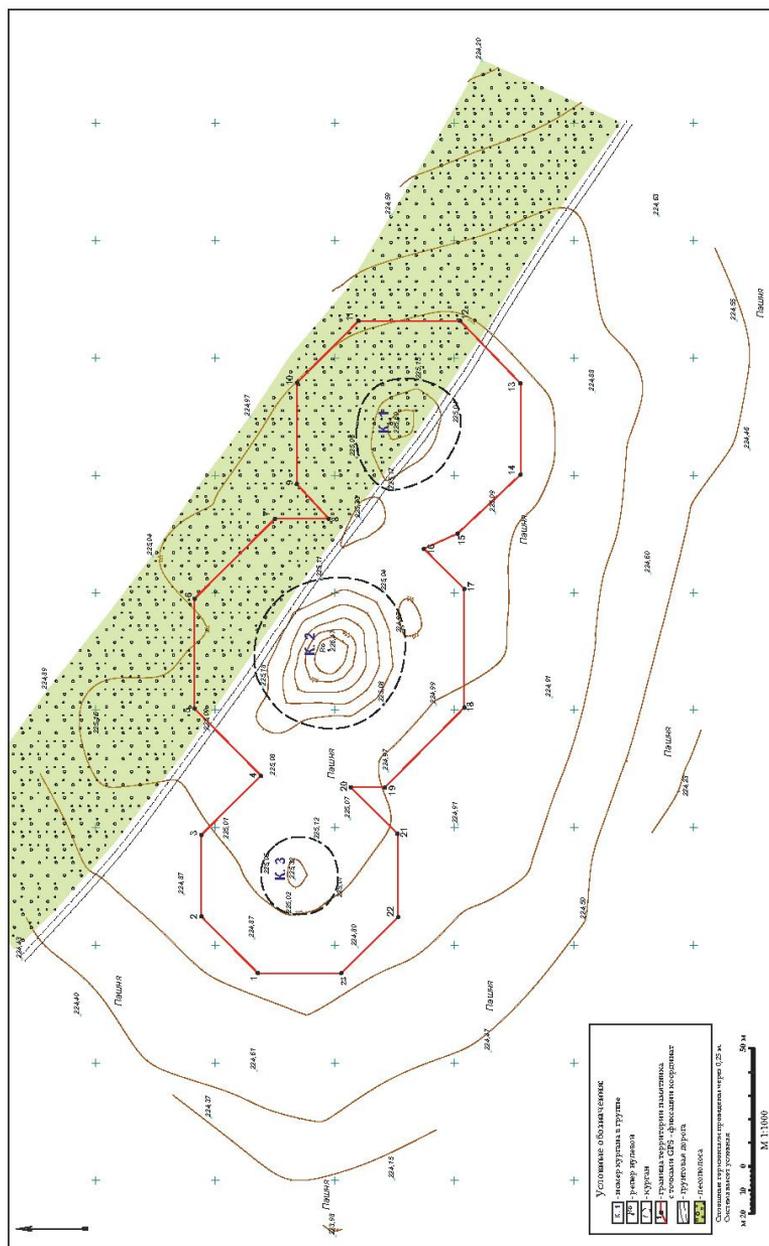

Рис. 12. Курганный могильник Зеленая Роща 3.

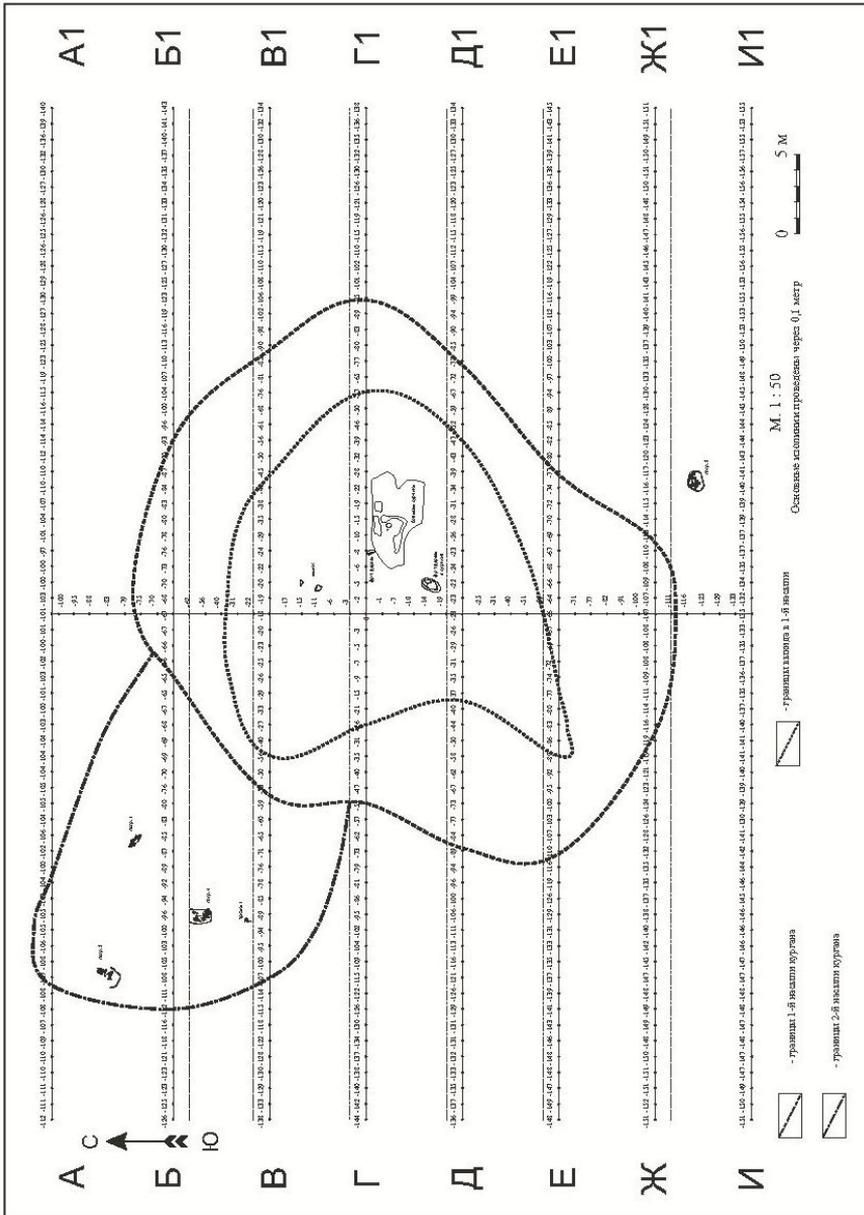

Рис. 13. Зеленая Роща 3, курган 2.

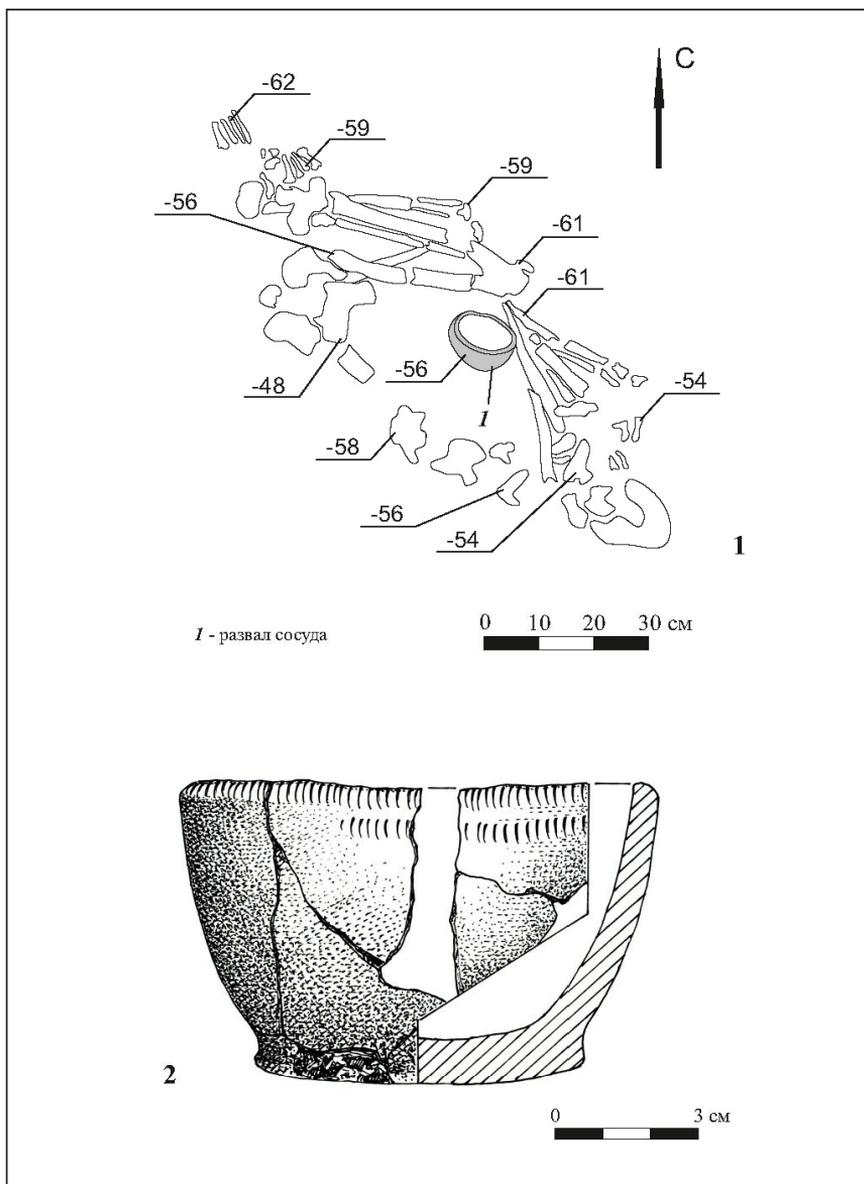

Рис. 14. Зеленая Роща 3, курган 2, материалы: 1 - погребение 1; 2 - сосуд из п. 1 (глина).

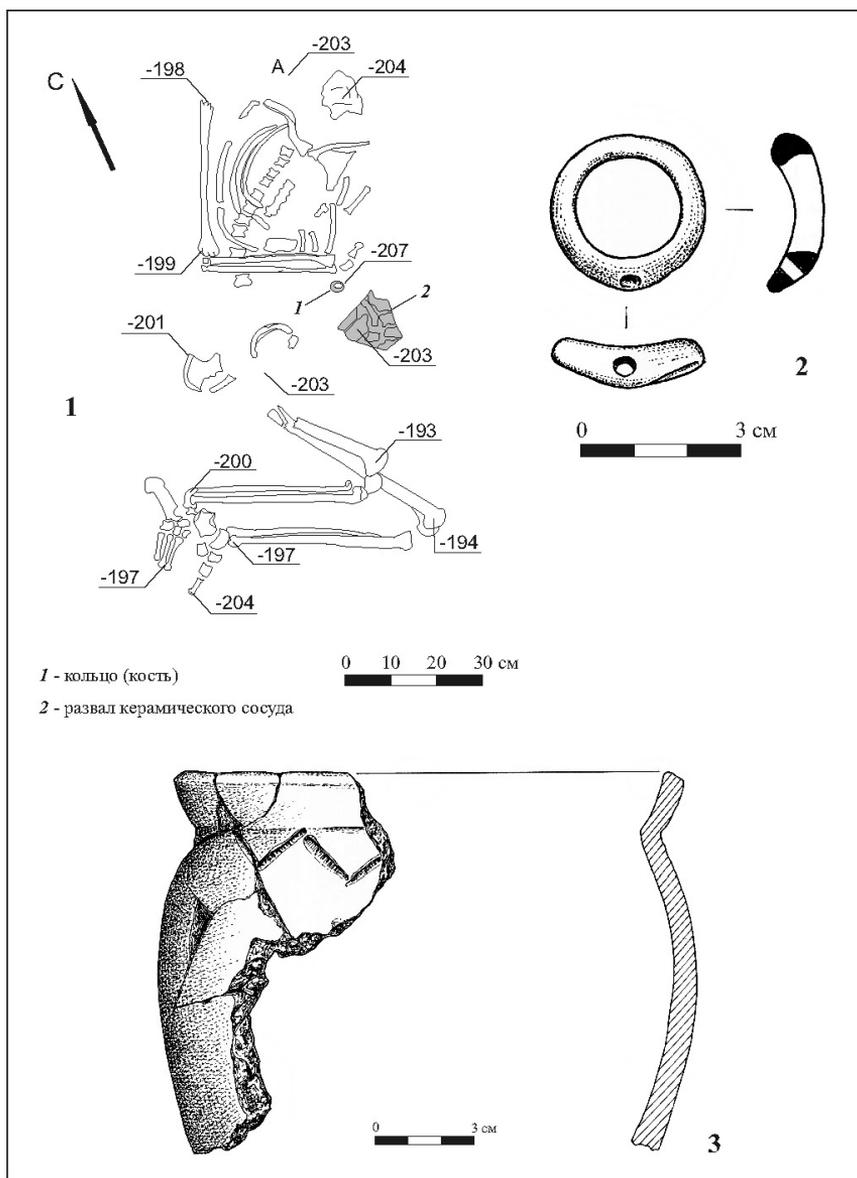

Рис. 15. Зеленая Роща 3, курган 2, материалы: 1 – погребение 2; 2 – поясная пряжка из п. 2; 3 – сосуд из п. 2. 2 – кость; 3 – глина.

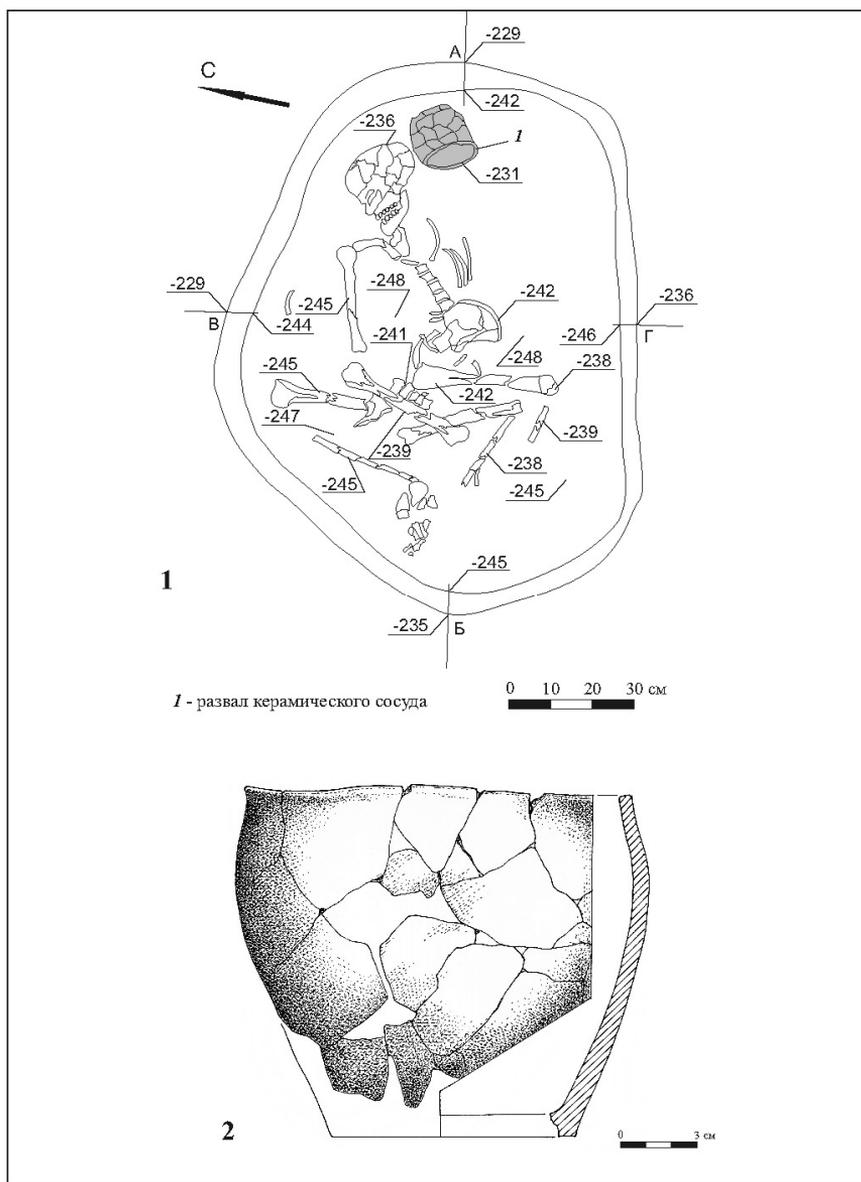

Рис. 16. Зеленая Роща 3, курган 2, материалы: 1 - погребение 3; 2 - сосуд из п. 3 (глина).

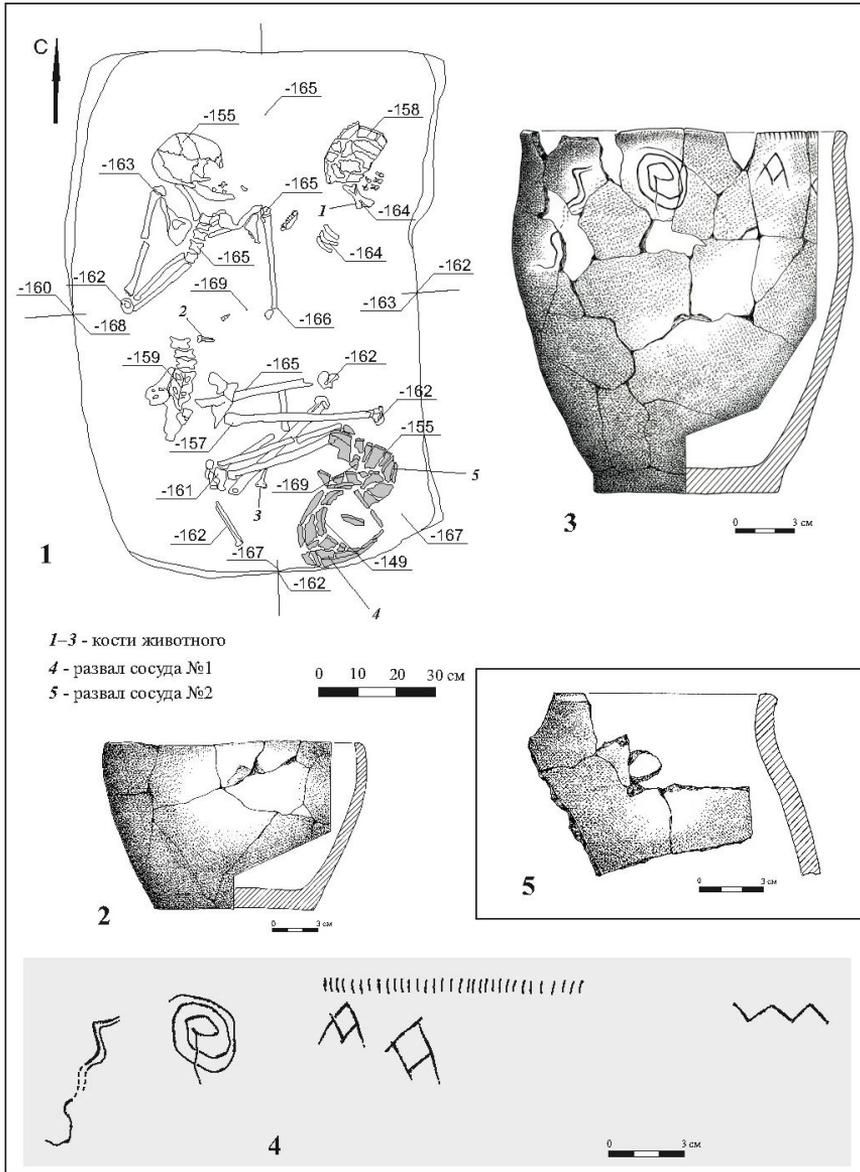

Рис. 17. Зеленая Роща 3, курган 2, материалы: 1 – погребение 4; 2, 3 – сосуды из п. 4; 4 – развертка пиктограммы на сосуде №1 из п. 4; 5 – фрагмент сосуда из сурчиного перекопа. 2, 3, 5 – глина.

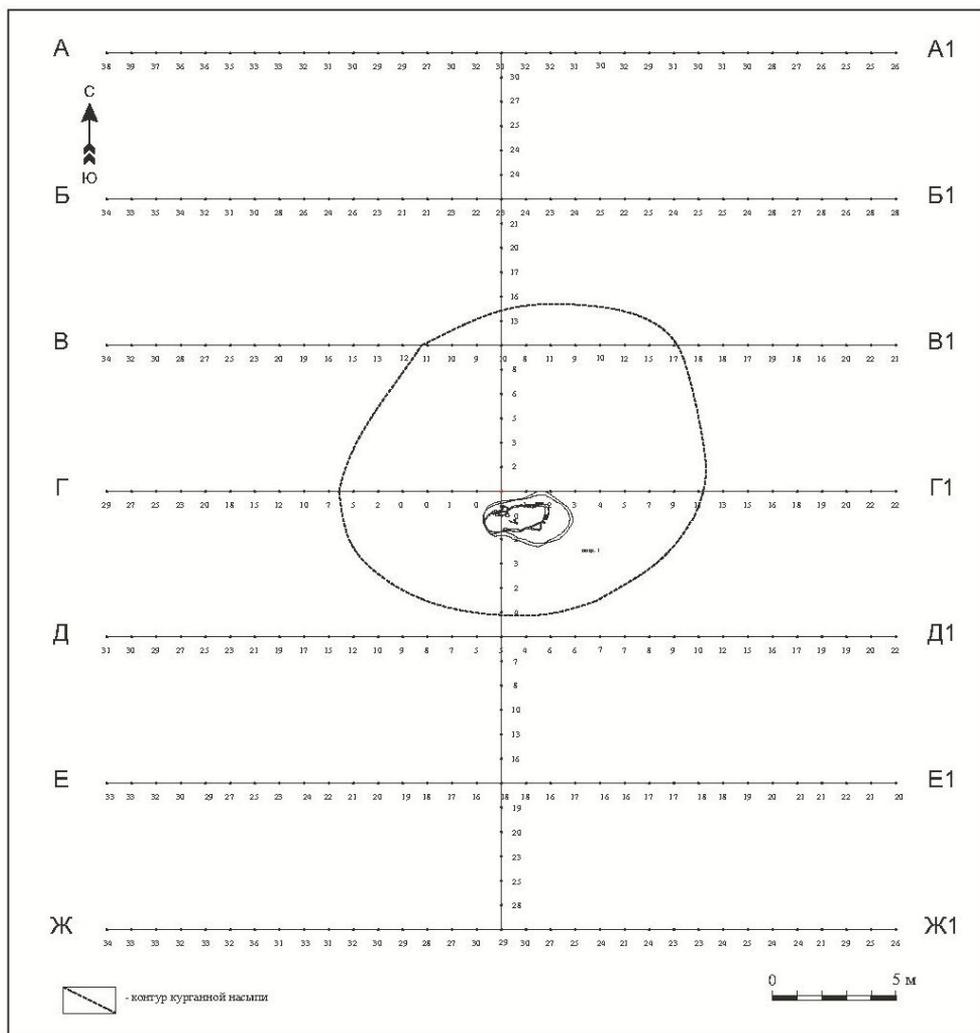

Рис. 18. Зеленая Роща 3, курган 3.

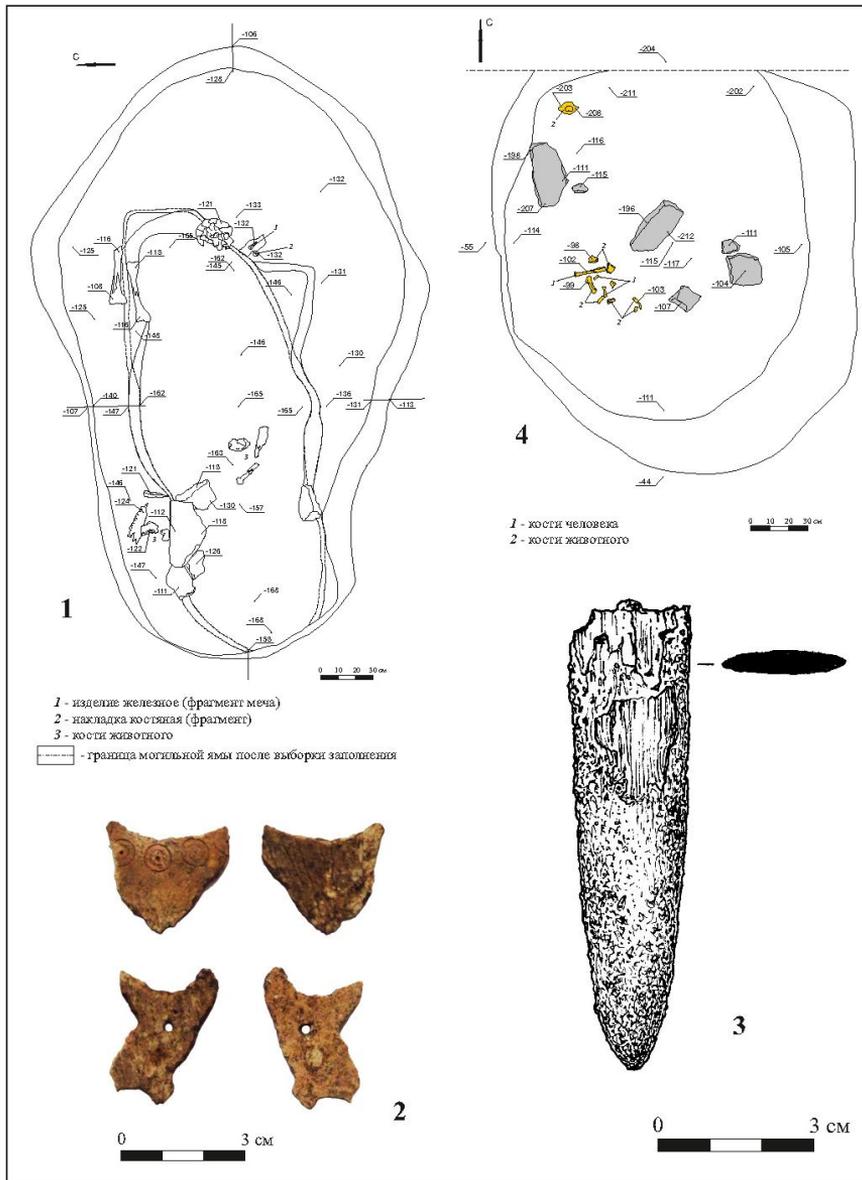

Рис. 19. Зеленая Роща 3, курган 3, материалы: 1 - погребение 1;
 2 - фрагменты костяной накладки из п. 1; 3 - фрагмент железного меча из п. 1;
 4 - грабительская яма.

Быков В.Ю.

МНОГОСЛОЙНЫЙ ПАМЯТНИК У СЕЛА ЛАДОНКА

В результате раскопок в лесостепном Прихоперье, на поселении у с. Ладонка исследована часть полуземляночного жилища, в котором развален глинобитный очаг. Обнаружены фрагменты сосудов с рельефной орнаментацией (налепные валики и воротнички), относящиеся к хвалынской культуре валиковой керамики первого (ивановского) и второго (кайбельско-танавского) этапов финала бронзы. Найден фрагмент сосуда с псевдорогожным орнаментом городецкой культуры раннего железного века. Зафиксировано детское погребение с глиняным сосудом, относящееся к среднесарматской культуре.

Ключевые слова: Село Ладонка, поселение, лесостепное Прихоперье, Саратовская область, бронзовый век, эпоха раннего железа, хвалынская культура валиковой керамики, городецкая культура, сарматы

Bykov V.Yu.

MULTILAYER MONUMENT NEAR THE VILLAGE OF LADONKA

Excavations at the settlement near the village of Ladonka in the forest-steppe Khoper Region have made it possible to examine a part of a half-dugout dwelling, with a ruined adobe hearth cleared out. Some vessel fragments have been found: with relief ornamentation peculiar to the final Bronze Age Khvalynsk culture of beaded pottery. A chip of a moulded fragment referred to the Gorodets culture of the Early Iron Age is presented. An infant burial is recorded, with a clay vessel of the Middle Sarmatian culture.

Key words: The village of Ladonka, settlement, forest-steppe Khoper Region, Saratov Region, Bronze Age, Early Iron Age, the Khvalynsk culture of beaded pottery, the Gorodets culture, the Sarmatians

В 1985–1986 гг. А.Ю. Стеклов проводил на р. Хопре археологические разведки с целью организации фондов Турковского музея. В заметке районной газеты «Знамя» от 16.08.86 г. он упоминал древнее поселение, открытое тогда в окрестностях с. Ладонка и на основании подъемного материала отнесенное к бронзовому веку. Позже информация о точном местонахождении памятника была утрачена, но в 2007 году поселение Ладонка 1 вновь выявлено автором и доисследовано совместно с А.А. Хрековым, о чем кратко сообщалось в печати [Хреков, 2008; Быков, 2013].

В настоящей статье предлагается полная информация о поселении Ладонка 1. Оно находится в 2 км к юго-востоку от рабочего поселка Турки Саратовской области и на таком же расстоянии к северо-западу от с. Ладонка (Чапаевка). Памятник занимает мысовой край высокой (около 30 м) коренной террасы, которая тянется вдоль старичного озера Подгорного – древнего отрезка русла Хопра (рис. 1, 2). Мыс шириной 100 м ограничен двумя оврагами с крутыми, местами обрывистыми склонами, круто понижается в сторону поймы (рис. 1, 1). В древности он привлекал внимание людей, как хорошо защищенное место. Признаки искусственных оборонительных сооружений не выявлены. Поверхность мыса относительно ровная, плотно задернована, частично засажена лесопосадками. В обнажениях обрывистых склонов собран подъемный материал: один фрагмент керамики с рогожным орнаментом городецкой культуры (рис. 2, 9) и несколько обломков средневековых сосудов, круговых древнерусских (рис. 2, 10) и золотоордынских красноглиняных (рис. 2, 11).

На оконечности мыса, в обнажении искусственного происхождения выявлен участок культурного слоя мощностью 0,65 м. Он залегает под покровным гумусом толщиной 0,3 м и представляет собой чередование прослоек светлого золистого суглинка (0,1 м) и гумусированного суглинка серо-коричневого цвета (0,25 м), подстилается желтой материковой глиной. В нижнем отделе культурных напластований зафиксировано бесформенное нагромождение прокаленной глины размерами 1,3 x 0,9 м и толщиной 0,6 м (рис. 1, 3). Около объекта расчищено скопление фрагментированной керамики, каменный терочник, кремневые отщепы, кости животных и много кусков шлака. В 1,5 м к северу от этого скопления обнаружена концентрация углей, золы и переженной глины, в которой встречаются куски обугленного дерева толщиной 5–8 см.

Керамика нижнего слоя относится к хвалынской культуре валиковой керамики (ХКВК) финала эпохи поздней бронзы. Это фрагменты лепных сосудов с шероховатой поверхностью серого и красновато-коричневого цвета, некоторые частично ошлакованы. Формы 5 сосудов графически реконструированы до максимального расширения тулова. Они имеют средние размеры,

диаметры горловин варьируются от 12 до 20 см. В коллекции имеется также неорнаментированный сосуд с коротким, резко отогнутым наружу венчиком воротничкового типа и постепенно расширяющимся округлым туловом (рис. 2, 3). Подобные сосуды были распространены в Поволжье на раннем «ивановском» этапе развития ХКВК [Изотова, Малов, Слонов, 1993. С. 111–136]. Два сосуда имеют короткие отогнутые наружу венчики с приостренными закраинами, прямые плечики и сильно раздутые тулова, наибольшие диаметры которых превышают диаметры горловин. Оба горшка имеют рельефную орнаментацию в виде налепных валиков на верхней части плеча, а один имеет, кроме этого, плоский воротничок. Валики орнаментированы рядами косых насечек (рис. 2, 1, 2). Эти сосуды следует отнести к позднему «кайбельско-танавскому» этапу ХКВК [Изотова, Малов, Слонов, 1993. С. 111–136; Малов 1987. С. 159–160]. Найден также фрагмент стенки с налепным неорнаментированным валиком (рис. 2, 6). Реконструированы сосуд баночной формы с закрытым устьем и приостренной закраиной (рис. 2, 4), а также глиняная лепная миска (рис. 2, 5).

Валиковой керамике поселения Ладонка 1 наиболее близки известные аналогии из керамических комплексов поволжских городищ Танавского и Алексеевского, поселений Ерзовка 1, Сухая Мечетка 2, Мартышкино и поселения Садовое 6 на р. Битюг донского бассейна [Изотова, Малов, 1992. С. 96–115; Юдин, 2001. С. 26–27, 32–36; Мальшев, 2006; Дьяченко, 1992. С. 122; Мыськов, 1992. С. 88, рис. 1, 1, 2, 4, 5, 6; Лопатин, 2003. С. 19–20, 28, рис. 6; Екимов, 1981. С. 158–161].

На основании планиграфических наблюдений можно предположить, что обугленные фрагменты дерева, пережженная глина, угли, с учетом их компактной концентрации в основании слоя, могли быть связаны с постройкой, полуземляночного типа, которое сгорела при пожаре. Конструктивные особенности срубных и хвалыньских полуземлянок определяются общими признаками, отмеченными для культур эпохи поздней бронзы степи и лесостепи, и связанными с пастушеским хозяйственно-культурным типом [Лопатин, 1992. С. 55–74, он же, 2002. С. 77].

По мнению Ю.И. Колева на памятниках финала поздней бронзы в строительной традиции наблюдаются изменения по сравнению со срубным периодом: отказ от больших жилищ с осевой линией столбовых опор и переход к сооружению сравнительно небольших землянок. Деревянный каркас сооружался внутри котлована, столбы вкапывались почти вплотную к стенам, которые облицовывались плетнем или досками. Возможно, внутренние поверхности плетневых стен обмазывались глиной. Такая конструкция фиксируется, например, на поселении Шоссейное [Колев, 2008. С. 211, 231, табл. 1].

Такие же, как в Ладонке, овальные скопления спекшейся глины на Алексеевском поселении О.А. Кривцова-Гракова определяла как кухонные глинобитные очаги, устроенные вне жилищного помещения [Кривцова-Гракова, 1947. С. 89–90]. Находки шлаков и ошлакованной керамики около очага (рис. 1, 4) косвенно указывают на возможные придомные занятия в Ладонке металлообработкой. Весь обнаруженный здесь комплекс артефактов финала поздней бронзы предположительно можно отнести к концу первого и всему второму этапу развития ХКВК (примерно XII–X вв. до н. э.).

Здесь в обнажении, около очажного комплекса было обнаружено грунтовое захоронение (признаки курганной насыпи не выявлены). На глубине 0,75 м. расширен скелет ребенка, погребенного вытянуто на спине головой к ЮЮЗ, ноги перекрещены в голенях. В головах поставлен лепной сосуд (рис. 3, 1). В зачищенном вертикальном обнажении заметно, что входная штольня, прорезавшая культурный слой поселения, смещена относительно погребальной камеры в сторону, что позволяет предполагать подбойный характер могильного сооружения.

Горшок имеет вертикальные пропорции, слабо округленное тулово с высоким, резко отогнутым наружу венчиком и плоским дном без закраин. Край устья орнаментирован косыми нарезками. Поверхность сосуда гладкая, светло-коричневого цвета, глина в изломе черного цвета без заметных примесей. Высота горшка 19 см, максимальное расширение тулова 16 см, диаметр устья 13 см, диаметр шейки 10 см, диаметр днища 10,5 см (рис. 3, 2). На дне сосуда зафиксированы зола и обожженные косточки.

По классификации А.П. Медведева такие сосуды относятся к III типу лепной керамики среднесарматской культуры [Медведев, 1998. С. 43–44]. Подобная керамика нередко встречается на городищах лесостепного Подонья и Поднепровья в первые века н. э., а также в погребальных комплексах вместе с сероглиняной посудой, бусами, фибулами, зеркалами [Смирнов, 1984. С. 99. рис. 45, 2]. Довольно часто они были представлены в материалах Среднего лесостепного Поволжья [Стащенко, 2005. С. 71, рис. 12] и в нижневолжской степи [Юдин, 2001. С. 39–40; Глухов, 2001. С. 215, рис. 1]. К примеру, абсолютно идентичен ладонскому экземпляру сосуд из погребения 1 кургана 12 I Бережновского могильника [Синицин, 1959. С. 75, рис. 18, 3; С. 77]. Следует отметить, что ориентировка погребенных в южные секторы наблюдается как в раннее, так и в среднесарматское время. Со второй половины II в. н. э. преимущественно встречается северная ориентировка [Скрипкин, 1984. С. 73–74; Археологическое наследие..., 2013. С. 135].

Катакомбные и подбойные варианты типичны для сарматских погребений с южной ориентировкой на территории степного Волго-Уралья, например у с. Калмыковка [Синицин, 1959. С. 207]. В Саратовском Правобережье

погребение позднесарматского времени в катакомбе исследовано у с. Большая Дмитриевка [Матюхин, 1992. С. 146–147, 153, рис. 4, 8].

И.С. Каменецкий отмечал, что обряд переkreщивания ног в погребальном ритуале вначале получает распространение у меотов Кубани в I в. до н. э. – I в. н. э., а у сарматов лишь во II–III вв. н. э., но и тогда он составлял в степи незначительный процент [Каменецкий, 1995. С. 14].

Редкие открытия грунтовых сарматских погребений при отсутствии признаков курганного обряда некоторыми исследователями оцениваются как свидетельство спорадического оседания кочевников на землю [Федоров-Давыдов, 1966. С. 200], особенно в лесостепных районах, где этому способствовали благоприятные природные и климатические условия [Медведев, 1990. С. 187]. Возможно, в определенный период подобная ситуация имела место в лесостепном Прихоперье. По всем указанным признакам сарматское погребение на поселении Ладонка 1 с наибольшей вероятностью датируется I–II вв. н. э. [Хреков, 2008. С. 97]. Не исключено, что оно было оставлено в пределах территории памятника, когда в раннем железном веке здесь функционировал поселок городецкой культуры.

Литература:

Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея. Под ред. А.С. Скрипкина. Волгоград, 2013.

Быков В.Ю. Новые археологические памятники в Аркадакском районе Саратовской области // Археология Восточно-европейской степи. Материалы IV Нижневолжской археологической конференции. Вып. 10. Саратов, 2013.

Глухов А.А. Сарматские погребения из могильника Красный Пахарь I // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Вып. 1. Волгоград, 2001.

Дьяченко А.Н. Поселение Ерзовка 1 и некоторые проблемы финальной бронзы Нижнего Поволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.

Екимов Е.Г. Позднесрубное поселение Садовое VI на р. Битюг // Эпоха бронзы Волго-Уральской лесостепи. Воронеж, 1981.

Изотова М.А., Малов Н.М. Хвалынская керамика поздней бронзы Танавского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.

Изотова М.А., Малов Н.М., Слонов В.Н. Классификация форм керамики и периодизация поселений хвалынской культуры эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // Археологические вести. Вып. 1. Саратов, 1993.

Каменецкий И.С. Население Нижнего Дона в I–III вв. н. э.: Автореф. дис...канд. ист. наук. М., 1995.

Колев Ю.И. Ивановская культура позднего бронзового века: характеристика культуры и проблемы исследования // Актуальные проблемы археологии Урала и Поволжья. Самара, 2008.

Кривцова-Гракова О.А. Алексеевское поселение и могильник // Труды государственного исторического музея. Вып. XVII. М., 1947.

Лопатин В.А. Постройки срубных поселений степного Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3, Саратов, 1992.

Лопатин В.А. Срубные поселения степного Волго-Уралья. Учебное пособие. Саратов, 2002.

Лопатин В.А. Культурно-хронологические комплексы поселения в урочище «Мартышкино» // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 2001. Вып. 5. Саратов, 2003.

Малов Н.М. Хвалынская культура валиковой керамики эпохи поздней бронзы в Поволжье. Тезисы докладов конференции. Суздаль, 1987.

Малышев А.Б. Исследования Алексеевского городища в 2006 году // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 8. Саратов, 2006.

Матюхин А.Д. Сарматские памятники I–IV вв. в Саратовском правобережье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.

Медведев А.П. Сарматы и лесостепь. Воронеж, 1990.

Медведев А.П. Чертовицкое городище // Археологические памятники Верхнего Подонья первой половины I тыс. н. э. Археология Восточно-Европейской лесостепи. Воронеж, 1998.

Мыськов Е.П. Новые памятники позднего бронзового века в Волго-Донском междуречье // Археология Восточно-Европейской степи. Вып. 3. Саратов, 1992.

Синицин И.В. Исследования Заволжского отряда (1951–1953 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. №60. М., 1959.

Скрипкин А.С. Нижнее Поволжье в первые века нашей эры. Саратов, 1984.

Смирнов К.Ф. Сарматы и утверждение их политического господства в Скифии. М., 1984.

Сташенков Д.А. Оседлое население Сарматского лесостепного Поволжья в I–V вв. н. э. Самара, 2005.

Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. М., 1966.

Хреков А.А. Сарматские памятники лесостепного Прихоперья // Археологическое наследие Саратовского края. Саратов, 2008.

Юдин А.И. Алексеевское городище в Саратове // Археологическое наследие Саратовского края. Охрана и исследования в 1998–2001 годах. Саратов, 2001.

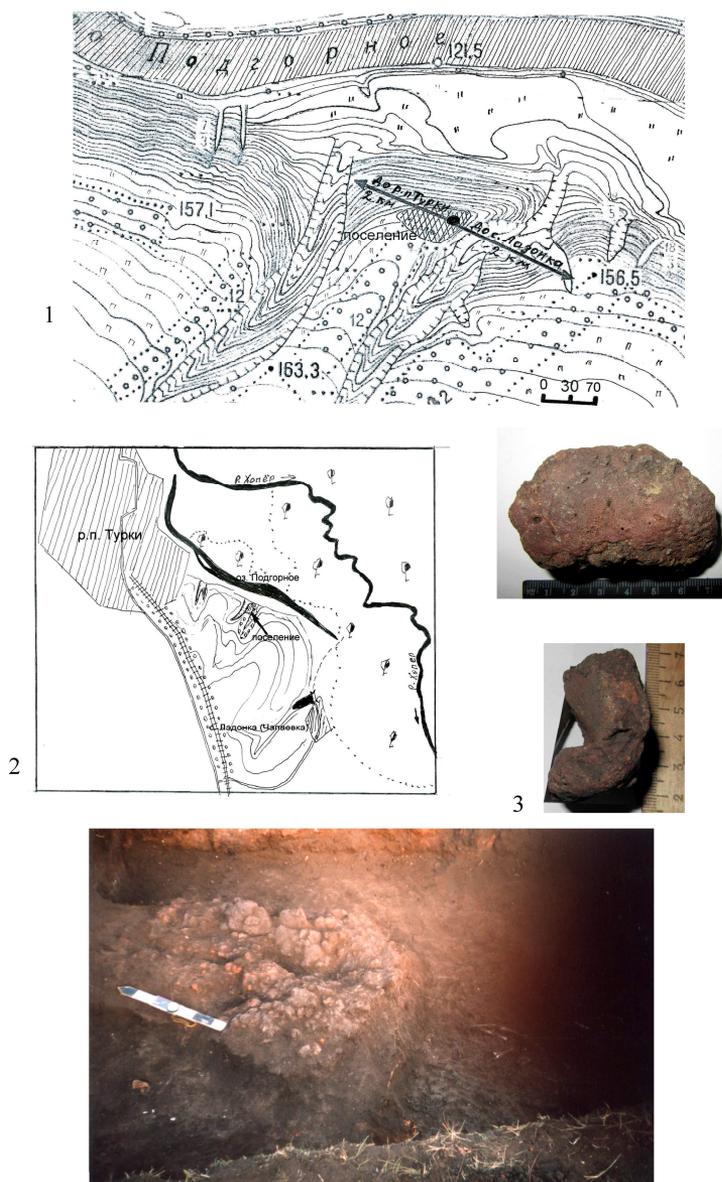

Рис. 1, 2 – местоположение памятника Ладонка; 3 – вид глиняного очага; 4 – керамика.

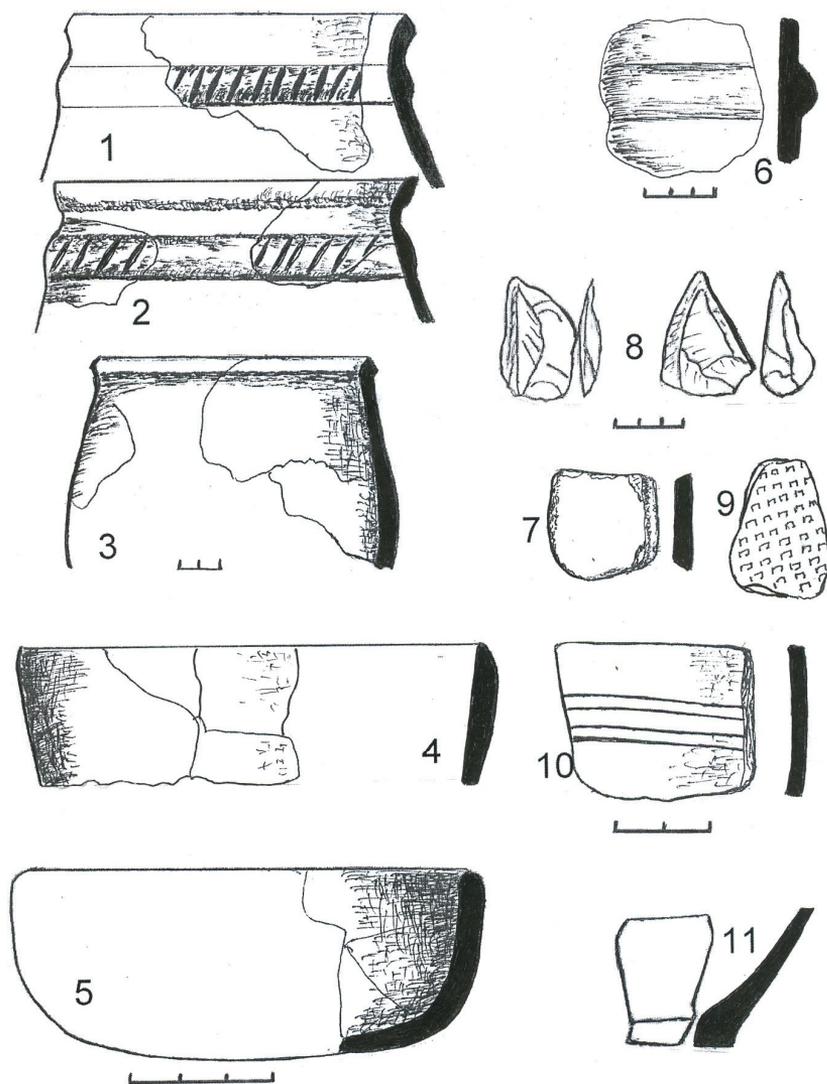

Рис. 2. Материалы памятника Ладонка. 1-6, 9-11 - керамика, 7-8 камень.

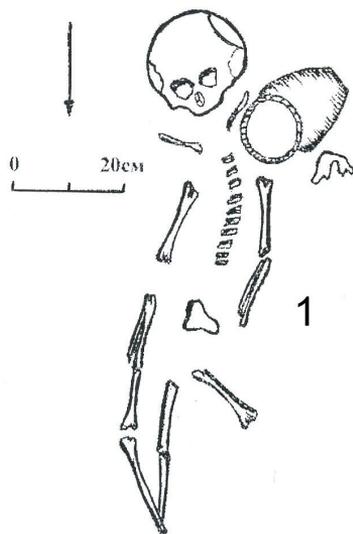
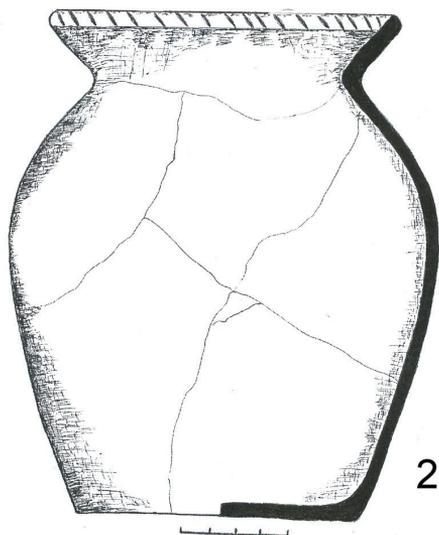

Рис. 3. Материалы сарматского погребения памятника Ладонка.
1 - погребение; 2 - керамический сосуд.

*Жемков А.И., Ким М.Г.,
Кочерженко О.В., Слонов В.Н.*

КУРГАННАЯ ГРУППА У СЕЛА ДМИТРИЕВКА
ВОЛЬСКОГО РАЙОНА САРАТОВСКОЙ ОБЛАСТИ

В работе публикуются результаты раскопок курганов №№1, 2 и 4 у с. Дмитриевка Вольского района Саратовской области, производившиеся экспедицией под руководством М.Г. Кима. Все 6 принадлежавших курганам погребений по обряду соответствуют либо периоду, предшествующему эпохе поздней бронзы (посткатакомбные), либо срубной культуре. Вместе с тем, на основании ряда признаков делается предположение, что все рассмотренные погребения были совершены в узком хронологическом диапазоне, а их разная культурная атрибуция допускает прямую генетическую преемственность двух культурных миров – посткатакомбного и срубного.

Ключевые слова: срубная культура, погребальный обряд

*Zhemkov A.I., Kim M.G.,
Kocherzhenko O.V., Slonov V.N.*

KURGAN GROUP IN THE VILLAGE DMITRIEVKA
IN VOLSKIY AREA OF SARATOV REGION

This article observes the results of excavations of the kurgans №№1, 2, 4, located close to the village Dmitrievka in Volskiy area of Saratov region, performed by the expedition team, headed by M.G. Kim. All 6 burials, related to the kurgan group, belong to the period, which precedes the Late Bronze age (post-catacomb) and Timber-grave culture. At the same time, according to the number of facts, we suggest that all of the observed burials were committed at the same chronological

phase, though their diverging cultural attribution admits to the direct genetic succession, generated by two cultural traditions: Post-catacomb and Timber-grave.

Key words: Timber-grave culture, obsequies

Интенсивность полевых археологических исследований всегда существенно превосходила темпы опубликования и введения в научный оборот материалов производимых раскопок. Поэтому едва ли могут возникнуть сомнения в важности публикации полноценно раскопанных представительных памятников. К их числу, безусловно, относится курганный могильник у села Дмитриевка Вольского района Саратовской области, исследованный экспедицией под руководством М.Г. Кима в 1978–1979 годах. Керамика Дмитриевских курганов активно использовалась исследователями при классификации посуды срубной культуры правобережных районов Нижнего Поволжья [Малов, Кочерженко. 1989. С. 142–145.; Кочерженко, Малов, Слонов. 1993. С. 85–109.]. Публикацию этих материалов¹ мы начинаем в предлагаемой работе.

Курганы, обозначенные автором раскопок как «группа 1», – это 11 земляных насыпей, располагавшиеся на северной окраине с. Дмитриевка, на высоком холме, полого понижающемся к правому берегу р. Терешки (правый приток Волги) (рис. 1). В данной работе приводятся результаты раскопок курганов 1, 2 и 4.

*Курган 1*², диаметр насыпи 26 м, высота 0,6 м (рис. 3), содержал одно погребение (рис. 4). В 1,5 м к юго-западу от условного центра кургана была обнаружена яма подпрямоугольной формы, размерами 165 x 110 см. Длинными стенками яма ориентирована с юго-запада на северо-восток. Глубина от 0R 1,46 м. Юго-восточная продольная стенка оборудована ступенькой, высота которой относительно дна ямы составляла 14 см, а ширина – 15 см. Очевидно на уровне ступеньки могила была перекрыта поперечными плахами шириной 25–30 см и толщиной 5–8 см. На дне – темный органический тлен. Положение погребенного (взрослый человек) – скорченное на левом боку головой к северо-востоку, руки согнуты в локтях, кисти между коленями. Под черепом лежал маленький уголек. Около кисти правой руки зафиксировано частично сохранившееся костяное кольцо (фото 1). Внутренний диаметр кольца – 1,7 см, внешний – 2,5 см, внутренняя поверхность плоская, внешняя округлая. Ширина кольца 0,4 м, толщина 0,3 см. Перед грудью погребенного лежали альчик, копытце и несколько других небольших костей ног МРС.

¹ Из материалов раскопок к настоящему времени опубликованы лишь 3 отдельных сосуда (Народная икона... Саратов, 1984. С. 18–19).

² Условные обозначения для всех чертежей приведены на рис. 2.

Подобные кольца известны в материалах ямной культуры эпохи ранней бронзы [Синюк, 1983. Рис. 2, 5], но чаще они встречаются в памятниках катакомбной культуры [Гуренко и др., 1994. Рис. 2, 9], а также в посткатакомбных комплексах [Мимоход, 2013. Рис. 2, 21, 22]. Сочетание некоторых обрядовых особенностей (простая яма, ориентировка, левобочная скорченность, руки, протянутые к коленям, кости МРС) как раз позволяют отнести единственное погребение из первого кургана к кругу посткатакомбных культурных образований.

Курган 2, диаметр насыпи 24 м, высота – 0,5 м (рис. 5), также содержал одно захоронение (рис. 6). Оно находилось в 3,8 м к юго-востоку от центра кургана. Могильная яма подпрямоугольной формы с закругленными углами и расширяющимися книзу стенками, размерами на уровне материка 1,95 x 1,5 м, на уровне дна могилы – 2 x 1,6 м, ориентирована продольной осью с юго-запада на северо-восток. В ходе выборки заполнения, на глубине 1,24 м от условной вершины насыпи, зафиксированы остатки мощного перекрытия из уложенных поперек могилы бревен диаметром 20–25 см. Вдоль длинной юго-восточной стенки оборудована ступенька шириной 0,7 м и высотой 10–15 см относительно дна могилы. Скелет взрослого человека располагался скорченно на левом боку, головой к северо-востоку. Естественные сочленения скелета несколько нарушены землероями (череп смещен на уровень грудины, нижняя челюсть у пояса). Установлено, что руки были протянуты к бедрам. Перед грудью погребенного лежала большая кость конечности крупного домашнего животного (лошади или КРС) а у коленей и рядом с черепом зафиксированы кости ног МРС.

Обрядовые признаки данного погребения близки показателям захоронения из первого кургана и также могут быть отнесены к посткатакомбному периоду.

Курган 4, диаметр насыпи 15 м, высота – 0,5 м (рис. 7), содержал 4 погребения. При этом выкиды из могильных ям не были зафиксировано, и определить стратиграфически основное погребение не представляется возможным.

Погребение 1 (рис. 8) было обнаружено в 3,6 м к юго-востоку от центра подкурганного пространства. Могильная яма прямоугольной формы с вертикальными стенками и закругленными углами, размерами 1,5 x 1,05 м, была ориентирована продольной осью с юго-запада на северо-восток. В заполнении, на глубине 1,24 м от условной вершины насыпи были зафиксированы остатки поперечного деревянного перекрытия. На разной глубине под перекрытием встречались разрозненные кости взрослого человека, а также первая фаланга и зуб лошади. Судя по сохранившимся на дне могилы костям скелета, умерший лежал на левом боку, в скорченной позе адорации (кисти рук перед лицом).

В северном углу могилы стоял обожженный до светло-коричневого цвета глиняный лепной сосуд (№1): трехчленный, с плоским дном, едва выделенной шейкой и отогнутым венчиком, по форме близкий к закрытой банке (рис. 9). Край венчика скруглен. Под венчиком и до плечиков нанесен прочерченный орнамент в виде горизонтального ряда косых крестов. Поверхность сосуда заглажена, заметны незначительные расчесы. Внутренняя поверхность темная, с нагаром. Диаметр горловины 20 см, днища 9,6 см, тулова 21 см, высота 22 см. Толщина стенок 5 мм.

На уровне груди, возле рук, располагался второй лепной сосуд (№2) (рис. 10): трехчленный, остросреберный, с ребром на уровне 2/3 от общей высоты сосуда. Венчик плоскосрезанный, горизонтальный. Под венчиком прочерчена прямая линия, две такие же проходят по ребру. Между ними – тройной зигзаг. Дно плоское, с закраиной. Высота сосуда 12,4 см, диаметр горловины 18 см, днища 9 см, тулова 18,8 см. Толщина стенок 6 мм. Обжиг неровный.

Вдоль длинной юго-восточной стенки могилы лежала тонкая деревянная дощечка длиной 75 см, шириной 20 см, толщиной до 0,5 см. На костях скелета и под ними отмечен буроватый органический тлен, а на дне могилы заметны остатки меловой подсыпки.

В соответствии с признаками обряда и керамики погребение №1 отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 2 (рис. 11) зафиксировано в 1,4 м к СВВ от 0R. Могильная яма прямоугольной формы с закругленными углами, размерами 1,7 x 1,2 м, длинной осью ориентирована с юго-запада на северо-восток. Над южным углом ямы, на глубине 60 см в толще насыпи, находился череп и длинные кости лошади. В заполнении могилы, на глубине 1,51 м от условной вершины кургана, фиксировались фрагменты поперечного перекрытия в виде бревен диаметром до 30 см. Под перекрытием на разной глубине встречались разрозненные кости животных. На дне ямы находился скелет взрослого человека в положении «скорченно на левом боку», с подогнутыми в коленях ногами, ориентированный головой на северо-восток. Левая рука протянута к ногам, вывернута локтем наружу, при этом кисть находилась на тазовых костях. Правая рука сильно согнута в локте, кисть перед лицом.

Перед погребенным, на уровне головы и груди стояли 3 лепных сосуда. Первый из них, крайний к северу (№1) – остросреберный с несколько скругленным ребром (рис. 12). Венчик плоский, косо срезан наружу. Дно плоское без закраины. Под венчиком и по ребру нанесено по одиночному ряду вдавлений, между ними – одинарный зигзаг, выполненный крупнозубчатым штампом. В трех местах – над зигзагом, под ним и под ребром – нанесены отпечатки полой трубочки, нарушающие регулярность орнамента. Еще в одном месте внутри треугольника точками нанесен треугольник поменьше.

Наконец, ниже ребра имеется еще одно линзовидное, горизонтально расположенное вдавление. Обжиг сосуда неравномерный, цвет – от коричневого до черного, внутри – следы нагара. Высота сосуда 20,6 см, диаметр горловины – 22,4 см, днища – 11,4 см, тулова по ребру – 24 см. Толщина стенок 6 мм.

Второй сосуд, стоявший южнее (№2) – острореберный с ребром на уровне 2/3 высоты сосуда (рис. 13). Венчик косо срезан наружу, днище плоское, с закраиной. По ребру прочерчен одинарный зигзаг. Между ним и венчиком – ряд из заполненных равносторонних треугольников, обращенных вершинами вверх, нанесенных оттисками крупнозубчатого штампа. В одном месте зигзаг, проходящий по ребру, имеет разрыв на ширину треугольника. Над этим местом под венчиком крупнозубчатым штампом оттиснута горизонтальная линия длиной 1,5 см. Обжиг сосуда неравномерный – имеются коричневые и черные пятна. Высота сосуда 16,4 см, диаметр горловины – 21,7 см, днища – 10,4 см, тулова по ребру – 23,7 см. Толщина стенок 7 мм.

Третий сосуд (№3), стоявший ближе к умершему (рис. 14), также острореберный, ребро расположено на уровне 2/3 высоты. Венчик плоский, горизонтально срезанный. Дно плоское с незначительной закраиной. Под венчиком нанесена резная горизонтальная линия. Такая же горизонтальная, но двойная, проходит по ребру. Между этими линиями на плечике горшка располагается орнамент в виде ряда ромбов, прочерченных двойными линиями. Обжиг неровный, цвет внешней поверхности коричневый с черными пятнами. Внутренняя поверхность черная. Высота сосуда 14,0 см, диаметр горловины 15,2 см, днища 8,5 см, тулова по ребру 16,8 см. Толщина стенок 5 мм. Дно могилы покрывал растительный тлен сиреневого цвета, такой же тлен фиксировался и на костях скелета. Под тленом все дно могилы было засыпано мелом, наиболее густо – под коленями умершего.

Погребение отнесено к срубной культуре эпохи поздней бронзы.

Погребение 3 (рис. 15) было расположено в 2 м к западу от центра кургана. Прямоугольная яма с закругленными углами, размерами 1,4 x 1,3 м, длинной стороной ориентирована по линии «запад-восток». В заполнении, на глубине 1,52 м от 0R фиксировались остатки поперечного деревянного перекрытия, под ним, в центральной части могилы встречены два фрагмента глиняного лепного сосуда. Толщина стенок 11 мм, цвет – серый, в изломе – черный, обжиг слабый.

На дне ямы, ближе к северной стенке, лежал скелет взрослого человека в позе «скорченно на левом боку», головой к востоку. Погребение потревожено сурчиной норой, вследствие чего некоторые кости отсутствовали, и в частности невозможно было определить положение рук.

В юго-восточном углу могилы, завалившись набок, лежал баночный сосуд (№1) (рис. 16). Венчик плоскосрезанный, горизонтальный, с наружной

стороны округлен. Придонная часть асимметрична: с одной стороны у дна имеется закраина. Верхняя часть сосуда орнаментирована: с одной стороны нанесены резные знаки, крестообразные и абстрактные, с другой – ямочные вдавления, образующие треугольники, обращенные вершинами вниз. Обжиг неровный, цвет поверхности коричневый с черными пятнами. Высота сосуда 18 см, диаметр горловины 19,5 см, диаметр максимального расширения тулова 19,5 см, днища 10,5 см. Толщина стенок 7 мм.

В заполнении норы найден еще один сосуд (№2) (рис. 17) – лепной, острореберный. Ребро проходит на уровне 3/5 общей высоты сосуда. Венчик плоскосрезанный, горизонтальный. Дно плоское с незначительной закраиной. Выше ребра имеется орнамент: наклоненные вправо штрихи, образующие равносторонние треугольники, обращенные вершинами вверх, пространства которых заполнены вдавлениями полой трубочки. Ниже ребра отдельно расположен еще один заштрихованный треугольник. Рядом с ним прочерчен знак в виде зигзага, ограниченного снизу и сверху горизонтальными линиями. Сосуд обожжен до кирпичного цвета, местами имеются черные пятна. Высота сосуда 12 см, диаметр горловины 14,5 см, максимального расширения тулова 15,7 см, днища 9,2 см. Толщина стенок 4–5 мм.

Дно могилы было покрыто растительным гнетом сиреневого цвета.

Погребение имеет обрядовые признаки срубной культуры эпохи поздней бронзы.

Погребение 4 (рис. 18) располагалось в 4,5 м к ЮВВ от центра кургана. Прямоугольная яма с округленными углами, размерами 1,8 x 1,3 м, ориентирована продольной стороной по линии «СВВ-Ю33». На глубине 1,84 м от 0R, в северо-западном углу ямы лежал лепной острореберный сосуд (рис. 19). Ребро на уровне 3/5 высоты. Венчик плоскосрезанный, горизонтальный, дно плоское с закраиной. Выше ребра – прочерченный орнамент в виде ряда из углов вершинами вверх с заполнением из подобных же углов меньшего размера. Обжиг сосуда неровный, цвет – серый с коричневыми пятнами. Внутри и снаружи – сажевые потеки, внутри – нагар. Сосуд асимметричен, высота его стенок 10,8–11,3 см. Диаметр горловины 15,4 см, максимального расширения тулова 16,4 см, днища 9,8 см. Толщина стенок 5 мм. Рядом с ним найдены два небольших фрагмента другого горшка. Один из фрагментов орнаментирован гребенчатым штампом и четырехугольными вдавлениями.

Вероятно указанные артефакты находились на поперечном перекрытии из бревен диаметром до 30 см, которое расчищено ниже. Дно ямы сильно попорчено норами сурков, нетронутым сохранился только центр могилы. Здесь, на левом боку, по линии «В-3» располагался частично сохранившийся скелет взрослого человека (отсутствуют череп, кости ног и левое предплечье). Правая рука была согнута в локте под прямым углом, левое плечо вытянуто в на-

правлении ног. Дно могилы было покрыто сиреневым тленом, такой же тлен покрывал кости. Поверх тлена все было посыпано мелом.

Погребение можно отнести к срубной археологической культуре эпохи поздней бронзы.

* * *

Все 6 погребений из 3 курганов обладают некоторыми общими обрядовыми признаками: близки линейные размеры могильных ям, в целом совпадают соотношения длины и ширины могил; все погребения имеют деревянные перекрытия, устроенные одинаково; все погребенные ориентированы в северо-восточном направлении. Особое внимание следует обратить на комплексы с аномальным положением рук, в которых присутствуют классические срубные сосуды. Все это вместе позволяет предположить, что все рассмотренные материалы помещаются в относительно узком хронологическом диапазоне. Некоторые различия в культурной атрибуции в данном случае указывают на генетическую преемственность посткатакомбной и срубной традиций.

Литература:

Гуренко Л.В., Ситников А.В., Скворцов Н.Б., Сурков А.Г. Раскопки курганов у пос. Верхне-Рубежный // Древности Волго-Донских степей. Вып. 4 / под ред. В.И. Мамонтова. Волгоград, 1994.

Кочерженко О.В., Малов Н.М., Слонов В.А. Опыт использования кластерного анализа при классификации форм керамики срубных погребений Нижне-волжского Правобережья (Пограничье степи и лесостепи) // Археологические вести. Саратов: Изд-во СГУ. 1993.

Малов Н.М., Кочерженко О.В. Первичная классификация керамики срубных погребений правобережных районов пограничья степи-лесостепи Нижнего Поволжья // АВЕС. Вып. 1. Саратов: Изд-во СГУ. 1989.

Мимоход Р.А. Посткатакомбный период в Нижнем Поволжье и Волго-Донском междуречье: содержание и дефиниции // АВЕС. Вып. 10 / под ред. В.А. Лопатина. Саратов, 2013.

Народная икона, скульптура, миниатюра и керамика Саратовского края. Сост. Н.В. Гаврилова, В.В. Лопатин, М.Г. Ким. Саратов: Производственное объединение «Полиграфист», 1984.

Синюк А.Т. Курганы эпохи бронзы Среднего Дона. Воронеж, 1983.

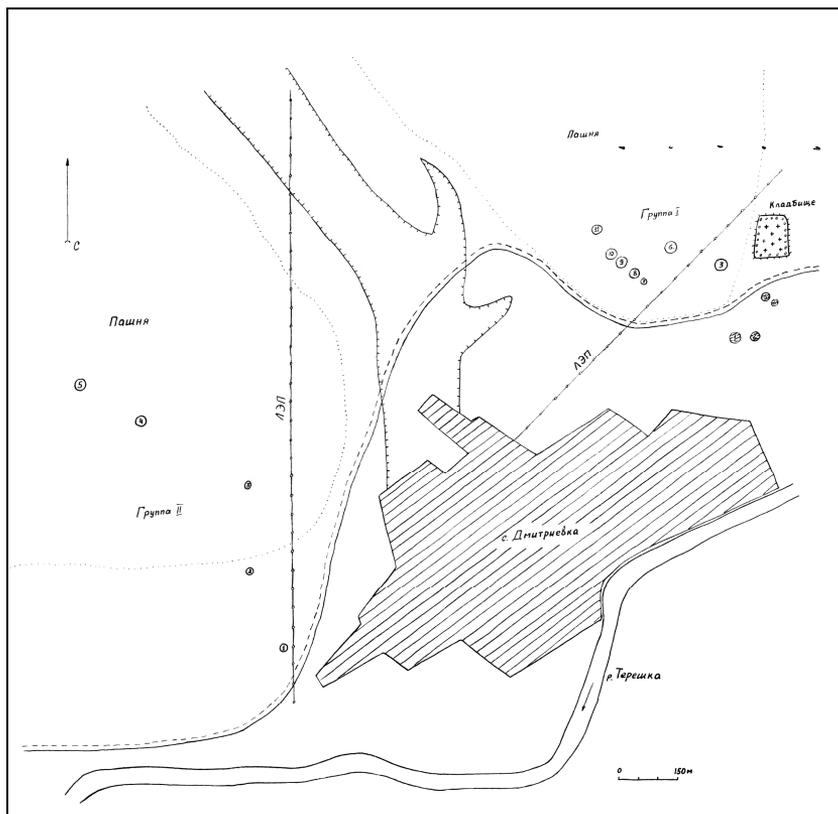

Рис. 1. План курганного могильника у с. Дмитриевка.

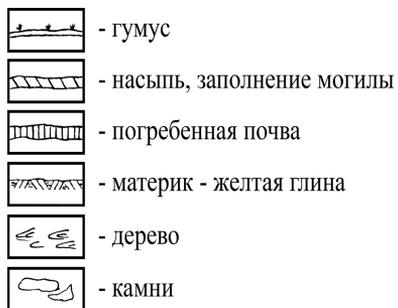

Рис. 2. Условные обозначения.

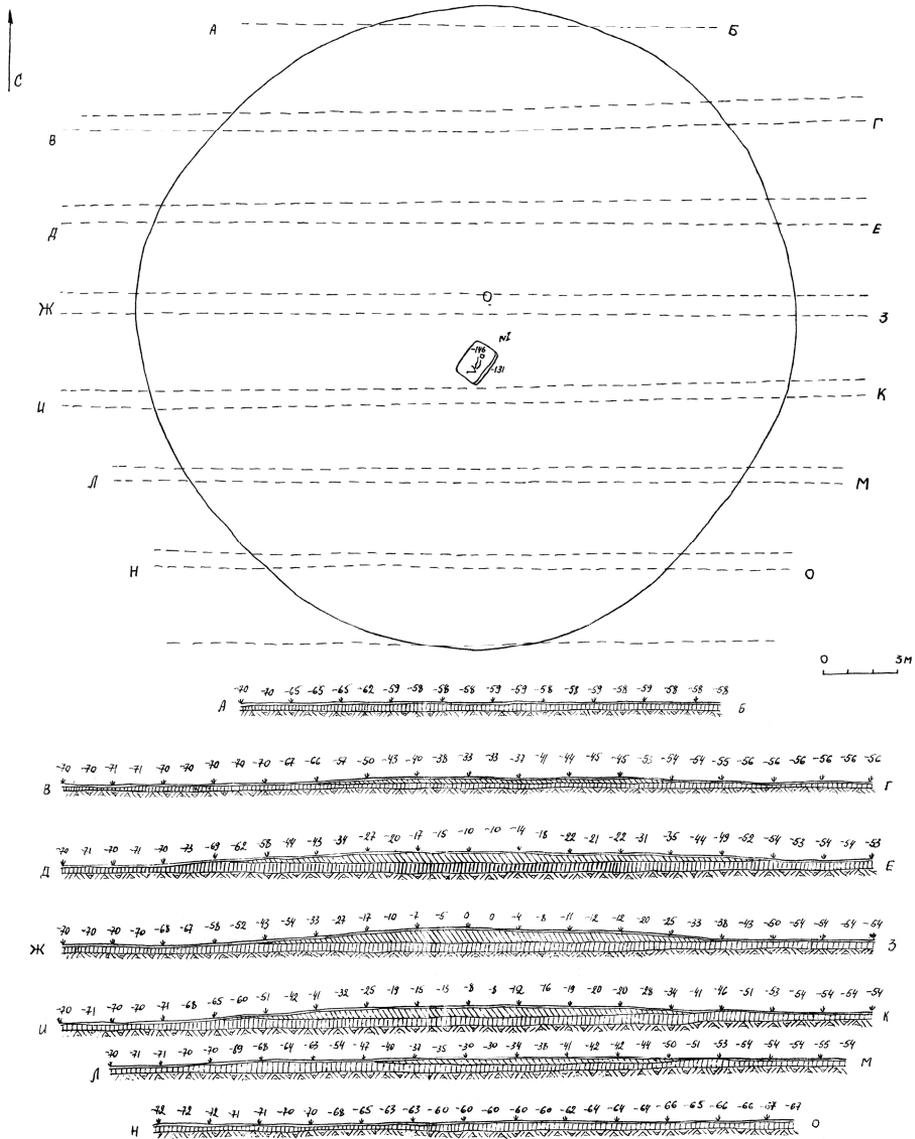

Рис. 3. Курган 1. Общий план и профили бровок.

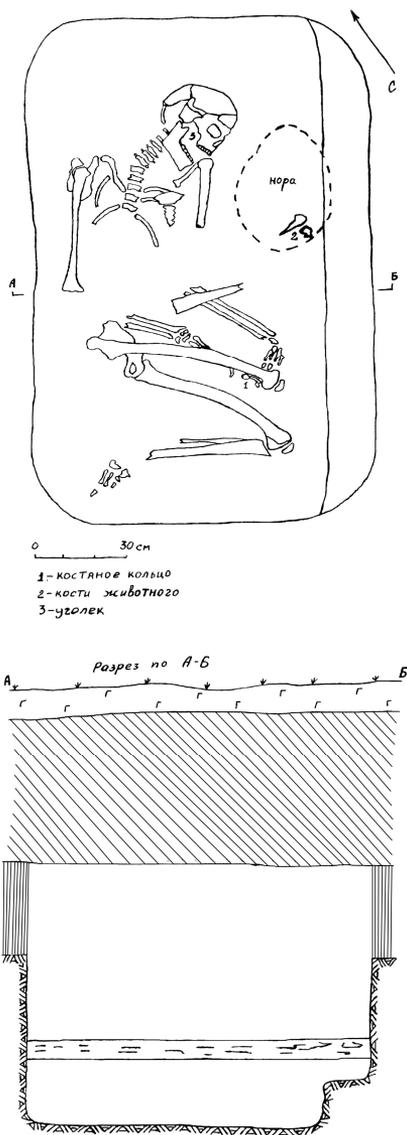

Рис. 4. Курган 1. Погребение 1. План и профиль.

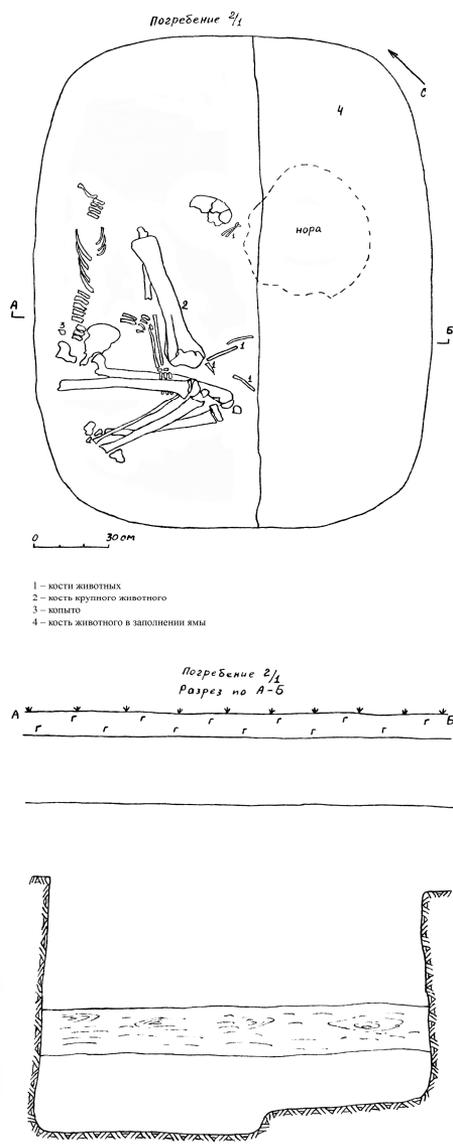

Рис. 6. Курган 2. Погребение 1. План и профиль.

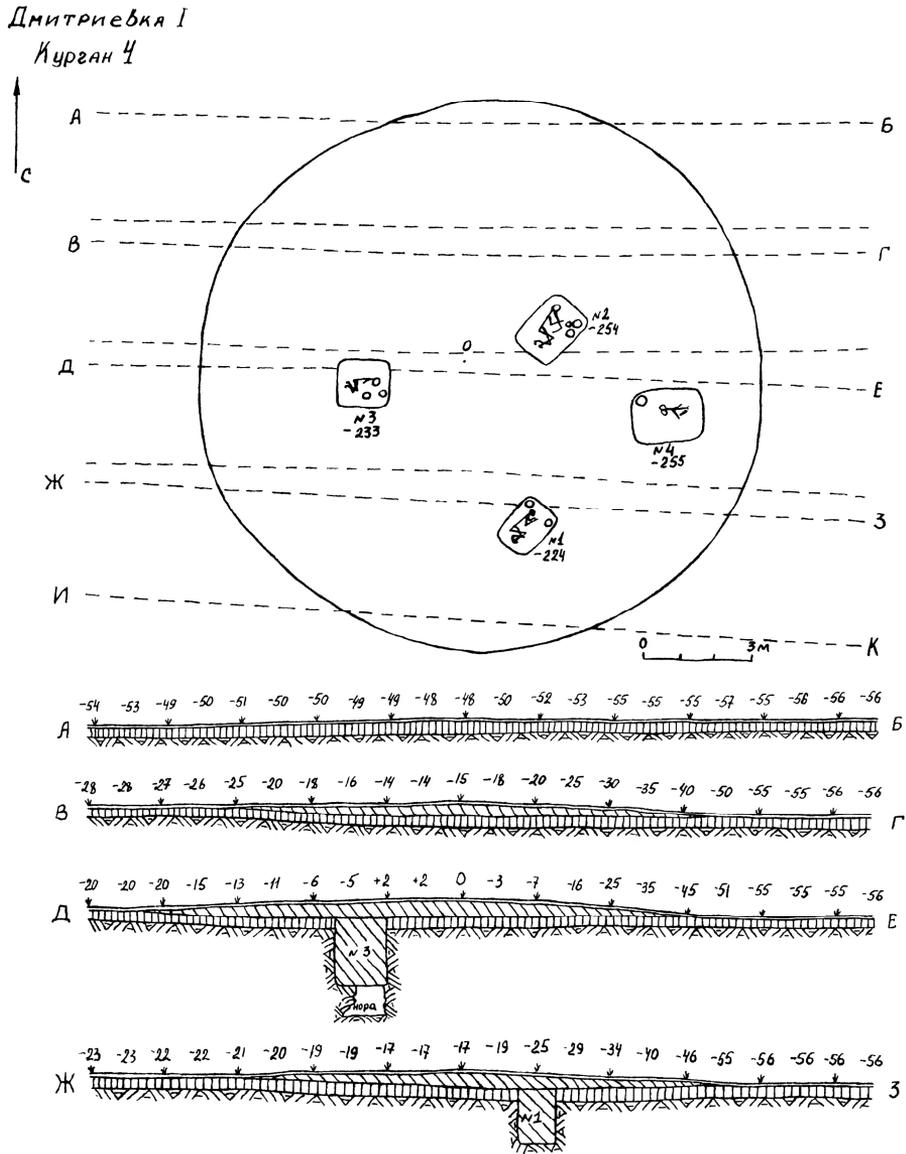

Рис. 7. Курган 4. Общий план и профили бровок.

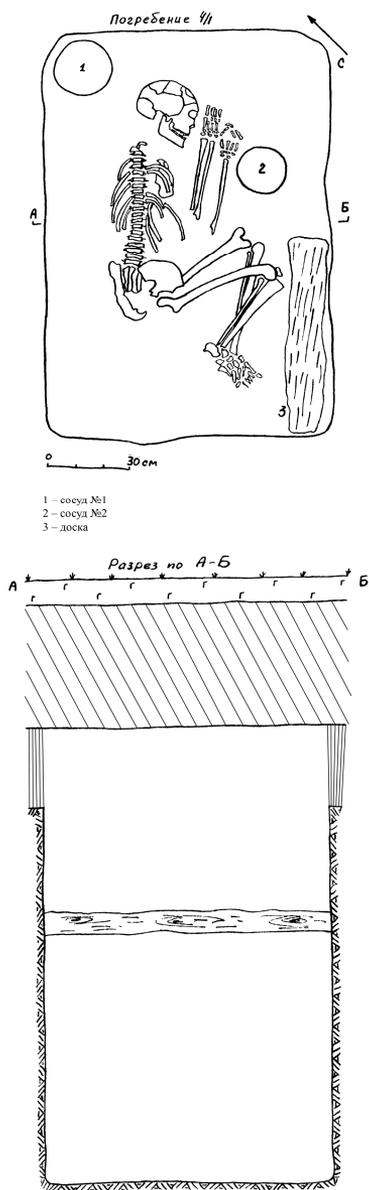

Рис. 8. Курган 4. Погребение 1. План и профиль.

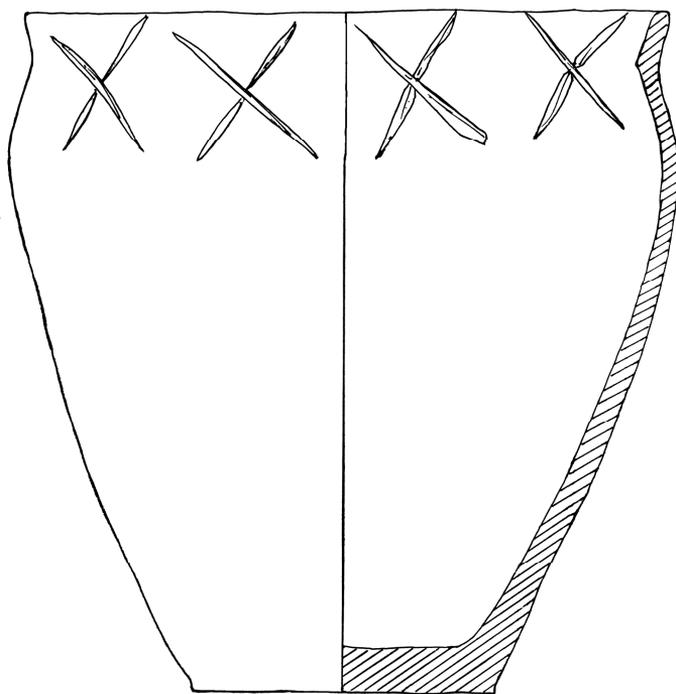

Рис. 9. Курган 4. Погребение 1. Сосуд 1.

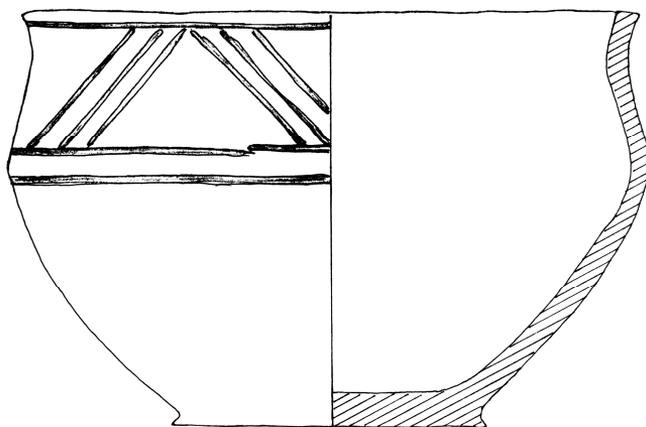

Рис. 10. Курган 4. Погребение 1. Сосуд 2.

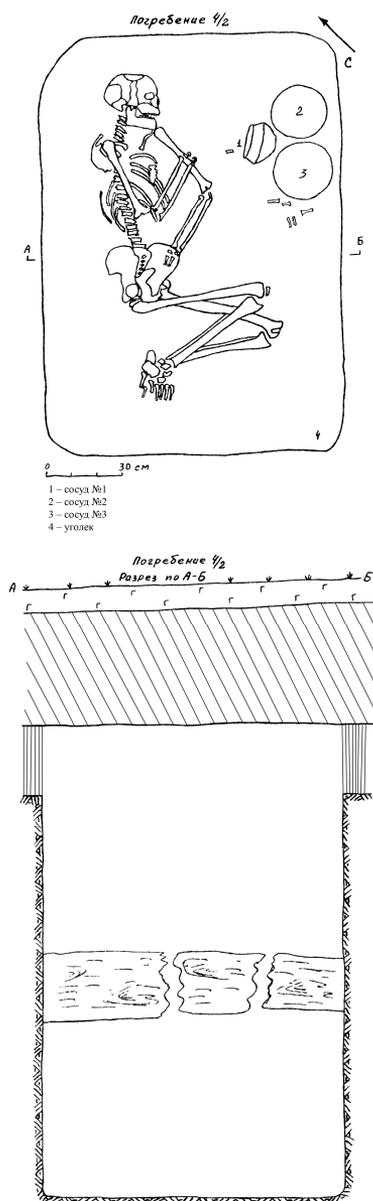

Рис. 11. Курган 4. Погребение 2. План и профиль.

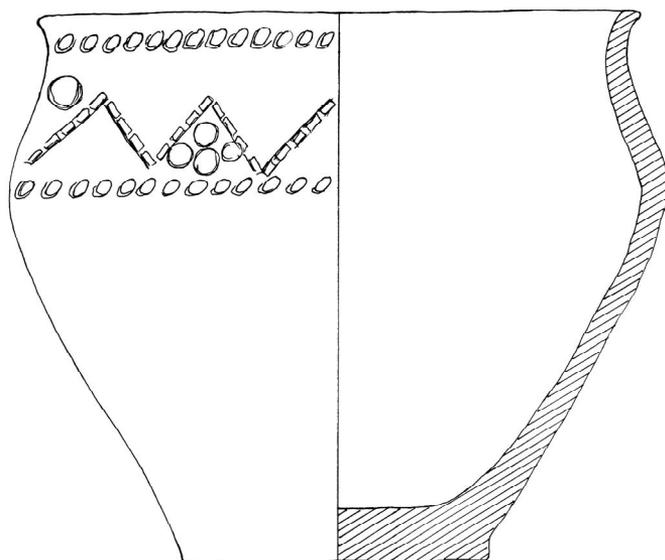

Рис. 12. Курган 4. Погребение 2. Сосуд 1.

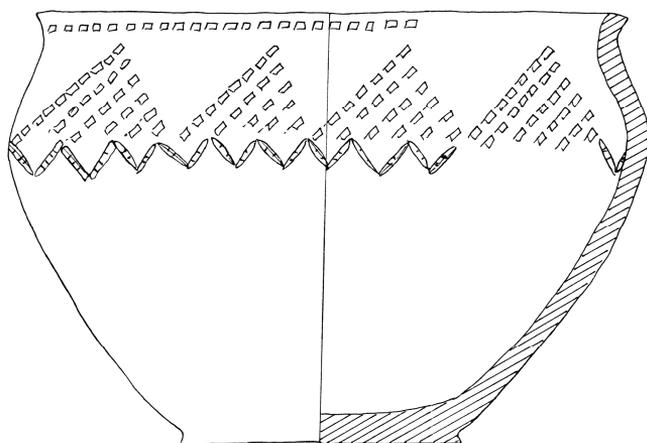

Рис. 13. Курган 4. Погребение 2. Сосуд 2.

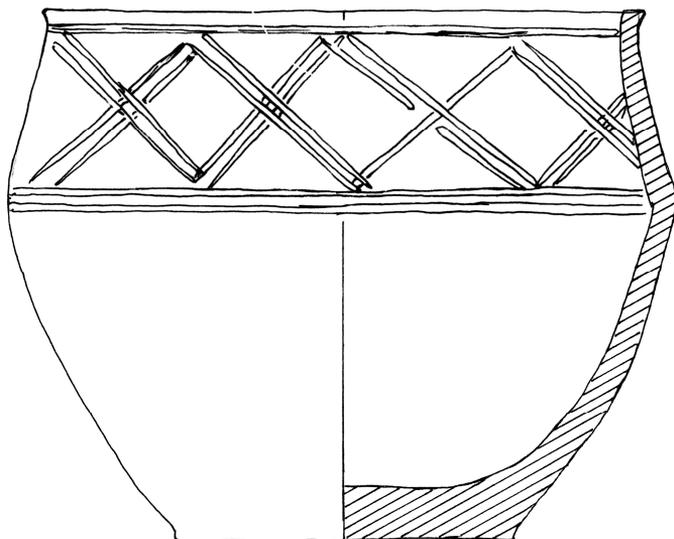

Рис. 14. Курган 4. Погребение 2. Сосуд 3.

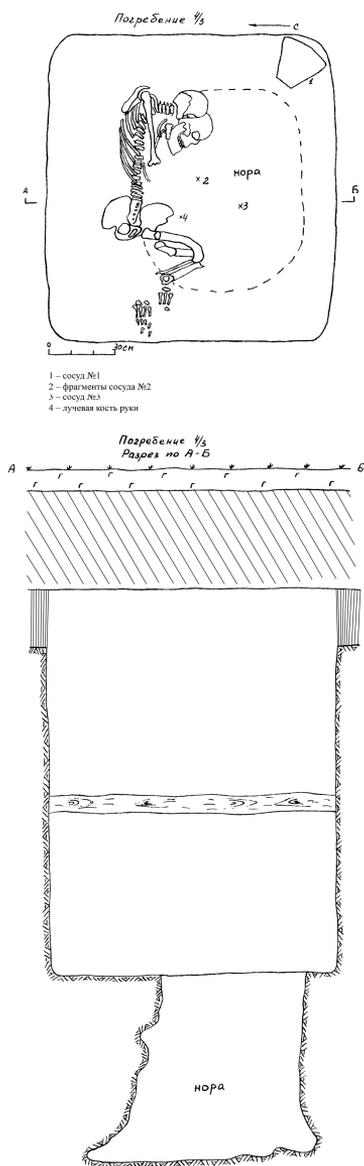

Рис. 15. Курган 4. Погребение 3. План и профиль.

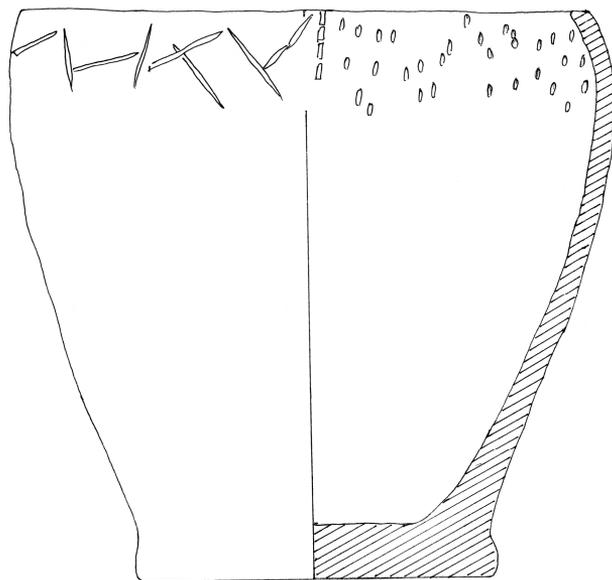

Рис. 16. Курган 4. Погребение 3. Сосуд 1.

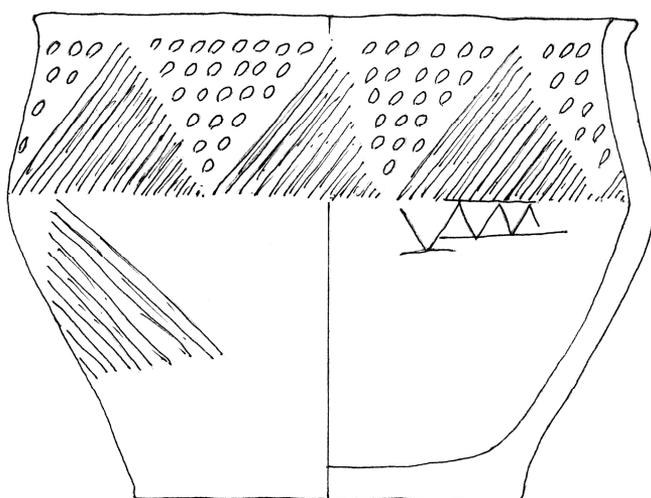

Рис. 17. Курган 4. Погребение 3. Сосуд 2.

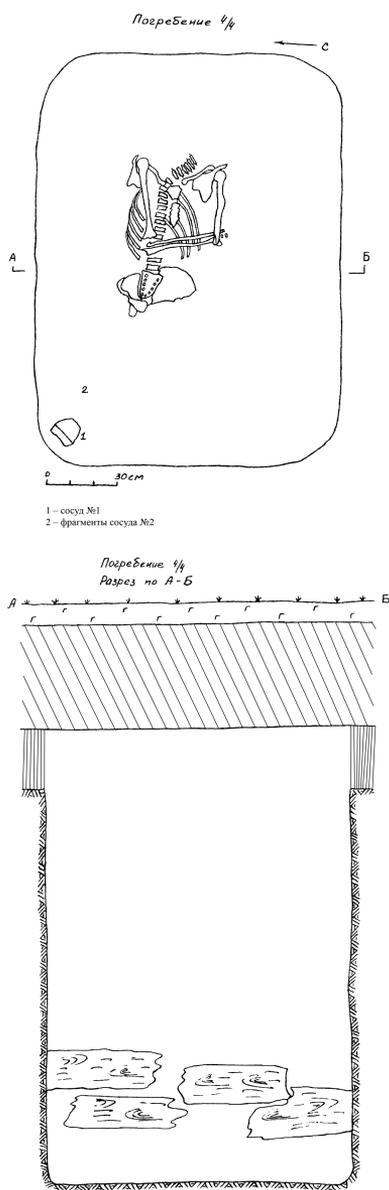

Рис. 18. Курган 4. Погребение 4. План и профиль.

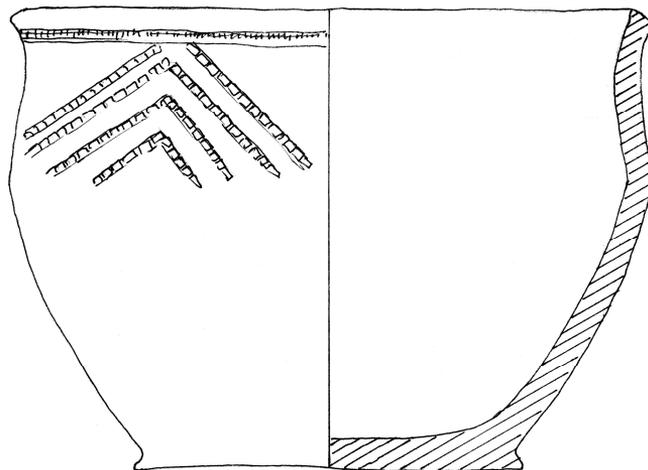

Рис. 19. Курган 4. Погребение 4. Сосуд.

Фото 1. Курган 1. Погребение 1. Костяное кольцо

З А М Е Т К И

Лопатин В.А., Четвериков С.И.

КАМЕННЫЙ СКИПЕТР ИЗ СОКУРА

Местонахождение «Брод» выявлено в пределах северной окраины с. Сокур, на мелководной переправе через р. Сокурка. Здесь обнаружен диоритовый жезл, отполированный по всей поверхности. По систематизации цилиндрических скипетров С.Н. Корневского находка является одним из простых вариантов 2 группы предметов подобного типа с «абстрактным» навершием. В эпоху энеолита-ранней бронзы, в степной Евразии они производились как знаки-инсигнии родовой власти в раннескотоводческих племенах IV–III тыс. до н. э., а зоолатрические мотивы, вероятно, являлись тотемными индикаторами родовой принадлежности.

Ключевые слова: Село Сокур, Саратовское Правобережье, энеолит, ранняя бронза, скипетр, инсигния власти

Lopatin V.A., Chetverikov S.I.

STONE SCEPTER FROM SOKUR

The Brod location has been revealed within the northern fringe of the village of Sokur, at the shallow-water ford across the Sokurka river. A diorite all-over polished scepter has been found. According to S.N. Korenevskij's scepter classification, the find represents one of the simple variants of the second group of similar items with an "abstract" pommel. In the Eneolith - Early Bronze Age, in the steppe Eurasia, those used to be made as clannish power insignia in the early cattle-rising tribes of the IV–III millennia B.C. Zoolatrous motives might have represented totem indications of generic assignment.

Key words: The village of Sokur, the Volga right bank region near Saratov, Eneolithic, Early Bronze, scepter, insignia of power

В 2011 г. разведочным отрядом Саратовского университета проводились плановые мониторинговые мероприятия в окрестностях с. Сокур Татищевского района Саратовской области. Были обследованы террасы речки Сокурки в целях уточнения степени сохранности известных памятников археологии и открытия новых объектов. В ходе разведок выявлены новые, ранее неизвестные, преимущественно погребальные памятники – 4 курганные группы и 8 отдельно стоящих курганов [Лопатин, 2012. С. 22–32]. Особый интерес вызывает пункт нахождения редкого артефакта – каменного полированного скипетра, обнаруженного на мелководье переправы через р. Сокурка.

Местонахождение «Брод» выявлено в пределах северной окраины с. Сокур, на мелководной (бродовой) переправе через р. Сокурка. С юго-запада на северо-восток через брод проходит грунтовая дорога из деревни к Тугушевским прудам, которые находятся в 0,6 км северо-восточнее переправы. В 2 км южнее от этого пункта, на территории села стоит церковный храм. В непосредственной близости от брода, на левом берегу р. Сокурка, в 50 м западнее расположены старые животноводческие фермы. В этом месте русло Сокурки проложено между тесными обрывистыми берегами, заросшими ветельником и тальниковым кустарником. По обоим берегам съезд к броду проложен землеройной техникой.

На галечном мелководье брода, ближе к левому берегу, участник разведгруппы С.И. Четвериков обнаружил каменный предмет зеленовато-серого цвета (вероятно, диоритовый), отполированный по всей поверхности (рис. 1). Изделие представляет собой продолговатый цилиндр с незначительным утолщением в средней части и круглым сечением. Оно использовалось в качестве песта, но одновременно могло выполнять и сакральные функции в качестве вотивного жезла. Нижний рабочий край имеет небольшую каверну, а верхний оформлен фигурным очертанием, напоминающим голову животного, возможно, барана. Общая длина предмета 20 см, диаметр поперечного сечения в средней части 5 см, диаметр нижнего рабочего края 3,5 см.

Наиболее обстоятельная систематизация цилиндрических скипетров была предложена С.Н. Корневским, который указывает признаки простых вариантов 2 группы предметов подобного типа с «абстрактным» навершием [Корневский и др., 2008. С. 200–210, рис. 3]. Его подборка аналогий сокурскому жезлу – предмет из могильника «Рябичев» [там же] и два изделия из клада у с. Шипуново на Алтае [Кирюшин, 2002. С. 235–236, рис. 129–130] трактуется как производственный инструментарий (песты), но имеющий во внешнем оформлении фаллические черты. Сокурское изделие несомненно использовалось как орудие ударного действия, на что указывает каверна поврежденного края нижнего рабочего окончания. Вместе с тем, его фаллоид-

ная форма отражает древнее восприятие некоторых трудовых операций в качестве отвлеченных сексуально-демиургических действий. Подобные парадигмы труда возникали в период нарастающего примата мужского патриархального главенства в условиях формирования позднеродовых первобытнообщинных систем.

Известны каменные жезлы с более реалистичными трактовками наверху в виде протом вепря, лошади, барана, кошачьего хищника, медведя, собаки (волка). В эпоху энеолита-ранней бронзы, в степной Евразии они производились как знаки-инсигнии родовой власти в раннескотоводческих племенах IV–III тыс. до н. э., а зоолатрические мотивы, вероятно, являлись тотемными индикаторами родовой принадлежности. Есть мнения о сочетании признаков двух разных животных в одном изображении на каменном скипетре, как, например, на экземпляре из Варфоломеевки (вепрь и собака) [Юдин, 2004. С. 128]. Пока не ясно, отражает ли это соединение двух тотемных начал при слиянии разных родовых коллективов, или здесь возникает намеренная химеризация животного первопредка. Но не исключено, что это может быть связано с малопонятными абстрактными воплощениями, одним из которых является наверху сокурского скипетра, отдаленно напоминающее голову барана.

Литература:

Лопатин В.А. Отчет о проведении археологических разведок на территории Балаковского района в зоне реконструкции спецперехода ВЛ 220 кВ через р. Волга и у с. Сокур Татищевского района Саратовской области в 2011 г. Саратов, 2012. Архив ИАКН СГУ.

Кирюшин Ю.Ф. Энеолит и ранняя бронза юга Западной Сибири. Барнаул, 2002.

Кореневский С.Н., Жеребилов С.Е., Парусимов И.Н. Находка каменного «жезла» на левобережье Нижнего Дона и типы евразийских каменных стержневидных скипетров эпох энеолита – бронзового века // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 2008. Вып. 6.

Юдин А.И. Варфоломеевская стоянка и неолит степного Поволжья. Саратов, 2004.

Рис. 1. Каменный пест-скипетр. Внешний вид.

Рис. 2. Верхний (1) и нижний (2) торцевые поверхности каменного песта-скипетра.

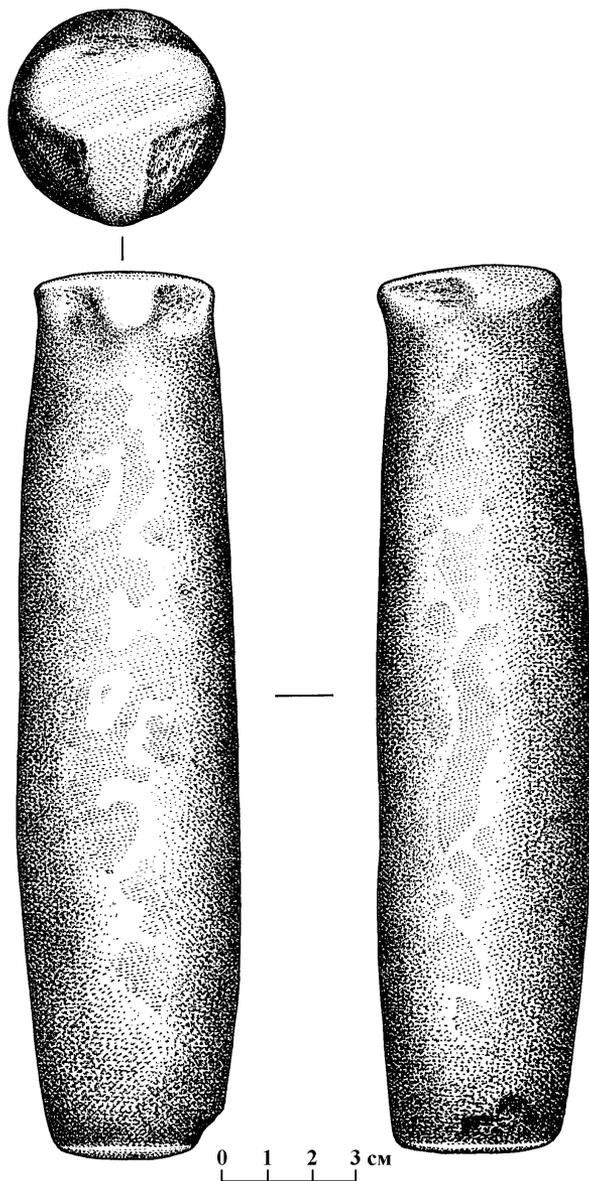

Рис. 3. Каменный пест-скипетр с местонахождения «Брод».

Список сокращений:

АВЕС – Археология Восточно-Европейской степи
АО – Археологические открытия
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ГАИМК - Государственная академия истории материальной культуры
ГИМ – Государственный исторический музей
ГЭ – Государственный Эрмитаж
ИА РАН - Институт археологии Российской академии наук
ИАК – Известия Археологической комиссии
ИИМК – Институт истории материальной культуры РАН
ИСТАРХЭТ – Общество истории, археологии и этнографии при СГУ
КБПА – Конструкторское Бюро Промышленной Автоматики
КСИА – Краткие сообщения института археологии
МГУ – Московский государственный университет
МИА – Материалы и исследования по археологии СССР
НАВ – Нижневолжский археологический вестник
НВИК – Нижневолжский институт краеведения
НИАЛ – Научно-исследовательская археологическая лаборатория
РА – Российская археология
СА – Советская археология
СГУ – Саратовский государственный университет
СГТУ – Саратовский государственный технический университет
им. Ю.А. Гагарина
СОМК – Саратовский областной музей краеведения
СУАК - Саратовская губернская ученая архивная комиссия
СЭ – Советская этнография
Труды ОИАИЭ – Труды Общества истории, археологии и этнографии при
Саратовском университете
ЭКМ – Энгельский краеведческий музей
ИАКН – Институт археологии и культурного наследия СГУ
ИИАП – Институт истории и археологии Поволжья

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ

- Малов Н.М.* Татьяна Максимовна Минаева
в истории археологии Нижнего Поволжья..... 7
- Фоменко С.В.* Дискуссии по вопросам межкультурного взаимодействия
в эпоху средней бронзы на территории Волго-Уральских степей:
ямно-полтавкинская проблематика..... 18
- Кочерженко О.В., Мимоход Р.А., Слонов В.Н., Шабанов В.Л.*
Типология баночных сосудов посткатакомбных культурных
образований: модель распада археологического типа..... 31
- Хреков А.А.* Заключительный этап эпохи бронзы на территории
лесостепного Прихоперья (Волго-Донского междуречья) 51
- Лопатин В.А., Малов Н.М.* Финал эпохи бронзы в нижневолжском
правобережье по материалам поселения «Мартышкино»..... 79
- Бочкарев В.С.* Периоды развития металлопроизводства
эпохи поздней бронзы на юге Восточной Европы..... 109
- ПУБЛИКАЦИИ
- Ким М.Г., Жемков А.И., Жуклов А.А., Лопатин В.А.*
Раскопки курганов близ с. Зеленая Роща в Ростовской области..... 161
- Быков В.Ю.* Многослойный памятник у села Ладонка 193

<i>Жемков А.И., Ким М.Г., Кочерженко О.В., Слонов В.Н.</i> Курганная группа у села Дмитриевка Вольского района Саратовской области.....	202
---	-----

ЗАМЕТКИ

<i>Лопатин В.А., Четвериков С.И.</i> Каменный скипетр из Сокура	224
Список сокращений	230
Содержание	231
Сведения об авторах.....	235

CONTENTS

ARTICLES

- Malov N.M.* Tatyana Maksimovna Minayeva
in the history of archaeology of the Lower Volga region 7
- Fomenko S.V.* Discussion on the issues of intercultural interaction
during the middle bronze epoch over the Volga-Ural steppe area:
the Pit-grave-Poltavka problematics..... 18
- Kocherzhenko O.V., Mimohod R.A., Slonov V.N., Shabanov V.L.*
Typology of the post-catacomb canned vessels as a model
of the disintegrational archaeological type..... 31
- Khrekov A.A.* Final stage of the bronze epoch
in the Forest-steppe Khoper region..... 51
- Lopatin V.A., Malov N.M.* Final of the bronze epoch
in the Lower Volga right bank region according
to the materials from the Martyshekino settlement..... 79
- Bochkarev V.S.* Periods of metal production development
in the late bronze epoch in the South of Eastern Europe..... 109

PUBLICATIONS

- Kim M.G., Zhemkov A.I., Zhuklov A.A., Lopatin V.A.*
Mound excavations near the village of Zelyonaya Roshcha
in the Rostov region 161

<i>Bykov V.Yu.</i> Multilayer monument near the village of Ladonka.....	193
<i>Zhemkov A.I., Kim M.G., Kocherzhenko O.V., Slonov V.N.</i> Kurgan group in the village Dmitrievka in Volskiy area of Saratov region.....	202
NOTES	
<i>Lopatin V.A., Chetverikov S.I.</i> Stone scepter from Sokur.....	224
List of abbreviations	230
Contents	231
Information on the authors	235

Сведения об авторах:

Бочкарев Вадим Сергеевич – старший научный сотрудник ИИМК РАН (С.-Петербург).

Быков Владимир Юрьевич – магистрант ИИиМО СГУ (Саратов).

Жемков Алексей Игоревич – археолог ГАУК НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области (Саратов)

Жуклов Александр Александрович – археолог ГАУК НПЦ по историко-культурному наследию Саратовской области (Саратов)

Ким Михаил Гансович – сотрудник Вольского краеведческого музея (Вольск).

Кочерженко Ольга Васильевна – младший научный сотрудник Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского (Саратов).

Лопатин Владимир Анатольевич – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Малов Николай Михайлович – кандидат исторических наук, доцент СГУ (Саратов).

Мимоход Роман Алексеевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела сохранения археологического наследия Института Археологии РАН (Москва).

Слонов Владимир Николаевич – кандидат исторических наук, руководитель Корпоративного центра компетенций СГУ – КБПА Саратовского государственного технического университет им. Гагарина Ю.А. (Саратов).

Фоменко Сергей Владимирович – археолог ООО «Терра» (Самара)

Хреков Анатолий Анатольевич – старший преподаватель Балашовского педагогического института СГУ (Балашов).

Четвериков Станислав Иванович – документовед ИИиМО СГУ (Саратов).

Шабанов Виктор Леннорович – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института аграрных проблем РАН (Саратов).

**КАФЕДРА ИСТОРИЯ РОССИИ И АРХЕОЛОГИЯ
САРАТОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО**

Уважаемые коллеги!

На кафедре истории России и археологии Саратовского госуниверситета продолжается издание сборника **«Археология Восточно-Европейской степи»**. Приглашаем Вас принять участие в этом издании. Редакционная коллегия принимает материалы для публикации по следующим темам:

- Новейшие исследования в археологии региона и проблемы охраны памятников
- Культуры каменного века и палеоэкология
- Культурогенетические процессы в эпоху энеолита – бронзы
- Варварская периферия античного мира
- Археология и история средневековья
- Этноархеологические исследования памятников российской колонизации

Нижнего Поволжья

- Памятники первобытного искусства
- История и историография археологии
- Новейшие методы в полевой археологии и междисциплинарных исследованиях

В сборник также принимаются оригинальные переводы исторических источников, касающиеся древней и средневековой истории Восточно-Европейских степей.

Требования к оформлению статей:

- Объем: до 1-1,5 п. л.
- Обязателен печатный и электронный варианты (по электронной почте) – в текстовом редакторе WORD, формат Word или RTF, шрифт – Times New Roman, кегль 14, полуторный интервал.
- Поля: верхнее 2 см, левое 3 см, нижнее 2 см, правое 1,5 см. Абзацный отступ 1,25.
- Инициалы и фамилия автора печатаются в правом верхнем углу.
- Иллюстрации входят в общий объем статьи и выполняются в отдельных файлах любого формата, поддерживаемого редактором Photoshop, (разрешением не менее 300 dpi), размещаются на листе формата А4 (до 7 экземпляров), с соответствующими подписями, номерами рисунков и ссылками на рисунки в тексте.
- Название статьи набирается заглавными буквами, выделяется жирным шрифтом и печатается по центру.
- Оформление ссылок – по правилам журнала «Российская Археология».
- К статье должно быть приложено краткое резюме и ключевые слова (не более 10) на русском и английском языках.
- В конце статьи указывается фамилия, имя, отчество автора (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (кафедра, факультет, ВУЗ, учреждение, лаборатория, отдел и т. п.), контактный телефон, e-mail.
- Печатный экземпляр должен быть подписан автором.

Статьи можно направить по адресу: 410012, г. Саратов, ул. Астраханская, 83, СГУ, Институт истории и международных отношений (Корп. 11), Кафедра истории России и археологии.

Ответственный редактор сборника: Лопатин Владимир Анатольевич, доцент кафедры истории России и археологии СГУ (моб. тел.: +79172148709). Ответственный секретарь сборника: Малышев Алексей Борисович, доцент кафедры историографии, региональной истории и археологии СГУ (моб. тел.: +79271036920 e-mail: ordynez@yandex.ru).

Телефон кафедры: 8(8452)210656.

Для заметок

Для заметок

Научное издание

АРХЕОЛОГИЯ
ВОСТОЧНО-ЕВРОПЕЙСКОЙ СТЕПИ

Межвузовский сборник научных трудов

Выпуск 12

Под редакцией *В.А. Лопатина*

Технический редактор *А.И. Жемков*
Оригинал-макет подготовил *А.И. Жемков*

Подписано в печать 15.12.2016. Формат 70x100^{1/16}

Бумага офсетная. Гарнитура Book Antiqua.

Усл. печ. л. 19,35 (15,0). Уч.-изд. л. 8,61. Тираж 200 экз. Заказ №

Издательство «Техно-Декор» 410012, г. Саратов, ул. Московская, 160
Тел.: (8452) 26-38-48 www.sar-print.ru